

ВЕСТНИК МГПУ.

**СЕРИЯ «ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ».**

**MCU JOURNAL OF PHILOLOGY.
THEORY OF LINGUISTICS.
LINGUISTIC EDUCATION**

№ 2 (54)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2024**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

<i>Реморенко И. М.</i> председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации, член-корреспондент РАО
<i>Рябов В. В.</i> заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
<i>Геворкян Е. Н.</i> заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
<i>Агранат Д. Л.</i> заместитель председателя	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

<i>Тарева Е. Г.</i> главный редактор	доктор педагогических наук, профессор
<i>Викулова Л. Г.</i> заместитель главного редактора	доктор филологических наук, профессор
<i>Смирнова А. И.</i> заместитель главного редактора	доктор филологических наук, профессор
<i>Алмазова Н. И.</i>	доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого)
<i>Аминова В. Р.</i>	доктор филологических наук, доцент (Казанский (Приволжский) федеральный университет)
<i>Афанасьева О. В.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Беляева И. А.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Богданова Л. И.</i>	доктор филологических наук, профессор (МГУ им. М. В. Ломоносова)
<i>Борботько Л. А.</i> ответственный секретарь	кандидат филологических наук, доцент
<i>Бубнова И. А.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Геймбух Е. Ю.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Гиллеспи Д. Ч.</i>	кандидат педагогических наук, профессор
<i>Джумаило О. А.</i>	доктор филологических наук, доцент (Южный федеральный университет)
<i>Журавлева Е. А.</i>	доктор филологических наук, профессор (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Казахстан, Алматы)
<i>Колесников А. А.</i>	доктор педагогических наук, доцент
<i>Колмогорова А. В.</i>	доктор филологических наук, профессор (НИУ ВШЭ, Петербургская школа гуманитарных наук и искусств)
<i>Курдюмов В. А.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Лесневска Д. С.</i>	доктор филологии, доцент (Университет национального и мирового хозяйства, София, Болгария)
<i>Матвеева И. И.</i> секретарь	кандидат филологических наук, доцент
<i>Меркулова М. Г.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Романова Г. И.</i>	доктор филологических наук, доцент
<i>Серебренникова Е. Ф.</i>	доктор филологических наук, профессор (Иркутский государственный университет)
<i>Собянина В. А.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Сулейманова О. А.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Тивьяева И. В.</i>	доктор филологических наук, доцент
<i>Чернявская В. Е.</i>	доктор филологических наук, профессор, член Санкт-Петербургского союза ученых (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого)
<i>Чупрына О. Г.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Шафранская Э. Ф.</i>	доктор филологических наук, доцент
<i>Якушевич И. В.</i>	доктор филологических наук, доцент

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

- Плотникова А. Г.* Проблемы атрибуции публицистических текстов М. Горького 1896–1898 годов 7
- Самоделова Е. А.* «Русалочьи сказки» А. Н. Толстого как авторские этиологические мифы о цветах 22
- Матвеева И. И.* Фольклорный код в романе А. Варламова «Душа моя Павел» 39
- Киреева Н. В.* Трансформация образа сыщика в постмодернистском детективе 53

Русистика. Германистика. Романистика

- Голубков А. В.* «Menagiana» в контексте дебатов о языке во французской интеллектуальной культуре XVII века 65
- Мальшиева Е. Г., Русакова Ю. Е.* Образ, медиаобраз, медиаобраз региона vs имидж, медиаимидж, имидж региона: понятийно-терминологический аппарат современных российских исследований 76
- Алексеев А. В.* Происхождение и коннотация древнерусского слова «смердь» 95
- Девятова Н. М.* Концепт «радость» и его языковые воплощения 108

Теория языка. Теория межкультурной коммуникации

- Карасик В. И.* Когнитивные, семиотические и акциональные характеристики музея как лингвокультурного феномена 120
- Лызлов А. И., Сулейманова О. А.* Дружеские отношения в отражении русской, немецкой и английской фразеосистем 136
- Пименова М. Вас.* Обозначение цвета как терминологического знака в тексте русских лечебников 151

<i>Нефедова Л. А., Зубенко Я. В.</i> Стратегия самопрезентации в женском нарративе (на примере художественных текстов немецко- и русскоязычных авторов-женщин)	163

**Языковое образование. Методика преподавания
филологических дисциплин**

<i>Юнгина А. Н., Евдокимова М. Г.</i> Проблема формирования готовности будущего учителя иностранного языка к разработке цифровой лингвообразовательной среды.....	178
<i>Никитенко З. Н., Лукашенко А. Д.</i> Технология формирования нравственных ценностей у студентов-международников в процессе чтения англоязычной прессы	189
<i>Тивьяева И. В., Михайлова С. В., Казанцева А. А.</i> Регламентирование использования средств генеративного искусственного интеллекта в выпускной квалификационной работе	202
Требования к оформлению статей.....	219

CONTENTS

Literary Science

<i>Plotnikova A. G.</i> Attribution of Maksim Gorky's Journalistic Texts of 1896–1898	7
<i>Samodelova E. A.</i> «Mermaid Tales» by Alexey N. Tolstoy as Author's Etiological Myths about Flowers	22
<i>Matveeva I. I.</i> Folklore Code in the Novel by A. Varlamov «My Soul Pavel»	39
<i>Kireeva N. V.</i> Detective's Image Transformation in Postmodern Detective Novels	53

Russian Studies. Germanic Studies. Romance Studies

<i>Golubkov A. V.</i> «Menagiana» in the Context of Debates on Language Within the XVIIth Century French Intellectual Culture	65
<i>Malysheva E. G., Ruskova J. E.</i> Representation, Media Representation, Media Representation of the Region vs Image, Media Image, Image of the Region: Conceptual and Terminological Metatext in Modern Russian Research.....	76
<i>Alekseev A. V.</i> The Origin and Connotation of the Old Russian Word <i>Smerd</i>	95
<i>Devyatova N. M.</i> <i>Radost'</i> / Joy Concept and Linguistic Embodiments.....	108

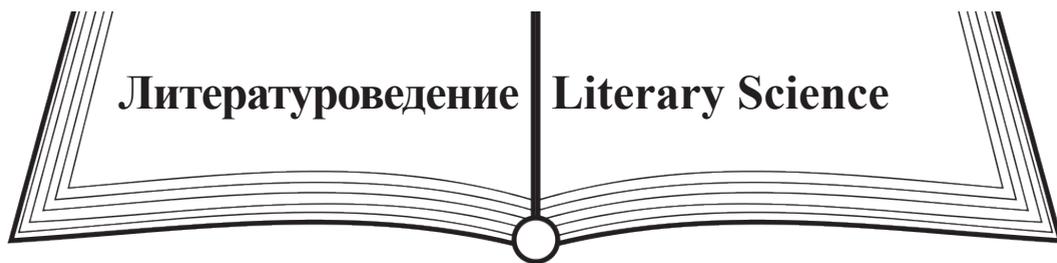
Linguistic Theory. Cross-Cultural Communication Theory

<i>Karasik V. I.</i> Cognitive, Semiotic and Actional Features of Museum as a Linguistic and Cultural Phenomenon.....	120
<i>Lyzlov A. I., Suleimanova O. A.</i> Friendship as Represented in Russian, German and English Phraseology	136
<i>Pimenova M. Vas.</i> Color Nomination as a Terminological Sign in Russian Heal Books (Lechebnics) Texts.....	151

<i>Nefedova L. A., Zubenko Ya. V.</i> Self-Presentation Strategy in Female Narrative (Relying on Fiction Texts by German and Russian Female Authors).....	163

**Language Teaching, Methodology of Teaching
Philological Disciplines**

<i>Yungina A. N., Evdokimova M. G.</i> Would-be Foreign Language Teachers' Readiness to Design Digital Language Education Environment	178
<i>Nikitenko Z. N., Lukashenko A. D.</i> Enhancing Moral Values in International Relations Students While Reading the English-Language Press	189
<i>Tivyaeva I. V., Mikhailova S. V., Kazantseva A. A.</i> Regulating the Use of Generative Artificial Intelligence Tools in Graduate Qualification Papers	202
Requirements for the Style of Articles.....	219

Научная статья

УДК 821.161.1-92.09«18»

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.01

ПРОБЛЕМЫ АТРИБУЦИИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ М. ГОРЬКОГО 1896–1898 ГОДОВ

Плотникова Анастасия Геннадьевна

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия,

aplotnikovaimli@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1866-0608>

Аннотация. В статье представлен опыт розыска и атрибуции двух ранее неизвестных фельетонов М. Горького, опубликованных в газете «Нижегородский листок» 24 августа 1898 года. Актуальность исследования обусловлена необходимостью подготовки третьей серии Полного собрания сочинений писателя — «Литературно-критические и публицистические статьи», — в связи с чем работа по розыску и атрибуции текстов приобретает системный характер. Атрибуция художественных и публицистических текстов русских писателей, анонимных или подписанных малоизвестными псевдонимами, представляет собой особую текстологическую проблему. Для установления авторства восстанавливается биографический контекст жизни писателя с привлечением обширного комплекса опубликованных и архивных мемуарно-эпистолярных документов, проводится комплексный проблемно-тематический и семантико-стилистический анализ текстов. Осуществленное исследование позволяет утверждать, что первый фрагмент «Маленького фельетона», опубликованного 24 августа 1898 года, написан редактором «Нижегородского листка» Е. М. Ещиным. Второй и третий фрагменты, посвященные ярмарочной лотерее и кинематографу, тематически, композиционно и стилистически существенно отличаются от первого, написаны одним человеком. С большой долей уверенности можно отнести их к авторству Горького, что подтверждается комплексным анализом проблемно-тематических доминант текста и его стилистических особенностей. Разысканный и атрибутированный фельетон включается в общий контекст творчества писателя, прослеживаются связи с циклом статей «Беглые заметки», написанным во время Всероссийской торгово-промышленной ярмарки 1896 года,

и другими публицистическими и художественными произведениями Горького 1896–1898 годов.

Ключевые слова: М. Горький, публицистические статьи, атрибуция, текстология, «Нижегородский листок», кинематограф.

Для цитирования: Плотникова, А. Г. (2024). Проблемы атрибуции публицистических текстов М. Горького 1896–1898 годов. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(54), 7–21. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.54.2.01>

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00421 «М. Горький в кругу искусств».

Original article

UDC 821.161.1-92.09«18»

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.01

ATTRIBUTION OF MAKSIM GORKY'S JOURNALISTIC TEXTS OF 1896–1898

Anastasia G. Plotnikova

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,

aplotnikovaimli@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1866-0608>

Abstract. This article presents the experience of searching and attributing two previously unknown feuilletons by M. Gorky, published in the newspaper «Nizhegorodskij listok» on August 24, 1898. The relevance of the study is due to the need to prepare the third series of the writer's Complete Collection of works, namely, «Literary-critical and journalistic articles», which adds to searching and attributing texts becoming systematic. The attribution of artistic and journalistic texts by Russian writers, anonymous or signed by little-known pseudonyms, represents a certain textual problem. Authorship to be established, the biographical context of the writer's life is restored using an extensive set of published and archival memoirs and epistolary documents, as well as a comprehensive problem-thematic and semantic-stylistic analysis of the texts is to be carried out. The research conducted allows to assert that the first fragment of the «Little feuilleton», published on August 24, 1898, was written by the editor of the «Nizhegorodskij listok» E. M. Eschin. The second and third fragments, describing fair lottery and cinema, are thematically, compositionally and stylistically significantly different from the first part, belonging to one author. With a high degree of confidence, we can attribute them to Gorky, which is confirmed by a comprehensive analysis of the textual problematic and thematic dominants and its stylistic features. The found and attributed feuilleton is included in the general context of the writer's work; there are connections traced with the series of articles «Quick Notes», written during the All-Russian Trade and Industrial Exhibition of 1896, and other journalistic and artistic works of Gorky's from 1896–1898.

Keywords: M. Gorky, journalistic articles, attribution, textual criticism, «Nizhegorodskij listok», cinema.

For citation: Plotnikova, A. G. (2024). Attribution of Maksim Gorky's journalistic texts of 1896–1898. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(54), 7–21. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.54.2.01>

Acknowledgements: the research was carried out at IWL RAS with support of a grant from the Russian Science Foundation (project no. 23-28-00421. «M. Gorky in the circle of arts»).

Введение

Атрибуция художественных, публицистических и эпистолярных текстов русских классиков представляет собой особую сложную текстологическую проблему. Исследователи сталкиваются с ней нечасто: новые тексты обнаруживаются редко, и всегда их появление становится событием в филологической науке. В последние годы появились интересные работы В. Н. Терехиной о проблемах текстологии записных книжек В. В. Маяковского (Терехина, 2022). Ведется системная работа по определению авторства публицистических статей в журналах братьев Достоевских (Захарова, 2021; Зубков, 2021). Так, в статье О. В. Захаровой представлен интересный опыт исследования анонимных текстов с использованием методов статистического анализа формально-грамматических и синтаксических параметров текста, а также с привлечением такого новейшего технического средства, как нейросети (Захарова, 2021). Однако компьютерные технологии не могут полностью заменить или исключить традиционные историко-филологические технологии атрибуции, заключающиеся в привлечении объемного документального, мемуарного, эпистолярного корпуса материалов, проблемно-тематического и семантико-стилистического анализа.

В настоящее время в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН завершается выпуск серии «Письма» в 24 томах Полного собрания сочинений Горького и осуществляется подготовка проспекта третьей серии «Литературно-критические и публицистические статьи», в связи с чем работа по розыску и атрибуции текстов, в том числе в синхронной прессе, приобретает системный характер. В данной статье представлен опыт розыска и атрибуции двух ранее неизвестных фельетонов Горького, опубликованных в газете «Нижегородский листок» в 1898 году.

Ход исследования

М. Горький начал сотрудничество с «Нижегородским листком» в мае 1896 года, когда в качестве корреспондента приехал на Всероссийскую торговую и промышленную выставку в родной город. Серия публицистических

очерков «Беглые заметки», опубликованная им в мае – октябре, насчитывала более 30 текстов (Горький, 2017), вызвала большой интерес читателей и оживленную полемику в нижегородской печати. С этого времени писатель регулярно публиковал рассказы и статьи, выступая, как правило, под псевдонимами и криптонимами М. Горький, Некто X, I. M. Pacatus, А. П-в, I. Хл., М. Г-ий и др. Отношение писателя к его псевдонимам требует наблюдений. Так, М. Г. Уртминцева заметила, что разнообразие псевдонимов и криптонимов в этот период имело функциональный характер, они менялись в зависимости от темы и характера статьи, а также от той коммуникативной задачи, которую он перед собой ставил (Уртминцева, 2018, с. 168). В период 1896–1898 годов в «Нижегородском листке» вышли такие важные произведения, как «Хан и его сын», «Ярмарка в Голтве», «Как мы устроили наше хозяйство», «Разбойники на Кавказе», «Товарищи», «Болесь» и мн. др. В эти годы Горький органично сочетал газетную работу, разнообразную общественную деятельность с напряженным творческим трудом. Однако с начала 1898 года он не печатался в «Нижегородском листке» с такой интенсивностью, как прежде, вероятно, решив сосредоточиться на творческой литературной работе: к этому времени его произведения появились в таких известных журналах, как «Русское богатство», «Русская мысль», «Северный вестник» и др.

Следующим шагом должна была стать книга. В апреле 1898 года в издательстве С. П. Дороватовского и А. П. Чарушникова вышло первое издание Горького — двухтомник «Очерки и рассказы», который принес ему всероссийскую известность. Случай Горького был уникален еще и в отношении тиражей — издатели напечатали около 4 тыс. экземпляров, что для того времени составляло огромную цифру. Однако это не улучшило финансового положения молодого автора, 7 апреля 1898 года он сообщил издателю: «Ваши деньги — пожраны кредиторами» (Горький, 1997, с. 254). Положение Горького еще более усложнилось к лету 1898 года. С 6 до 31 мая он находился под арестом по делу Тифлисского и Батумского кружков, членам которых ставилась в вину социал-демократическая пропаганда среди рабочих, и часть лета прошла в хлопотах по поводу разрешения от жандармского управления о проживании в Нижнем Новгороде. С этим были связаны и финансовые трудности. Около 11 августа Горький написал С. П. Дороватовскому в ответ на предложение издать третий том его произведений: «Что поместить в него? “Варенька” (рассказ “Варенька Олесова”. — А. П.) требует основательной работы, а я сейчас должен писать что-нибудь новое, ибо денег — ни гроша» (Горький, 1997, с. 269). 12 августа 1898 года Горький просил редактора журнала *Cosmopolis* Ф. Д. Батюшкова выслать аванс за будущий рассказ: «Я сейчас принужден работать в одной из местных газет, что мне до крайности противно» (Горький, 1997, с. 270). Упомянутая «местная газета» — это, конечно, «Нижегородский листок», негативные эмоции писателя связаны с необходимостью вернуться к поденной газетной работе в ущерб творческой.

Батюшков поддержал Горького, выслав ему аванс за рассказ «Читатель», и тот с благодарностью ответил: «Сто получил и — рад! Это для меня — месяц свободы» (Горький, 1997, с. 271). Обратим внимание на эту цифру. Через некоторое время, 19 октября, ближайший нижегородский друг Горького А. Е. Богданович написал своей невесте А. П. Волжиной (родной сестре Е. П. Пешковой): «Алекс<ея> Макс<имовича> не было дома, он был в редакции “Листка”, в котором он взялся писать фельетон за 100 руб. в месяц. Теперь он утром ходит в редакцию» (Богданович, 1898). Указанная Богдановичем суммой полностью совпадает с той, о которой Горький писал Батюшкову. Можно предположить, что именно этот аванс дал писателю недолгую передышку в финансовых проблемах, и он мог позволить себе печататься в газете в августе и сентябре не регулярно, но с середины октября вынужден был снова полностью поступить в распоряжение «Нижегородского листка».

Одним из наиболее популярных разделов в газете был «Маленький фельетон». По наблюдению М. Г. Уртминцевой, эта рубрика характеризовалась следующими особенностями: «Здесь печатались очерки, материалы информационно-аналитического характера, рецензии на литературные новинки и театральные спектакли, что в целом соответствовало одной из важнейших задач программы “большого издания”: общественному просвещению и воспитанию читателя» (Уртминцева, 2015, с. 190). Традиционная для печати этого периода рубрика «Маленький фельетон» содержала зарисовки из жизни Нижнего Новгорода, провинциальные бытовые картинки и подписывалась астрономом «* *», под которым скрывалось имя одного из сотрудников газеты: Е. М. Ещина, Н. П. Ашешова или С. Д. Протопопова. В октябре 1898 года к ним присоединился и Горький. Кстати, раздражение писателя, осязаемое в цитированном выше письме Батюшкову, может быть отчасти связано с принятой в газете анонимностью фельетонов. Имя Горького прогремело на всю страну, и возвращение к работе такого рода было существенным шагом назад.

Факт работы Горького в рубрике «Маленький фельетон» «Нижегородского листка» подтверждается различными источниками. Так, сам писатель сообщил С. Я. Елпатьевскому в середине октября 1898 года: «Сейчас я делаю долги и ежедневные фельетоны в “Листке”» (Горький, 1997, с. 279). Наконец, совершенно бесспорное утверждение обнаруживается в письме С. Д. Протопопова В. Г. Короленко от декабря 1898 года: «В Алжире я читал “Нижегородский листок”. “Маленький фельетон” пишет Алексей Максимович и пишет, по-моему, неважно» (Протопопов, 1898). Надо отметить, что Горький и раньше, еще 8 июня 1896 года, публиковался в этой анонимной рубрике, и через много лет он подтвердил свое авторство в письме биографу И. А. Груздеву: «Штучку эту писал я, дорогой Илья Александрович. Молодой был тогда, бойкий» (Горький, 2017, с. 344). При этом в известных библиографиях произведений М. Горького или в четырехтомной «Летописи жизни и творчества

А. М. Горького» эти тексты не значились, а в горьковедческой литературе этот биографический сюжет не обсуждался.

Впервые эту текстологическую проблему горьковедения обозначила на рубеже 1980–1990-х годов М. Г. Петрова, редактор одного из томов Полного собрания сочинений писателя. Опираясь на материалы архивов М. Горького и В. Г. Короленко, в цикле научных статей она последовательно доказывала, что Горький осенью 1898 года, с 17 октября по 29 ноября, *ежедневно* печатался в разделе «Маленький фельетон» (Петрова, 1986, 1989). Продолжив свое исследование, Петрова в 1992 году выдвинула новое предположение: эпизодически Горький начал печататься в этой рубрике уже в августе 1898 года (Петрова, 1992, с. 6). В «Литературной газете» был републикован очерк «О самокате» (Петрова, 1992, с. 6), напечатанный без подписи в «Нижегородском листке» 14 августа 1898 года (Горький, 1898) и убедительно атрибутированный Петровой как горьковский на основании биографических мотивов и стилистических особенностей. Таким образом, исследовательнице удалось выявить более 30 публицистических текстов Горького, не входивших в прежние библиографии (Петрова, 1989, с. 19–62).

Однако еще раньше, в 1951 году, предположение о наличии горьковских текстов среди «Маленьких фельетонов» этого периода высказал киновед В. Е. Вишневский (Вишневский, 1951, с. 30). В «Нижегородском листке» за 25 августа 1898 года он обнаружил небольшую неподписанную статью о кинематографе (Маленький фельетон, 1898) и связал ее с теми, что были напечатаны Горьким в газетах «Нижегородский листок» (Горький, 1896а) и «Одесские новости» (Горький, 1896б) во время проведения Всероссийской выставки 1896 года. Однако само исследование, приведшее Вишневского к таким выводам, не было обнародовано, читателю предлагалось верить на слово.

Между тем исследование комплекса киноведческих текстов Горького 1896–1898 годов представляется чрезвычайно важным, поскольку они давно стали частью мировой культурной парадигмы. Это подтверждается неоднократным обращением к данным статьям российских и зарубежных ученых. Горьковские очерки о кино изучали В. Е. Вишневский (Вишневский, 1932), И. В. Вайсфельд (Вайсфельд, 1961), Ю. В. Цивьян (Цивьян, 1991, с. 178–179). Анализируя первые годы бытования кинематографа, о социально-политической позиции в текстах Горького писал Э. Ганератни (Guneratne, 1998). Т. Ганнинг обращал внимание на танатологическую природу образов, создаваемых Горьким в этих очерках (Gunning, 2000). Позднее подобные мотивы были описаны в труде «Spectacle of the real» («Изображая реальность») под редакцией Дж. Кинга (Spectacle of the real, 2005). Французская исследовательница В. Познер также произвела комплексный анализ очерков (Pozner, 2006), осуществила научный перевод горьковских текстов на французский язык и в 2023 году опубликовала подготовленные материалы в монографии «Gorki au cinématographe» («Горький

и кинематограф») (Pozner, 2023). В качестве исторического источника о технической составляющей первых киносеансов рассматривают очерки Горького С. Идальго и Л. Пеллетье (Hidalgo, Pelletier, 2017).

Как известно, Горький присутствовал на одном из первых нижегородских киносеансов 29 июня 1896 года (об установлении этой даты см.: (Плотникова, 2018, с. 8)). Первый очерк об этом был напечатан 4 июля 1896 года в «Нижегородском листке» (№ 182) в цикле «Беглые заметки» под псевдонимом I. M. Pacatus (лат. «немирный») (Горький, 1896а), а через два дня, 6 июля, — второй — в «Одесских новостях» (№ 3681) в рубрике «С Всероссийской ярмарки» под криптонимом А. П-в (Горький, 1896б). Следуя своему долгу корреспондента, Горький передает фактическую сторону события, дает представление о техническом устройстве новинки и перечисляет увиденные им ленты: «Улица в Париже» напоминает ему гравюры или картины, «Прибытие поезда на вокзал Ла-Сьота» заставляет публику волноваться — она опасается движущегося локомотива. «Выход рабочих с фабрики» и «Семейный завтрак» кажутся автору неуместно контрастирующими с рестораном Омона, где они демонстрируются. Незамысловатые сюжеты первых лент Люмьеров описаны Горьким подробно, с документальной точностью.

Однако главное, что делает Горький в этих двух очерках, — он создает эмоциональное представление о переживании, испытанном при просмотре. Он сразу заявляет: «Впечатление, производимое ими (фильмами. — А. П.), настолько необычно, так оригинально и сложно, что едва ли мне удастся передать его со всеми нюансами» (Горький, 1896а). Горький называет «чудо Люмьера» «царством теней», и его описание полно inferнальных, мрачных мотивов, мир на экране подобен загробному, отсутствие звука также напоминает образы древнегреческой мифологии: «Безмолвно колеблется под ветром пепельно-серая листва дерев, беззвучно скользят по серой земле серые, теневые фигуры людей, точно проклятые проклятием молчания и жестоко наказанные тем, что у них отняли все цвета, все краски жизни» (Горький, 1896а). Мотив смерти усиливается многократным умножением ассоциативной цепочки. Перечислим лексические конструкции в двух указанных очерках, работающие на этот образ: тени, проклятие, жестоко наказанные, привидения, сон, колдовство, люди умерли, обречены, вечно, предупреждение, мрачный смысл, щемящий душу тоской, сознание гаснет и мутится, жутко, веет холодом, пепел и др. Как видим, такой насыщенный семантический ряд действительно создает тотально мрачное ощущение.

Киноочерки Горького отличаются выраженной социальной проблематикой. Он неоднократно обращает внимание на колоссальный контраст между тем, что он видит на экране и в зрительном зале. Например, в ленте «Выход рабочих с фабрики» — веселые работницы, закончившие трудовой день, в зале — несчастные женщины, вынужденные искать общества мужчин в ресторане «Театр-Паризьен»: «Толпа живых, подвижных, весело хохочущих женщин

выступает из широких ворот, разбегается по экрану и исчезает. Все они такие милые, с такими скромными, облагороженными трудом живыми личиками. А на них из тьмы комнаты смотрят их землячки, интенсивно веселые, неестественно шумные, экстравагантно одетые, немножко подкрашенные и не способные понять своих лионских землячек» (Горький, 1896б). Еще бóльшую неуместность Горький находит в демонстрации фильма «Семейный завтрак», в котором была изображена «идиллия в трех лицах»: «Молодые супруги и толстый их первенец завтракают. Они оба такие влюбленные, милые, веселые, счастливые, а бебе — такой забавный. Картина производит такое хорошее, мягкое впечатление» (Горький, 1896а). «Место ли этой семейной картине у Омона?» — вопрошает автор читателя. Этот конфликт получает художественное развитие в первом в истории художественном произведении на тему кино — рассказе Горького «Отомстил...».

Горький показал два пути, два варианта развития кинематографа. Первый — путь социально важного явления, имеющего просветительскую функцию: «Я не представляю научного значения изобретения Люмьера, но оно, несомненно, есть, и его наверное возможно применить к общей задаче науки, к усовершенствованию жизни человека, к развитию его ума» (Горький, 1896а). Второй, более вероятный, по предположению писателя, — путь развлекательного средства, обращающегося к самым низменным желаниям человека: «Дадут, например, картину “Она раздевается”, или “Акулина, выходящая из ванны”, или “Она надевает чулки”. Можно также сфотографировать бой канавинского мужа с своей женой и дать публике под названием “Прелести семейной жизни”» (Горький, 1896а). Интересно, что в первых программах Люмьеров не было подобных эротических лент, но художественная прозорливость Горького позволила ему угадать саму природу зарождающегося нового искусства, которую впоследствии исследователи назвали вуайеристической (Левицки, 2018; Эльзесер, Хагенер, 2016). «Эротические аллюзии с самого начала были неотъемлемой частью кинозрелища и кинематографа, — отмечает польский исследователь А. Левицки, — кино аттракционов рассматривало именно секс как приманку, которая должна была привлечь публику в кинозалы и к объективам кинетоскопов» (Левицки, 2018, с. 165). Более того, в приведенной цитате Горький практически описал еще не существующие фильмы Э. Пиру «В ванной комнате» (1896) и Ж. Мельеса «После бала» (1897).

Кратко охарактеризовав известные очерки М. Горького о кинематографе, вернемся к «Маленькому фельетону» от 25 августа 1898 года и прибегнем к комплексному проблемно-тематическому и семантико-стилистическому анализу, чтобы определить авторство этих текстов.

«Маленький фельетон» в № 232 «Нижегородского листка» состоит из трех частей. В первом фрагменте рассказывается о планах строительства постоянного моста через Оку вместо плашкоутного, который устраивался каждый год к ярмарке, и о конфликте между городским и ярмарочным начальством

по этому поводу. Текст написан сухим языком, избыточным канцеляризмами и сложными конструкциями: «Мы указывали, что городское управление, проектируя установить сбор за проход и проезд по мосту для покрытия процентов и погашения предполагаемого займа на постройку моста, исключило ярмарочное время с 15 июля по 10 сентября из времени взимания этого сбора» (Маленький фельетон, 1898). Частный вопрос, хоть и очень важный для города, не выходит за пределы интересов Нижнего Новгорода, фельетон остается корреспонденцией.

Совершенно иное впечатление вызывает второй фрагмент, где изображается лотерея в пассаже Главного ярмарочного дома. Описывается общая обстановка («тесно и душно было на славу»), толкотня и хаос во время покупки билетов («О каком-либо порядке — не было и речи. Давили друг друга, пищали, кричали, ругались и наваливали свои рубли и четвертаки с презрением поразительным»), азарт и разочарование людей, «обуянных жадной, но призрачной надеждой выиграть за рубль серебряный самовар» (Маленький фельетон, 1898). Возникают яркие, конкретные и узнаваемые типические образы: «солидная дама купеческой конструкции», выигравшая не нужный ей элемент мужской одежды, рассерженный «сударь», которому «за рубль достался бумажный рак» и «оскорбленный сим искатель счастья разорвал его и растоптал ногами». В финале фрагмента о лотерее повествование выходит на обобщающий, философский уровень: «И вид человеческой алчности невольно возбуждал старую мысль о воспитательном значении всех этих лотерей, возбуждающих такие грубые и низкие инстинкты» (Маленький фельетон, 1898). По похожему принципу: описание конкретной ситуации — изображение типов — философское рассуждение — были построены многие очерки Горького, написанные в период Всероссийской выставки, атрибуция которых не вызывает сомнений.

Третий фрагмент, посвященный кинематографу, начинается с иронического восклицания: «А курилка все-таки жив!» Курилкой назван не собственно кинематограф, а место, где раньше располагался ресторан Омона, и сам тип подобных развлечений. В 1897 году нижегородским губернатором стал П. Ф. Унтербергер, который изменил порядки на ярмарке, в том числе запретил рестораны с «кабинетами», существенно сократив возможности теневой проституции, которой так возмущался Горький в «выставочных» очерках. «Хотя на месте, где в прошлом году подвизались звезды Омона, и возник ныне некий скучнейший “электрический театр”, — однако, дух Омона по-прежнему витает в месте бывшего торжества своего» (Маленький фельетон, 1898). Имя ресторатора появляется в небольшой заметке трижды, в финале автор вспоминает, что он был кучером генерала Буадефра, французского аристократа, некоторое время жившего в России. Эти же сведения (впрочем, исторически неверные) Горький сообщал в том самом очерке о «кинематографе» «С Всероссийской выставки», напечатанном в «Одесских новостях» 6 июля 1896 года. В похожем

контексте он вспоминает Омона и в очерке от 25 ноября 1898 года, атрибутированном М. Г. Петровой: «Выгнали Омона с его отвратительным вертепом, — на его месте выросло другое учреждение того же пошиба, но все же приносившее меньше вреда, чем Омон» (Петрова, 1989, с. 51).

Новое учреждение приносит, по мнению автора, «меньше вреда», поскольку там больше не выступают реальные женщины на эстраде, но показываются кинематографические ленты сомнительного содержания: «В 9 и 11 часов показывают картины “для взрослых”... Первая картина для взрослых изображает кадрили, которую исполняют дамы в панталонах. Вторая картина — “Канкан”. Третья — дама, которая раздевается и садится в ванну. Четвертая — художник рисует с натуры, а натуру изображает тоже дама и, конечно, в натуральном виде. Она делает такие движения ногами, которых и канкан не допускает. Потом следует “Свадебная ночь”... Содержание этой картины неопишимо, но она больше всего нравится публике. Публика даже гогочет от восторга, гогочет и кричит: “Еще! Ма-ало!” Хотя все эти картины — лишь тени безмолвные, но это, несомненно, тени былого, омонистого прошлого. И являясь пред публикой, они воскрешают память о том, что когда-то, на этом самом месте, показывалось живое тело, которое не только двигалось, но и распевало разные циничные песни... По всей вероятности, картины эти поставлены предпринимателем по инициативе авторов знаменитой петиции о возвращении арфисток и поставлены с целью не дать забыть ярмарочной публике о том, как хорошо было жить во время оно и как бы хорошо вернуть назад это прошлое!» (Маленький фельетон, 1898). В этом фрагменте обнаруживаются тематические и текстуальные совпадения с очерками Горького о кино в 1896 году: эротизм раннего кино и предсказанное писателем усиление этой тенденции, описание реакции публики, превращение имени Омона в нарицательное («омонистое прошлое»), упоминание «циничных песен» и «арфисток», которых некоторым посетителям не хватает на ярмарке.

Стилистические и синтаксические особенности второго и третьего фрагментов тоже вызывают в памяти горьковские тексты. М. Г. Петрова при анализе выявленных ею фельетонов выделяла следующие признаки: наличие церковнославянизмов, употребляемых для создания иронического эффекта, употребление кратких форм «чтоб», «пред», частое использование тире как авторского знака. Мы обнаруживаем все перечисленные особенности: «проверка приняла вид отделения *овец от козлиц*», «являясь *пред* публикой», многочисленные авторские тире и многоточия. Следует также отметить синтаксическую инверсию, которая неоднократно встречается во втором и третьем фрагментах («с презрением поразительным», «тени безмолвные»). Этот прием характерен для публицистических текстов Горького иронического модуса, мы видим его, например, в заметке «Журнал для всех» (1898) («...издание, которое на первых порах невольно вызывает *мысли подозрительные и скептические*») или «Ванькина литература» (1899) («Это происходило в тридцатых годах,

и с той поры, как это ведомо *всем, арифметику знающим*, прошло лет шестьдесят») (курсив мой. — *А. П.*) (Горький, 1953, с. 285, 287).

Говоря о частных вопросах нижегородской жизни, автор второй и третьей частей «Маленького фельетона» выходит на более высокий уровень обобщения и рассуждает о человечестве в целом, о его свойствах, привычках и пристрастиях. Такое укрупнение темы характерно для публицистического таланта Горького, который всегда находил возможность расширить тематические границы и даже в обычных кратких библиографических заметках решал «задачи, выходящие за рамки простого информирования о состоянии книжного рынка» (Лаптенков, 2022, с. 140): воспитание культурного читателя, характеристика литературной ситуации, определение социальных ориентиров книгоиздателей и их ответственности перед народом.

Обнаруживаются также прямые текстуальные совпадения третьей части «Маленького фельетона» с художественными произведениями М. Горького — рассказом «Фарфоровая свинья», опубликованным в «Нижегородском листке» 25 декабря 1898 года (№ 354). Сюжет рассказа связан с наступлением нового 1899 года и начинается с фантастического допущения. В новогоднюю ночь в темной комнате оживают фигурки на каминной полке: фарфоровая свинья, бронзовый Меркурий, гипсовый бюст Гейне, чертик из папье-маше. Свинья объясняет свою жизненную философию: «Что такое счастье? Довольство собой... и ничто иное... <...> мы, прежде всего, убеждены в пользе и необходимости хорошего питания. <...> Следующее за питанием место нужно отдать идеям... <...> И вот что особенно важно и требует много вкуса и ума — это уметь выбирать хорошие, удобные идеи... <...> нужно стараться иметь идеи при себе, но отнюдь не в себе, — к сожалению, это не всем доступно... да» (Горький, 1969, с. 480–481). Позиция фарфоровой свиньи — философия мещанства, ненавидимого Горьким пассивного отношения к жизни. Но фигурки вынуждены смолкнуть, поскольку в комнату входит человек. Он подозрительно похож по описанию на фарфоровую свинью: «...человек, вошедший в кабинет, был такой толстенький, румяный, и он, очевидно, только что покушал и музыкально рыгал» (Горький, 1969, с. 483). Финал рассказа — это тихий монолог нетрезвого хозяина кабинета, где формулируется его жизненная позиция, сходная с философией свиньи: «И — не лю...блю п'си-мистов!.. Что т-такое? Р-раз...ве ж-жизнь? п'лха? Пу-устяки-и! Мы встр'чаем последний год столетия... та-ак сказать... с нау-укой в руках... со... со... свет-чем науки... Л-лучи Рен...тгена... жид...кий воздух, синематогр-графф... какие картинки! Особенно к-когда она, ш-шельма, садится в ванну... мм... хе, хе, хе! И говорят — жизнь идет м-мерзко? Кто говорит? Кто-о это говоритт?.. А! я знаю!.. это говорит Филипп Федорович!.. А отчего Филипп Фед...рвич говорит — жизнь п'лха? Оттого, что он имеет плохой желу-удок и не... и не... получил к рождеству награды... ясно-о!» (Горький, 1969, с. 483). Горький здесь ставит важную проблему: в руках людей, исповедующих «мещанский» образ мысли,

новейшие изобретения (лучи рентгена и синематограф) служат не улучшению жизни людей, не возвышению их, а сосредоточению на низменных страстях, на обжорстве и пошлости.

Заключение

Проведенное исследование позволяет со значительной долей уверенности утверждать, что первый фрагмент «Маленького фельетона» тематически, композиционно и стилистически существенно отличается от второго и третьего, которые явно написаны одним человеком. Можно предположить, что первая часть написана редактором «Нижегородского листка» Е. М. Ещиным. Наш вывод подкрепляется и замечанием М. Г. Петровой: «<Горький> не был единственным автором этого раздела. Иногда его заменял Ещин, а иногда они писали одновременно, ибо “Маленький фельетон” составлялся, как правило, из нескольких главок на разные темы» (Петрова, 1986, с. 5). «Судя по всему, — добавляет исследовательница в другой статье, — Ещин тянул в сторону муниципальных проблем и городской злобы дня, а когда Горький не видел здесь “материала подходящего”, то сам писал на эти темы дополнительные главки в “Маленький фельетон”» (Петрова, 1989, с. 76). Именно такую ситуацию мы видим в анализируемом тексте. Второй и третий фрагменты «Маленького фельетона», посвященные ярмарочной лотерее и кинематографу, можно с большой долей уверенности отнести к авторству Горького, что подтверждается комплексным анализом проблемно-тематических доминант текста и его стилистических особенностей.

Атрибуция художественных и публицистических текстов русских писателей, анонимных или подписанных малоизвестными псевдонимами, представляет собой особую текстологическую проблему. Для установления авторства всегда необходимо восстановить биографический контекст жизни писателя, привлекая обширный комплекс мемуарно-эпистолярных документов, провести тематико-стилистическое исследование и включить обретенный текст в общий контекст творчества писателя.

Список источников

1. Терехина, В. Н. (2022). Неизвестные инскрипты Владимира Маяковского: проблема атрибуции. *Русистика без границ*, 6(3), 35–40.
2. Захарова, О. В. (2021). Атрибуция в зеркале статистики: анонимные статьи в журналах братьев Достоевских «Время» и «Эпоха». *Неизвестный Достоевский*, 8(2), 81–106. <https://doi.org/10.15393/j10.art.2021.5481>
3. Зубков, К. И. (2021). Ф. Горбунов — сотрудник журнала «Время» (об одной заметке, приписываемой Достоевскому). *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*, 80(3), 87–92. <https://doi.org/10.31857/S241377150015627-2>
4. Горький, М. (2017). *Беглые заметки: Нижегородская публицистика Максима Горького*. М. Г. Уртминцева, & П. Е. Янина (Ред.). БегемотНН.

5. Уртминцева, М. Г. (2018). Псевдоним в публицистике М. Горького (по неопубликованным материалам газеты «Нижегородский листок» (1898–1901 гг.)). В *Мировое значение творчества М. Горького* (с. 163–169). Бегемот-НН.
6. Горький, М. (1997). *Полное собрание сочинений. Письма: в 24 т. Т. 1.* 1888–1899. Наука.
7. Богданович, А. Е. (1898). Письмо Волжиной А. П. *Архив А. М. Горького (ИМЛИ РАН). ФЕП-Волж-2-1-26.*
8. Уртминцева, М. Г. (2015). «Маленький фельетон» на страницах газеты «Нижегородский листок»: проблематика и поэтика (1895–1896 гг.). *Нижегородский текст русской словесности* (с. 189–196). Бегемот-НН.
9. Протопопов, С. Д. (1898). Письмо В. Г. Короленко. РО РГБ. Ф. 135 (В. Г. Короленко). Разд. II. Карт. 32. Ед. хр. 25. Л. 17.
10. Горький, М. (2017). *Полное собрание сочинений. Письма: в 24 т. Т. 19.* Апрель 1929 – июль 1930. Наука.
11. Петрова, М. Г. (1986). «Писатель должен быть пророком...»: неизвестный цикл фельетонов молодого М. Горького. *Литературная газета*, 2, 8 января, 5.
12. Петрова, М. Г. (1989). Горький М. «Маленький фельетон» — «Нижегородский листок», 1898. Неизвестный цикл фельетонов Горького. История находки и проблемы атрибуции. В Б. А. Бялик (Ред.). *Горький и его эпоха. Вып. 1*, (19–77). Наследие.
13. Петрова, М. Г. (1992). Потерянный Горький. *Литературная газета*, 29, 15 июля, 6.
14. [Горький, М.]. (1898). О самокате. *Нижегородский листок*, 221, 14 августа.
15. Вишневский, В. Е. (1951). Горький о кино. *Искусство кино*, 1, 30–31.
16. [Горький, М.] I. M. Pacatus. (1896a). Беглые заметки. *Нижегородский листок*, 182, 4 июля.
17. [Горький, М.] А. П.-в. (1896b). С Всероссийской выставки. *Одесские новости*, 3681, 6 июля.
18. Вишневский, В. Е. (1932). Максим Горький и кино (по материалам Историко-архивного кабинета НИКФИ). *Пролетарское кино*, 19/20, 17–25.
19. Вайсфельд, И. В. (1961). *Мастерство киносценариста*. Советский писатель.
20. Цивьян, Ю. В. (1991). *Историческая рецепция кино. Кинематограф в России 1896–1930 гг.* Зинатне.
21. Guneratne, Anthony R. (1998). The birth of a new realism: photography, painting and the advent of documentary cinema. *Film, Photography and Television*, 10(2), 165–187.
22. Gunning, T. (2000). «Animated pictures»: tales of cinema's forgotten future, after 100 years of films. In C. Gledhill, L. Williams (Eds.) *Reinventing Film Studies* (pp. 316–331). Oxford University Press.
23. *Spectacle of the real: from Hollywood to reality TV and beyond.* (2005). Geoff King (Ed.). Intellect Books.
24. Pozner, V. (2006). Gorki au cinématographe: «J'étais hier au royaume des ombres...». *1895. Mille huit cent quatre-vingt-quinze*, 50, 89–113. <https://doi.org/10.4000/1895.1232>
25. Pozner, V. (2023). *Gorki au cinématographe*. AFRHS.
26. Hidalgo, S., & Pelletier, L. (2017). Le mystère du «grand tableau gris»: l'animation des images fixes dans les premières projections cinématographiques. *1895. Mille huit cent quatre-vingt-quinze*, 82, 86–105. <https://doi.org/10.4000/1895.5374>
27. Плотникова, А. Г. (2018). М. Горький и кинематограф. ИМЛИ РАН.

28. Левицки, А. (2018). *Десятая муза. Кинематограф как новая форма искусства. Эротизм в кино XIX–XX веков*. Гуманитарный центр.
29. Эльзессер, Т., & Хагенер, М. (2016). *Теория кино. Глаз, эмоции, тело*. Сеанс.
30. Маленький фельетон. (1898). *Нижегородский листок*, 232, 25 августа.
31. Горький, М. (1953). Собрание сочинений: в 30 т. Т. 23: Статьи 1895–1906. Государственное издательство художественной литературы.
32. Лаптенков, В. Г. (2022). Жанровая специфика библиографической заметки в публицистике М. Горького (на материале газеты «Нижегородский листок» 1898–1899 гг.). *Ученые записки Орловского государственного университета*, 4(97), 140–143.
33. Горький, М. (1969). Полное собрание сочинений. Художественные произведения: в 25 т. Т. 4. Наука.

References

1. Terekhina, V. N. (2022). Unknown scripts by Vladimir Mayakovsky: the problem of attribution. *Rusistika bez granic*, 6(3), 35–40. (In Russ.).
2. Zaharova, O. V. (2021). Attribution in the mirror of statistics: anonymous articles in the magazines of the Dostoevsky brothers «Time» and «Epoch». *Neizvestnyj Dostoevskij*, 8(2), 81–106. (In Russ.). <https://doi.org/10.15393/j10.art.2021.5481>
3. Zubkov, K. I. (2021). F. Gorbunov — employee of the magazine «Time» (about one note attributed to Dostoevsky). *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, 80, 3, 87–92. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S241377150015627-2>
4. Gor'kij, M. (2017). *Quick Notes: Nizhny Novgorod journalism of Maxim Gorky*. M. G. Urtminceva, P. E. Yanina (Eds.). BegemotNN. (In Russ.).
5. Urtminceva, M. G. (2018). Pseudonym in M. Gorky's journalism (based on unpublished materials from the newspaper «Nizhegorodskij listok» (1898–1901 gg.)). In *The global significance of M. Gorky's work* (pp. 163–169). BegemotNN. (In Russ.).
6. Gor'kij, M. (1997). *Complete collection of Opus*. Letters: in 24 vols. Vol. 1. 1888–1899. Nauka. (In Russ.).
7. Bogdanovich, A. E. (1898). Letter for Volzhina A. P. *Arhiv A. M. Gor'kogo (IMLI RAN)*. FEP-Volzh-2-1-26. (In Russ.).
8. Urtminceva, M. G. (2015). «Little feuilleton» on the pages of the newspaper «Nizhegorodskij listok»: problematics and poetics (1895–1896 gg.). In *Nizhny Novgorod text of Russian literature* (pp. 189–196). BegemotNN. (In Russ.).
9. Protopopov, S. D. (1898). Pis'mo V. G. Korolenko. *RO RGB*. F. 135 (V. G. Korolenko). Sec. II. Kart. 32. Units hr. 25. L. 17. (In Russ.).
10. Gor'kij, M. (2017). *Complete collection of Opus*. Letters: in 24 vols. Vol. 19. April 1929 – July 1930. Nauka. (In Russ.).
11. Petrova, M. G. (1986). «A writer must be a prophet...»: an unknown cycle of feuilletons by the young M. Gorky. *Literaturnaya gazeta*, 2, 8 January, 5. (In Russ.).
12. Petrova, M. G. (1989). Gor'kij M. Gorky M. «Little feuilleton» — «Nizhegorodskij listok», 1898. An unknown cycle of Gorky's feuilletons. History of the discovery and problems of attribution. In B. A. Byalik (Ed.). *Gorky and his era. Issue 1*, (19–77). Nasledie. (In Russ.).
13. Petrova, M. G. (1992). Lost Gorky. *Literaturnaya gazeta*, 29, 15 July, 6. (In Russ.).
14. [Gor'kij, M.]. (1898a). About samokat. *Nizhegorodskij listok*, 221, 14 August. (In Russ.).
15. Vishnevskij, V. E. (1951). Gorky about cinema. *Iskusstvo kino*, 1, 30–31. (In Russ.).

16. [Gor'kij, M.] I. M. Pacatus (1896a). Quick Notes. *Nizhegorodskij listok*, 182, 4 July. (In Russ.).
17. [Gor'kij, M.] A. P-v. (1896b). From the All-Russian exhibition. *Odesskie novosti*, 3681, 6 July. (In Russ.).
18. Vishnevskij, V. E. (1932). Maxim Gorky and cinema (based on materials from the Historical and Archival Office of NIKFI. *Proletarskoe kino*, 19/20, 17–25. (In Russ.).
19. Vajsfel'd, I. V. (1961). *The skill of a film playwright*. Sovetskij pisatel'. (In Russ.).
20. Civ'yan, Yu. V. (1991). *Historical reception of cinema. Cinema in Russia 1896–1930*. Zinatne. (In Russ.).
21. Guneratne, Anthony R. (1998). The birth of a new realism: photography, painting and the advent of documentary cinema. *Film, Photography and Television*, 10(2), 165–187.
22. Gunning, T. (2000). «Animated pictures»: tales of cinema's forgotten future, after 100 years of films. In C. Gledhill, L. Williams (Eds.) *Reinventing Film Studies* (pp. 316–331). Oxford University Press.
23. *Spectacle of the real: from Hollywood to reality TV and beyond* (2005). Geoff King (Ed.). Intellect Books.
24. Pozner, V. (2006). Gorki au cinématographe: «J'étais hier au royaume des ombres...». *1895. Mille huit cent quatre-vingt-quinze*, 50, 89–113. <https://doi.org/10.4000/1895.1232>
25. Pozner, V. (2023). *Gorki au cinématographe*. AFRHS.
26. Hidalgo, S., & Pelletier, L. (2017). Le mystère du «grand tableau gris»: l'animation des images fixes dans les premières projections cinématographiques. *1895. Mille huit cent quatre-vingt-quinze*, 82, 86–105. <https://doi.org/10.4000/1895.5374>
27. Plotnikova, A. G. (2018). *M. Gorky and cinema*. IMLI RAS. (In Russ.).
28. Levicki, A. (2018). *The Tenth Muse. Cinematography as a new art form. Eroticism in cinema of the 19th–20th centuries*. Gumanitarnyj centr. (In Russ.).
29. El'zesser, T., & Hagener, M. (2016). *Film theory. Eye, emotions, body*. Seans. (In Russ.).
30. Little feuilleton. (1898). *Nizhegorodskij listok*, 232, 25 August. (In Russ.).
31. Gor'kij, M. (1953). *Collection of Opus: in 30 vols*. Vol. 23: Articles 1895–1906. Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury. (In Russ.).
32. Laptencov, V. G. (2022). Genre specificity of bibliographic notes in M. Gorky's journalism (based on the newspaper «Nizhny Novgorod Listok», 1898–1899). *Scientific notes of Orel State University*, 4(97), 140–143. (In Russ.).
33. Gor'kij, M. (1969). *Complete collection of Opus*. Works of fiction: in 25 vols. Vol. 4. Nauka. (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the author

Анастасия Геннадьевна Плотникова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук.

Anastasia G. Plotnikova — PhD (Philology), Senior Researcher at the A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 821.161.1-343.09«19»

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.02

«РУСАЛОЧЬИ СКАЗКИ» А. Н. ТОЛСТОГО КАК АВТОРСКИЕ ЭТИОЛОГИЧЕСКИЕ МИФЫ О ЦВЕТАХ

Самоделова Елена Александровна

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия,

helsa@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0002-3856-0578>

Аннотация. Актуальность проблемы заключается в том, что «Русалочки сказки» А. Н. Толстого, созданные около 1910 года, прежде не изучались в плане флористической символики. Цель исследования — выявить сказки писателя, представляющие собой авторские сюжеты, основанные на этиологических мифах о цветах, которые являются мифологическими травами. Все сказки Толстого были проверены на наличие в них цветущих растений, проведена их систематизация. Ведущий подход к исследованию проблемы — показать, что введенные в сказки Толстого мифические цветы используются в ритуалах или включены в важные фольклорные формулы, актуальные для произведений разных жанров устного народного творчества. Толстой с детства читал статьи и научные книги по фольклору, делал выписки из них в отдельную тетрадь и таким образом подготавливал материалы для будущих сочинений, в том числе литературных сказок. Народные поверья о цветах он также слышал от местных жителей Самарской губернии.

Результаты исследования показывают, что Толстой включал цветы не в каждую сказку, существуют произведения и без них. Однако в тех сказках, где цветы присутствуют, они играют важную роль мифологического растения, влияют на судьбу героев, придают произведениям эпохи Серебряного века архаический вид, стилизуют их под фольклорную сказку или быличку, создают родство с народным поверьем, наполняют приметам. Сделанные в статье выводы удостоверяют значимость для Толстого русского и — шире — славянского фольклора, использование его писателем в литературных сказках выявляет особый интерес к древней мифологии. Цветы важны Толстому не для показа красоты мира, а для демонстрации колдовских чар мифологических героев и таинственных сил природы. В отдельных случаях цветение растений указывает на наступление весны или лета, служит средством типизации пейзажа.

Ключевые слова: «Русалочки сказки» А. Толстого, «Иван да Марья», мифические травы, волшебные растения.

Для цитирования: Самоделова, Е. А. (2024). «Русалочки сказки» А. Н. Толстого как авторские этиологические мифы о цветах. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(54), 22–38. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.54.2.02>

Original article

UDC 821.161.1-343.09«19»

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.02

**«MERMAID TALES» BY ALEXEY N. TOLSTOY
AS AUTHOR'S ETIOLOGICAL MYTHS
ABOUT FLOWERS****Elena A. Samodelova**

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,

helsa@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0002-3856-0578>

Abstract. The relevance of the problem lies in the fact that «Mermaid Tales» by Alexey N. Tolstoy, issued around 1910, had not previously been studied in terms of floral symbolism. The study aims at identifying those writer's fairy tales that are essentially the plots relying on etiological myths about flowers. These flowers, known to any reader or only to a small group, are represented by mythological herbs. All Tolstoy's fairy tales were checked for the flowering plants depicted in them, later on to be systematized. The leading approach to studying the problem is to show that the mythical flowers introduced into Tolstoy's fairy tales are used in rituals or included in important folklore formulas that are relevant for various genres of oral folk art. Since childhood, Tolstoy studied articles and scientific books on folklore, made extracts from them in a separate notebook and thus gathered materials for future works, including literary fairy tales. He also got to know folk beliefs about flowers from local residents of the Samara province. The research results presented in the article show that Tolstoy did not include flowers in every fairy tale; there are works without them. However, those fairy tales that feature flowers in them, the latter play a key role as mythological plants, influencing the characters' fates, adding a hint of archaism to the Silver Age works, stylizing them as fairy tales or non-fairy prose, correlating them with popular beliefs, and filling them with symbols. The conclusions made in the article confirm the importance of Russian and, more broadly, Slavic folklore for Tolstoy, the writer's wide use of it in literary fairy tales, and reveal the trend of interest in old mythology. Flowers were essential to Tolstoy not for showing the beauty of the world, but for demonstrating the witchcraft of mythological heroes and the mysterious forces of nature. In some cases, the blossoming of plants indicates the onset of spring or the height of summer, being a means of typifying the landscape as well.

Keywords: «Mermaid Tales» by A. Tolstoy, «Ivan and Marya», mythical herbs, magical plants.

For citation: Samodelova, E. A. (2024). «Mermaid Tales» by Alexey N. Tolstoy as author's etiological myths about flowers. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(54), 22–38. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.54.2.02>

Введение

Сборник «Сорочьи сказки» А. Н. Толстого и примыкающие к нему неопубликованные при жизни писателя ранние сказки можно разделить на два типа: 1) с фольклорной основой, включающие в себя преимущественно персонажей быличек и народных поверий, написанные в соответствии со сказочной поэтикой; 2) без мифологического содержания, посвященные бытовым темам и ориентированные на детей. В названных группах авторских сказок в разной мере встречаются упоминания цветов, а часть произведений обходится без них. При сравнении сказок Толстого с устно-поэтическими сюжетами, которые просматриваются в них (то как сюжетный стержень, то как отдельные действия фольклорных персонажей, то как их поведенческие моменты, то как черты ландшафта), необходимо обратиться к цветочной образности в устном народном творчестве. Образы цветков в целом не характерны для русских фольклорных сказок, хотя имеются целые сюжеты, получившие известность в народной среде и у фольклористов именно по названию цветов: «Девушка-цветок» (Сравнительный указатель сюжетов, 1979, СУС 407), «Аленький цветочек» (Сравнительный указатель сюжетов, 1979, СУС 425 С); оба сюжета связаны с превращениями героев и относятся к жанровой разновидности волшебных сказок. Имеются и другие народные сюжеты, в которых цветок (цветущее травянистое растение) не выведен в заглавие и не связан напрямую с главным героем (героиней), но также выполняет подсобную роль, соотносящуюся с несчастной девушкой, например «Чудесная дудочка» (Сравнительный указатель сюжетов, 1979, СУС 780). Вероятно, некоторые сказочники могли приукрасить девушек-героинь и место действия сказки, используя цветочную образность, но это уже их индивидуально привнесенные детали сказочной поэтики. Соответственно и Толстой в мифологически ориентированных сюжетах «Сорочьих сказок» выступал в роли такого сказочника, применявшего различные элементы сказочной и индивидуальной символики. Кроме того, Толстой ощущал себя писателем-символистом в начале творчества и в некотором роде демиургом, а цветок (он же флорознак, флорообраз и флоросимвол) воспринимал древнейшим культурным знаком, до сих пор актуальным и способным вместить в себя новые эстетические смыслы (Хетагурова, 2022, с. 2846, 2848–2849).

Методология исследования

Современное литературоведение обратилось к флороязыку как к «медиатору трансляции культурных смыслов» в области флоропоэтологии (Смирнова, Кузуб, 2023; Дякина, Парамонова, 2021); актуализировалась тема цветочной образности в поэтике символистов и вообще писателей начала XX века (Аркатова, 2021; Ковалева, 2023; Полякова, 2022; Разумовская, 2023; Сергеева, Чэн, 2021, и др.), однако семантика цветов в ранних сказках Толстого еще не изучалась.

В целом сказки Толстого хотя и содержат сугубо сказочных персонажей, но больше уходят истоками своих сюжетов в мифологическую прозу, а ее цветочная символика не исследована, и даже вопрос о ее наличии или отсутствии не поставлен. Тем не менее ясно, что писатель заимствовал мотивы и образы для «Сорочьих сказок», особенно для раздела «Русалочки сказки», из прочитанных книг и статей по славянской мифологии, и круг его чтения определен и изучен. Следовательно, необходимо сопоставить героев сказок писателя и опубликованные описания персонажей сказочной и несказочной прозы, находившиеся в поле зрения Толстого, а также сравнить любые реалии этих словесных миров на предмет выявления в них цветочной тематики. При этом станет понятно, какие флористические заимствования делал Толстой из фольклора, как книжного, так и изустного, знакомого ему с детства в Самарской губернии, а какие цветущие растения вводил в свой сказочный мир иным путем, например из личных наблюдений над природой, из прочитанных художественных и ботанических книг. В его личной библиотеке в более позднее время, когда он уже жил в Москве, сохранилась «Ботаника для юношества» (Ботаника для юношества, 1826) (Инв. № 30. 232558; инвентарная тетрадь Музея-квартиры А. Н. Толстого в Москве). Также Толстой наводил справки в имевшемся у него «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (Энциклопедический словарь Брокгауза – Ефрона, 1890–1904) (Инв. № 500-549. 232287–232334, инв. № 468-493. 232335–232365. Музей-квартира А. Н. Толстого в Москве). «Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона был важен Толстому не только своим универсальным справочным характером, но и тем, что писатель сотрудничал с этим издательством: 14 декабря 1923 года подписал с ним договор и опубликовал книжечку «Кот — сметанный рот» (Толстой, 1924, с. 11); также он получал отклики критики в разных журналах, принадлежавших этому же издательству, в том числе рецензию (В. <криптоним>, 1910, с. 157).

«Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля писатель использовал при написании сказок, об этом свидетельствует их анализ; косвенным доказательством служит фраза из статьи «Мое творчество» (1927): «Никогда не смотрю в словарь Даля, хотя было время, когда заглядывал»¹. (Толстой, 1949, с. 553). Вторая жена С. И. Дымшиц-Толстая (1884–1963), невенчанная спутница писателя, художница и его литературная муза в 1907–1914 годах, мать их дочери Марьяны, упомянула «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева, привезенные Толстым во Францию как раз в ранний период творчества, когда он работал над «Сорочьими сказками»: «От работы над стихами он перешел к прозе, по-прежнему так же упорно занимаясь языком народного поэтического творчества. <...> его особенно интересовали собрания русских сказок, в частности, любимое им афанасьевское собрание» (Воспоминания, 1982, с. 55–56).

¹ Впервые опубликовано: 30 дней. 1927. № 12. С. 56–57.

Ход исследования

Сказка «Иван да Марья» Толстого уже своим заглавием намекает на многозначность содержания: ее героями могут быть два человека с самыми распространенными со времен крещения Руси мужским и женским именами, но так же называется цветок; по сути, писатель воссоздал этиологический миф о брате с сестрой — как раз о возникновении и названии необычного растения *Melampyrum nemorosum* L. из семейства Заразиховых — с желтыми цветками и фиолетовыми листьями на верхушке стебля. Интересно, что в словаре В. И. Даля цветок иван-да-марья не упомянут, хотя приведены народные названия — «иван-трава, иван-чай, раст<ения> *Epilobium angustifolium*, кипрей, копорский-чай, скрыпун» и иные диалектные синонимы, с указанием: «Он идет на подмеску чаев, обще со спитым чаем, из гостиниц» (Даль, 1881, т. 2, с. 807), хотя до сих пор русские люди в сельской местности собирают эту траву и с удовольствием пьют напиток из нее. В. И. Даль привел другие растения, чьи названия произведены от имени Марья: марьин башмачок, марьин корень, марьянник (Даль, 1881, т. 2, с. 305, 307); последнее наименование с ботаническим толкованием — «растенье *Melampyrum*» — является синонимом к цветку иван-да-марья — *Melampyrum nemorosum*. «Иван да Марья» — единственная сказка Толстого с двойственной семантикой заглавия, с возможностью трактовки названия в честь цветка, а не только людей.

Структура сказки, напоминающая этиологический миф о превращении людей в растения, в определенной мере была обусловлена символизмом как литературным течением, к которому Толстой причислял себя в ранний период творчества, когда он сочинял авторские сказки в народном духе. Спустя более 30 лет, 9 апреля 1941 года, в «Выступлении на творческой конференции московских писателей (О “Русской сказке” Л. А. Лазарева)» А. Н. Толстой рассуждал об обращении символистов к народной сказке: «Русский символизм был рожден в идее дуалистической двуликости мира. Это — святая София и Астарта, Христос и антихрист. <...> Это было возрождение <...> того самого русского фольклора, который после Пушкина и Гоголя снова получил большое влияние, но на других основах» (ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Инв. № 957/4. Л. 1–2. Машинопись. Стенограмма с правкой неустановленного лица).

«Иван да Марья» не первая опубликованная сказка Толстого, имеющая мифологический сюжет. Первыми вышли в свет детские сказки на бытовые темы: в журнале «Тропинка», № 1, от 1 января 1909 года, были напечатаны сказки «Еж-богатырь», «Мудрец» и «Топор» (Толстой, 1909, с. 34–38); последняя интересна полиграфическим оформлением: сопровождается рисунком березовой рощи и повторяющейся цветочной виньеткой в начале и после текста. Виньетки с букетами и отдельными цветками были очень популярны в то время, нельзя исключать внимания к ним Толстого, что вместе с другими зрительными цветочными образами и вычитанными или услышанными

историями про цветущие растения побудило писателя ввести в свои сказки символику цветов.

Первым изданием мифологической сказки Толстого можно считать «Полевика», напечатанного вместе с двумя другими сказочными произведениями («Картиной» и «Зайцем») в литературном альманахе «Колосья» (Колосья, 1909, с. 161, 163–168). «Колосья» значатся под № 5424 в «Перечне... книг», поступивших в Главное управление по делам печати с 11 по 18 марта 1909 года (Книжная летопись, 1909, с. 7, № 5424); следовательно, Толстой подготавливал к печати бытовые и мифологические сказки (при всей условности разграничения тематики) одновременно.

Книга «Сорочьи сказки» А. Н. Толстого вышла в конце 1909 года, хотя помечена 1910 годом на обложке, и включает 41 сказку, еще без разделения на циклы (разделы) (Толстой, 1910). Два раздела — «Русалочки сказки» и «Сорочьи сказки» — появятся в книге «Приворот» в 1923 году. Первый раздел включает в себя 14 сказок: «Русалка» (с. 5–8), «Иван да Марья» (с. 8–10), «Ведьмак» (с. 11), «Водяной» (с. 11–13), «Кикимора» (с. 13–14), «Дикий кур» (с. 14–15), «Полевик» (с. 15–16), «Иван-царевич и Алая-Алица» (с. 16–17), «Соломенный жених» (с. 17–20), «Странник и змей» (с. 20–22), «Проклятая десятина» (с. 22–23), «Звериный царь» (с. 23–25), «Хозяин» (с. 25–26), «Синица» (с. 26–33) (Толстой, 1923).

В сказке «Русалка» из цветов упоминается только куриная слепота — как признак наступившей весны: «Зазеленела на буграх куриная слепота, запахло березами, и девушки у реки играли в горелки, пели песни» (Толстой, 1923, с. 8). Интересно, что в словаре В. И. Даля куриной слепотой называется лишь глазная болезнь, а желтые цветы носят сходное название: «Курячья слепота, несколько растений: *Rununculus arvensis*, жабник (лютик) полевой; *Caltha palustris*, желтоголовник, желток <калужница болотная>; *Chelidonium majus*, чистотел, чистик, ластовица, бородавник. Курячья слепота, раст. *Lamium purpureum*»; также отмечены мокрица — курячи-черёва и еще множество растений под названием курслеп, в том числе известные как курячья слепота (Даль, 1881, т. 2, с. 228).

Если Толстой под куриной слепотой понимал лютик едкий с желтыми цветками, то он с его помощью решал сразу две задачи: 1) указывал доминирующий зелено-желтый цвет весеннего пейзажа, причем желтизна уже заложена в зрительном восприятии цветка, вопреки описанию «зазеленела на буграх»; 2) изображал ядовитое растение под стать вредоносному поведению главной героини — русалки, с ее демонической природой, сгубившей деда и приведшей к казни kota. Продолжение фразы — «запахло березами» — дает неявную отсылку к сути стихийного духа: русалки в русском фольклоре появляются весной в тех местностях, где сажали коноплю для выработки конопляного холста и масла, они любят качаться на ветвях берез, как на качелях (цветение берез при этом не акцентируется); им посвящена Русальская неделя после Троицы (реже совпадает с Купальской неделей), и затем их провожают с особыми

песнями (этому посвящен специальный календарный обряд «водить русалку»). Облик фольклорной русалки неизвестен, хотя ее изображали ряженые (растрепанные девушки в одних белых рубахах, парни с чучелом коня и др.), но Толстой отталкивался от классической литературной линии с представлением русалки полурыбой-полудевушкой, что было заимствованием из западноевропейского фольклора. К крестьянам России такой образ проник под названием «фараонка» под влиянием библейского сюжета о затонувшем в море фараоновом войске, погнавшемся за Иисусом Христом и его народом; на Русском Севере резными фараонками украшали корабельные доски и карнизы на избах.

Неслучайно за «Русалкой» сразу же следует «Иван да Марья»: эта сказка продолжает русалочью тему и переводит главную героиню первой сказки в ее растительную ипостась: «Негде упрятаться русалкам-мавкам, и в тихие вечера, в лунные ночи уходят они из вод озерных и хоронятся в деревьях, и зовут их тогда древяницами» (Толстой, 1923, с. 8). Однако на сей раз водной русалкой оказывается девушка Марья, причем она вступает в хороводы русалочки, русалки-мавки чествуют ее венком и утаскивают вглубь озера — в жены водяному. Толстой показывает способность Марьи менять свой русалочий статус (писатель объединил два типа русалок — славянский и германский): «<...> царь водяной меня в жены взял, теперь я древяница, а с весны опять русалкой буду...» (Толстой, 1923, с. 9). По схеме древних мифов писатель создает двойной авторский миф — близнецный и этиологический, но делает это неявно: у девушки есть брат (Толстой умалчивает о том, является ли он двойняшкой-близнецом), она оборачивается не только озерной русалкой, но и древесной, превращается в липу; в конечном итоге вернувшая человеческий облик Марья возвращается к брату — «И живут неразлучно до сих пор и кличут их всегда вместе — Иван да Марья, Иван да Марья» (Толстой, 1923, с. 9). Писатель не упомянул о цветке иван-да-марья, но читатель, следуя мифологической логике, домысливает этот растительный образ.

Липа описана как дерево с удобным лубовым слоем: из липовых лык плетут лапти, этим занимается и Иван. Когда он ободрал дерево, оставил голую липку, то на него нашло навождение, известное в народе как многократное кружение по одному месту, где водит нечистая сила: «А лапти сами на старое место загибают... Рассердился Иван, замахнулся топором и хочет липку рубить» (Толстой, 1923, с. 9). Голая липка заговорила человеческим голосом, признаваясь в родстве с братом и в умении заговаривать (свойственном колдуньям или хотя бы необычным людям): «Когда ты с меня лыки драл, наговаривала я, чтобы не уходил отсюда далеко». Она же, липка Марья, обладает сокровенным знанием, как уйти от водяного и вернуть человеческий облик: «<...> найти нужно Полынь-траву на зыбком месте и мне в лицо бросить» (Толстой, 1923, с. 9). Показательно, что Толстой не описывает липу как цветущее дерево с мелкими желтоватыми цветочками с изумительным ароматом, прекрасный медонос, но дважды повторяет словосочетание «голая липка».

Композиция сказки выстроена так, что главным растением выступает не липа, хотя в нее превращается девушка и около нее кругами ходит парень, содравший лыки для новых лаптей. Главным цветком становится необыкновенная полынь — вокруг нее сооружена вся конструкция присказки: «Десятая неделя после Пасхи — купальские дни. Солнце самый пуп земли печет, и зацветает дивная Полынь-трава» (Толстой, 1923, с. 8). Именно полынь Толстой характеризует как цветок, а не как горькую полынь-траву, привычную для фольклорной поэтики, и снабжает ее эпитетом «дивная», вероятно, помня заглавие сказки «Диво дивное, чудо чудное» из сказочного собрания А. Н. Афанасьева, хотя совсем с другим сюжетом. Из присказки известно время цветения полынь-травы — на Ивана-Купалу (ср.: имя Иван у брата Марьи), а из сказки — местность произрастания — «на зыбком месте», что неявно указывает на связь растения с миром стихийных духов: неслучайно полынь-траву нужно бросить в лицо водяному, который ее боится, и произрастает она в «черной туче» у «мужичка с локоток, красной шапочки»; таким способом создается зеркальная конструкция — Земля и Небеса, точнее — земная влага и небесная, олицетворяемые водяным и мужичком из тучи.

Мотив спасения Марьи, ставшей русалкой-мавкой, и возвращения ей человеческого облика с помощью бросания полыни-травы является творческим преобразованием выписки Толстого — реферирования «Поэтических воззрений славян на природу» А. Н. Афанасьева и «Нечистой, неведомой и крестной силы» С. В. Максимова (эти труды указаны в записной книжке с заглавием «Черная книга» 1900-х годов): «Полынь — средство против маек. После семой <семика?> в лес иди, полынь бери, майка подбежит, спросит: полынь или петрушка, — скажи “полынь”, а она — “прячься под тын”, и убежит; скажешь “петрушка”, ответит: “ты моя душка”, — и зацелует» (ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 9 об. — Толстой А. Н. Черная книга; Максимов, 1903, 103; Афанасьев, 1869, с. 241–242, 309).

В народе полынь (и зóря) считалась оберегом от русалок — травой окаянной, бесколенной. Накануне Клéчальной (Зеленой) субботы (перед Троицей) мужчины запасались полынью и зóрею против обаяния русалок, перед купанием или походом в лес (Снегирев, 1837, с. 173–174; Афанасьев, 1869, т. 3, с. 309; Забылин, 1880, с. 64; Максимов, 1903, с. 103; Коринфский, 1901, с. 281–282). В трехтомнике А. Н. Афанасьева, реферируемом Толстым, сказано: «От нападения русалок предохраняют полынь и зоря; потому прежде, чем станешь купаться, надо набросать этих трав в воду, а отправляясь в лес — вплетать их в венки и подвязывать под мышки. При встрече русалка спрашивает: что у тебя — полынь, мята или петрушка? Если ей скажут: “полынь”, она сердито отзывается: “цур тоби, сгинь!” и тотчас же убегает <...>» (Афанасьев, 1869, т. 3, с. 309).

До А. Н. Афанасьева об этом поверье сообщил И. М. Снегирев, используя малороссийский термин «мавки» и указав приуроченье обычая к самым

коротким летним ночам: «В Горобинные (воробьиные) ночи бывают свадьбы и танцы русалок; тогда поселяне не купаются в реках и не ходят поодиночке в поле и лес, чтобы мавки не защекотали (залоскотали) или не закачали. Мущины и женщины накануне этих дней запасаются зорею и полынью, как предохранительными средствами против нападения русалок» (Снегирев, 1837, с. 173–174).

У Толстого в «Иване да Марье» ощущается сильное влияние сказки «Иван-царевич и Марфа-царевна» из собрания А. Н. Афанасьева: имя «мужичок сам с ноготь, борода с локоть», мотив поединка Ивана-царевича со Змеем и др. (Афанасьев, 1957, т. I, с. 215, № 125). Как уже говорилось, праосновой сказки послужил купальский этиологический миф о цветке Иван-да-Марья. В основе мифического предания об этом цветке лежит мотив инцеста, который в народном представлении воплощает идею о максимальном плодородии и расценивается как самая крепкая брачная связь (Байбурин, 1983, с. 71). На Украине цветок известен под названием «брат с сестрою» (этот факт отражен у А. Н. Толстого) и опоэтизирован в народной песне об отъезде молодца на чужую сторону и его женитьбе на неузнанной родной сестре:

Ходим, брате, до бору,
Станем зильем-травою:
Ой, ты станешь жовтый цвит,
А я стану синий цвит.

Афанасьев, 1868, т. 2, с. 505–506.

Неизвестно, знал ли Толстой рецензию О. Ф. Миллера (упоминаемого в записной «Черной книге» писателя) на фольклорный сборник П. В. Шейна «Белорусские народные песни с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями...» (1874). В рецензии содержится рассуждение ученого об этиологическом мифе с мотивом инцеста, которое он относит к отголоскам славянской архаики и трактует в духе атмосферной мифологии: «<...> купальская песня, в которой роковое кровосмешение брата с сестрой завершается превращением их в цветок. <...> В основе этого сказания, не даром связанного с празднованием купальской ночи (с 23-го на 24-е июня), лежит, может быть, мифический образ того, свойственного этой поре года, сочетания вечерней зари с занимающимся днем, которое, при представлении этих явлений в мифах сестрой и братом, могло оказаться кровосмешением» (Миллер, 1876, с. 1–2). Толстой, безусловно, знавший из научных трудов купальский миф об инцесте, тем не менее не занимался его художественным воплощением в своем сказкотворчестве, а, наоборот, проигнорировал его и выстроил совершенно иной сюжет. От купальского мифа в сказке Толстого сохранились лишь главные герои — брат с сестрой, Иван да Марья, чьи имена, с одной стороны, являются наиболее типичными для русских людей со времен Крещения Руси, а с другой — дали название цветку (см. выше).

Из собираемых в канун Купалы разных трав особенно ценился цветок иван-да-марья: в Беларуси ему посвящена песня о купании брата с сестрой, в Москве существовал обычай париться веником с этим цветком (Афанасьев,

1868, т. 2, с. 505–506; Забылин, 1880, с. 79; Коринфский, 1901, с. 310–311). А. Н. Толстой выстроил целую цепочку волшебных растений: с помощью пыли липа-оборотень превращается в девушку, и она уже вместе с братом — в подтексте — оборачивается цветком иван-да-марья.

Еще одна сказка — «Соломенный жених» Толстого — построена по схеме этиологического мифа, связанного с полевым цветком. Вся сказка основана на идее оборотничества, полна сплошных трансформаций: кот превращается в овинника и наоборот, черный кот — в белого, ржаной сноп — в жениха с синими глазами, и он с невестой, замерзнув в поле, становятся рожью с васильками; в художественной литературе частотны примеры васильковых глаз (Огольцева, 2023, с. 109–110). Как и в сказке «Иван да Марья», в «Соломенном женихе» происхождение цветка — собственно развязка этиологического мифа — представлено в концовке, причем (в отличие от первого сказочного произведения) открыто и прямолинейно: «Смотри, как рожь всколосилась, а с ней переплелись васильки цветы...» — сказали проходящие мимо поля «добрые люди», а повествователь завершил текст характеристикой запаха цветов как особо присущим им положительным свойством: «Душисто» (Толстой, 1923, с. 20).

В сказке «Иван-царевич и Алая-Алица», где мимоходом упомянуты русалки-мавки, цветы в середине повествования представлены обобщенно, без конкретизации растений — как характеристика времени года и весеннего пейзажа: «Сбежал снег с поляны, на земле поднялись, зацвели цветы» (Толстой, 1923, с. 16). Примененный Толстым тавтологический оборот «зацвели цветы» типичен для фольклора как привычная речевая модель, используемая для усиления выразительности художественного образа или каких-либо сведений.

В сказке «Странник и Змей» (вариант заглавия — «Странник и змей») уже в зачине указана группа растений — бурьян, необходимая для обозначения календарного сезона как времени разворачивания сюжета: «Багряное солнце садилось над мерзлым бурьяном, скрипели журавли колодцев, вдова Акулина пела у окошка горемычную песню, а по деревне проходил странник» (Толстой, 1923, с. 20). Безусловно, в состав бурьяна входят разнообразные растения, в том числе отцветшие травы, иначе говоря — сухие цветы, но Толстому важно показать предзимье как переходную пору от осени к зиме, и делает он это с помощью словосочетания с эпитетом — «мерзлый бурьян» — с почти цветочной семантикой.

В «Проклятой десятина» только что зацветающие или даже цветущие хлебные злаки выведены уже в сказочном зачине, и упоминание запаха ржи дает отсылку к сказке «Соломенный жених»: «Клонит ветер шелковые зелена, солнце в жаворонковом свисте по небу летит, и от земли идет крепкий, ржаной дух» (Толстой, 1923, с. 22). О цветущих сельскохозяйственных растениях бытовало у русских крестьян поверье, что «хлеб зóрит», т. е. далекие зарницы освещают преимущественно в темное время суток будущие колосья, пыльца от цветения которых летала в воздухе. Однако Толстой не использовал данный фольклорный мотив в своей сказке, оставив только его отголосок во фрагменте

«в четверг после дождя»: этот авторский вариант фразеологического оборота имеет двойственный смысл и, помимо намека на мелькающие молнии-зарницы после ливня, отсылает к поговорке о невозможном — «После дождичка в четверг». Результат цветения зерновых представлен глазами бобыля: «Видит — выпустили зелена трубку, распахнули лист, и шумит усатый пшеничный колос» (Толстой, 1923, с. 22). Еще одним намеком на цветущее растение (хотя бы в прошлом для участников событий) оказалась сирень: «Под сиреневым кустом сели дворянские дети, взяли каждый по пирожку и откусили» (Толстой, 1923, с. 22). Сирень — садовое растение, ее высаживали в парках и помещичьих усадьбах из эстетических соображений (ради аромата и красоты), поэтому в сказке Толстого она важна как элемент дворянского быта — в противовес флоре низших сословий, исключительно полезной для жизни, обеспечивающей пропитание людей: крестьянской ржи и бобыльской пшенице (вероятно, писатель через упоминания конкретных хлебных злаков хотел сделать обобщение зерновых культур).

Этиологическое содержание сказки, уподобляющее ее мифу о происхождении растения, звучит в превращении бобыля, нарушившего народную заповедь об уважении к родной земле, в колючее растение: «Руки растопырились и одеревенели, через колени на землю поплыл живот, и полезли из бобыля шипы, а волосы стали дыбом, как репей» (Толстой, 1923, с. 23). Упомянутый в сравнении (в данном случае — при обрисовке внешнего вида оборотня — человека-растения) репей цветет красивым малиновым цветком, но Толстой подчеркнул в нем только колючесть, очевидно, последовав за народным восприятием сорной травы. Концовка «Проклятой десятины» перекликается с зачином «Странника и Змея» посредством образа бурьяна: «Кругом бобыля порос густой и непролазый бурьян по всей десятине» (Толстой, 1923, с. 23). Бурьян (его синоним — «колючие поросли») здесь выступает в роли поглотившего бобыля-репья заросшего пространства — прежнего поля: «И долго спустя слышали в колючих порослях — жевало и ухало: то, сидя на земле, ел и проесть не мог проклятую муку проклятый бобыль» (Толстой, 1923, с. 23).

Если бобыль превратился в репей в «Проклятой десятине», то в «Зверинном царе» заглавный персонаж испытал подобное превращение в лопух — в тот же репей, как часто именуют его в обычной речи: «Вместо рук у царя — лопухи, ноги вросли в землю, на красной морде — тысяча глаз» (Толстой, 1923, с. 25). Так что и в «Зверинном царе» Толстой продолжил излюбленную линию уподобления авторских сказок этиологическим мифам о растениях — предшественникам народных преданий о возникновении трав, цветов и деревьев. Подчеркнем, что Толстой использовал схемы превращения героев не только в цветы, но и в деревья; так он поступил с героями сказки «Странник и Змей»: «Пропали стены. Вместо девушек — березы в иине, парни — ели, а Акулина — ива плакучая, вся в сосульках» (Толстой, 1923, с. 22).

Помимо привычных для сельской местности цветущих трав, Толстой любит изображать в «Русалочьих сказках» болотные растения, сопрягая их с духами природы и полагая их атрибутами мифологических существ. В этом отношении интересна сказка «Хозяин», в первой публикации которой было использовано написание заглавия в кавычках, что уравнивало в правах и одновременно разъединяло две персоны — реального хозяина дома и дворного (он напрямую не назван) как его мифическую ипостась. По народному поверью, козел охраняет остальных домашних животных от проделок дворного, а в сказке Толстого он защищает вороного коня от нападок мнимого «хозяина», загонявшего это домашнее непарнокопытное животное и ощущавшего полным властителем его судьбы. Но тут вмешался козел, и его защита — как мифологического персонажа — в полной мере осуществилась среди болотных растений — камышей: «Перебежал плотину, стал — кудластый, и пошел от козла смрад — в пруду вода зашевелилась, и отовсюду, из камышей, из-под ветел, повывлезла вся нечисть болотная, поползла по полю, где вороной под “хозяином” бился» (Толстой, 1923, с. 26). Если здесь среди болотных цветущих растений появляется «нечисть болотная», то в проанализированной сказке «Иван да Марья» в подобном растительном сообществе обитает водяной, сам покрытый водорослями и другими мелкими травами: «Встанет над озером месяц, начнут булькать да ухать в камышиных заводях, захлюпают по воде словно вальками, и выкатит из камышей на дубовой коряге водяной, на голове колпак, тинной обмотан»; и далее: «Вдруг из камыша вылезла синяя, раздутая голова в колпаке» (Толстой, 1923, с. 8). В сказке же «Водяной» указанный мифологический персонаж уже не окружен болотными растениями, от них осталась лишь одна примета — травянистый цвет озерного дна: «Проехало чучело, ухватило лапой мужика, посадило с собой рядом; помчались к озеру да с кручи вместе — прыг в воду, очутились на зеленом дне» (Толстой, 1923, с. 11).

Из сказок, вошедших в раздел-цикл «Сорочьи сказки», особый интерес представляет «Сорока», в которой также содержится мифологическая линия сюжета. Синичка-птичка предлагает объевшейся и мучающейся животом сороке растительное лекарство: «<...> я средство знаю: трава Сандрит, от всех болестей целит». Сорока-белобока выясняет: «А где Сандрит-трава растет?» — и получает ответ: «А у черта на кулижках» (Толстой, 1923, с. 37). Однако сорока не верит в существование такого чудодейственного растения, не идет на болото и из-за болезни становится голобокой.

Пока не установлен прообраз этой травы, возможны только приблизительные догадки: 1) сандрит — это шандра — растение семейства губоцветных (писатель допускает звуковые замены «ш» и «с» — ср.: имя царевны Самакан из одноименного стихотворения произошло от Шамаханской царицы); 2) фольклорное приворотное зелье симтарин — четверолистник: «первый синь, другой червлен, третий желт, а четвертый багров»; 3) сомнит — девясил высокий (*Tnilahelenium*); 4) сандарак — финикийский кедр (*Callitris quadrivabis*),

внешне похожий на можжевельник или кипарис, родом из северной Африки; в России во времена А. Н. Толстого сандараковая смолка использовалась писцами для притирания скоблешек против растекания чернил по листу, входила в состав курительных порошков от ломоты и ревматизма и применялась в качестве лака при растворении в эфирных маслах. В русском фольклоре известны волшебные растения, например разрыв-трава и прыг-трава, отпирающие все замки и открывающие сокровища (Аникин, 1985, т. 8, с. 450; Коринфский, 1901, с. 628; Попов, 1966, с. 70; Залесова, Петровская, 1901, т. 4, с. 876; Снегирев, 1837, с. 88).

Мысль о введении в художественную ткань сказки волшебного лекарственного растения и о «заговороподобном» квазицитатном оформлении (будто бы в виде цитаты из несуществующего заговора) могла появиться у Толстого при чтении или даже беглом просмотре фольклорных материалов по народной медицине, опубликованных в журнале «Живая старина» в 1897 году и отмеченных в списке прочитанных изданий в «Черной книге» писателя. Так, в «Живой старине» помещены «Надобья» и «Растения с чудесной силой», а также «Наговоры лекарки Александры Афанасьевны Ананьиной», «Наговоры от разных лиц» и «Заговоры» (Макаренко, 1897, с. 386–439).

Еще один источник, известный Толстому и отмеченный в его «Черной книге», — это «Книга, глаголемая Травник» Н. В. Калачова, в которой перечислено 42 травы — реальных и фантастических (Калачов, 1859, с. 76–83). Трава «симтарин» здесь имеет другое название — «архилим» — и указана под номером один (Калачов, 1859, с. 77). Толстой прочитал мнение Н. В. Калачова о пользе изучения рукописных травников и об их относительной старине (опубликованный травник относится к первой половине XVIII века) (Калачов, 1859, с. 76).

Выдвинем еще одну гипотезу: сандрит-трава могла быть намеком на имя Александры Леонтьевны Бостром — детской писательницы и матери А. Н. Толстого, побудившей его к сочинительству; ее ко времени создания «Сороки» уже не было в живых, но сын всю жизнь хранил о ней нежные воспоминания. Ср.: Сандро — так С. А. Есенин звал друга Александра Кусикова.

Заключение

Итак, четыре из четырнадцати мифологических сказок Толстого построены на основе этиологических мифов о появлении растений в мире; некоторые цветы даны для наполнения ландшафта растительностью; используется также фантастическая трава — наравне с преобладанием реальных цветов и деревьев; при этом не все сказочные произведения включают в себя цветочные образы. Небольшое количество мифических трав и других цветущих растений, использованных Толстым, не отменяет их важной мировоззренческой сути для писателя;

наоборот, в ряде случаев приводит к постановке таких значимых цветов в центр композиции, к использованию для раскручивания сюжета и для показа изменчивости человеческой судьбы. Некоторые цветы были созданы воображением писателя и получили в контексте его сказок индивидуально сгенерированное мифологическое наполнение.

Список источников

1. *Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка.* (1979). Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков (Сост.). Наука.
2. Хетагурова, Д. К. (2022). Специфика трактовки флорообраза «подснежник» в поэзии символизма (К. Д. Бальмонт, Ф. К. Сологуб, А. И. Токаев). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 15(9), 2845–2850.
3. Смирнова, А. И., & Кузуб, Ю. В. (2023). Флороязык как медиатор трансляции культурных смыслов (предметное поле современного этапа флоропоэтологии). *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2: Искусствоведение. Филологические науки*, 3, 74–80.
4. Дякина, О. В., & Парамонова, А. Л. (2021). Образы цветов в художественной литературе. *Альманах мировой науки*, 10(53), 12–17.
5. Аркатова, А. Е. (2021). «Разочарования протяжность»: эстетика поэзии Серебряного века в стихотворении Ольги Берггольц «Полынь». *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*, 5, 42–49.
6. Ковалева, О. Г. (2023). Семантическая подгруппа «цветы» лексико-тематической группы «растения» в лирике И. Северянина. *Наукоффера*, 7(2), 163–168.
7. Полякова, А. Н. (2022). Метафоризация травянистых растений в лирике А. А. Ахматовой. *Интерактивная наука*, 11(76), 46–49.
8. Разумовская, А. Г. (2023). «Символ тайный иных миров»: поэтический «букет» русских модернистов. *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2: Искусствоведение. Филологические науки*, 3, 85–90.
9. Сергеева, О. М., & Чэн, Л. (2021). Растительный мир в образной структуре ранней лирики А. Ахматовой. *Слово. Грамматика. Речь* (с. 165–179). *Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ*. МАКС-Пресс.
10. *Ботаника для юношества, содержащая начальные основания ботаники и изображения 102 растений.* (1826). И. Кастальский (Пер.). Типография И. Глазунова и его иждивением.
11. *Энциклопедический словарь Брокгауза – Ефрона.* (1890–1904). Т. 1–50, 51–82.
12. Толстой, А. Н. (1924). *Кот — сметанный рот*. Издательство Брокгауз – Ефрон.
13. В. <криптоним> (1910). В. Сорочьи сказки. Гр. А. Н. Толстой (Мирза Тургень). Общественная польза. <Рец.>. *Всеобщий ежемесячник*. Брокгауз – Ефрон. 3, март.
14. Толстой, А. Н. (1949). *Полное собрание сочинений*: в 15 т. Т. 13. ГИХЛ.
15. *Воспоминания об А. Н. Толстом.* (1982). 2-е изд., доп. Советский писатель.
16. Даль, В. И. (1881). *Толковый словарь живого великорусского языка*: в 4 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2. Тип. М. О. Вольфа.
17. Толстой, А. Н. (1909). Еж-богатырь. Мудрец. Топор. *Тропинка*. 1 января, 1, 34–38.

18. Колосья. (1909). *Литературный альманах*. Кн. 1. Издание журнала «Театр и искусство».
19. *Книжная летопись*. (1909). 21 марта. № 12.
20. Толстой, А. Н. (1910). *Сорочьи сказки*. Общественная польза.
21. Толстой, А. Н. (1923). *Приворот*. Госиздат.
22. Афанасьев, А. Н. (1865). *Поэтические воззрения славян на природу*: в 3 т. Издание К. Солдатенкова. Т. 1.
23. Афанасьев, А. Н. (1868). *Поэтические воззрения славян на природу*: в 3 т. Издание К. Солдатенкова. Т. 2.
24. Афанасьев, А. Н. (1869). *Поэтические воззрения славян на природу*: в 3 т. Издание К. Солдатенкова. Т. 3.
25. Снегирев, И. М. (1837). *Русские простонародные праздники и суеверные обряды, вып. 1*. Университетская типография.
26. Забылин, М. М. (1880). *Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия*. Издание книгопродавца М. Березина.
27. Максимов, С. В. (1903). *Нечистая, неведомая и крестная сила*. В. Н. Тенишев.
28. Коринфский, А. А. (1901). *Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа*. Издание книгопродавца М. В. Клюкина.
29. Афанасьев, А. Н. (1957). *Народные русские сказки*: в 3 т. Т. 1–2. ГИХЛ.
30. Байбурин, А. К. (1983). *Жилище в обрядах и представлениях восточных славян*. Наука.
31. Миллер, О. Ф. (1876). <Рец. на:> Белорусские народные песни с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями, с приложением объяснительного словаря и грамматических примечаний. *Сборник П. В. Шейна 1874 года* (с. 1–2). Типография Императорской Академии наук.
32. Огольцева, Е. В. (2023). Васильки и колокольчики в русской языковой картине мира. *Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование*, 4(52), 104–117.
33. Аникин, В. П. (1985). Комментарии. Толстой А. Н. *Собрание сочинений*: в 10 т. Художественная литература. Т. 8.
34. Попов, А. П. (1966). *Лекарственные растения в народной медицине*. Здоров'я.
35. Залесова, Е. Н., & Петровская, О. В. (1901). *Полный русский иллюстрированный словарь-травник и цветник*: в 4 т. А. Гаспари. Т. 4.
36. Макаренко, А. (1897). Материалы по народной медицине Уржумской волости, Ачинского округа, Енисейской губ. со сборником народных медицинских средств той же волости (Окончание). *Живая старина*, II, 386–439.
37. Калачов, Н. В. (1859). Книга, глаголемая Травник. *Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым*. Кн. 1, 76–83. Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

References

1. *Comparative Index of Stories: East Slavic Fairy Tales*. (1979). L. G. Barag, I. P. Berezovsky, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov (Comp.). Nauka. (In Russ.).
2. Khetagurova, D. K. (2022). Specificity of the interpretation of the flora image «snowdrop» in the poetry of symbolism (K. D. Balmont, F. K. Sologub, A. I. Tokayev). *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 15(9), 2845–2850. (In Russ.).

3. Smirnova, A. I., & Kuzub, Y. V. (2023). Florolanguage as a mediator of translation of cultural meanings (subject field of the modern stage of floropoetology). *Bulletin of St. Petersburg State University of Technology and Design. Series 2: Art History. Philological Sciences*, 3, 74–80. (In Russ.).
4. Dyakina, O. V., & Paramonova, A. L. (2021). Images of flowers in fiction. *Al'manah mirovoj nauki*, 10(53), 12–17. (In Russ.).
5. Arkatova, A. E. (2021). «Disappointment extension»: the aesthetics of Silver Age poetry in Olga Bergholtz's poem «Wormwood». *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 5, 42–49. (In Russ.).
6. Kovaleva, O. G. (2023). Semantic subgroup «flowers» of the lexico-thematic group «plants» in the lyrics of I. Severyanin. *Naukosfera*, 7(2), 163–168. (In Russ.).
7. Polyakova, A. N. (2022). Metaphorization of herbaceous plants in the lyrics of A. A. Akhmatova. *Interactive science*, 11(76), 46–49. (In Russ.).
8. Razumovskaya, A. G. (2023). «Symbol of secret other worlds»: the poetic «bouquet» of Russian modernists. *Bulletin of St. Petersburg State University of Technology and Design. Series 2: Art History. Philological Sciences*, 3, 85–90. (In Russ.).
9. Sergeeva, O. M., & Cheng, L. (2021). Plant world in the figurative structure of A. Akhmatova's early lyrics. *Slovo. Grammar. Speech* (pp. 165–179). Collection of scientific and methodological articles on teaching RCT. MAKS-Press. (In Russ.).
10. *Botany for Youth, Containing the Initial Foundations of Botany and Pictures of 102 Plants*. (1826). I. Kastalsky (Per.). Tipografiya I. Glazunov and his dependence. (In Russ.).
11. *Brockhaus-Efron Encyclopedic Dictionary*. (1890–1904). Vols. 1–50, 51–82. (In Russ.).
12. Tolstoy, A. N. (1924). *The cat is a sour cream mouth*. Izd-voor Brockhaus – Efron. (In Russ.).
13. B. [kriotonim]. (1910). V. Magpie tales. Gr. A. N. Tolstoy (Mirza Turgen). *Obshchestvennaya pol'za*. <Rez.>. *General monthly*. Brockhaus-Efron. 3, March. (In Russ.).
14. Tolstoy, A. N. (1949). *The Complete Works*: in 15 vols. GIHL. Vol. 13. (In Russ.).
15. *Memories of A. N. Tolstoy*. (1982). 2nd ed., supplemented. Sovetskij pisatel'. (In Russ.).
16. Dahl, V. I. (1881). *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*: in 4 vols. 2nd ed., revised and supplemented. Tipografiya M. O. Wolf. Vol. 2. (In Russ.).
17. Tolstoy, A. N. (1909). The hedgehog-godaty. Sage. Axe. *Tropinka. January 1*, 34–38.
18. Spikes. (1909). *Literary almanac*. Book 1. Izdanie zhurnala «Teatr i iskusstvo». (In Russ.).
19. *Book Annals*. (1909). March 21. № 12. (In Russ.).
20. Tolstoy, A. N. (1910). *Magpie tales*. *Obshchestvennaya pol'za*. (In Russ.).
21. Tolstoy, A. N. (1923). *Privorot*. Gosizdat. (In Russ.).
22. Afanasyev, A. N. (1865). *Poetic views of the Slavs on nature*: in 3 vols. Edition by K. Soldatenkov. Vol. 1. (In Russ.).
23. Afanasyev, A. N. (1868). *Poetic views of the Slavs on nature*: in 3 vols. Edition by K. Soldatenkov. Vol. 2. (In Russ.).
24. Afanasyev, A. N. (1869). *Poetic views of the Slavs on nature*: in 3 vols. Edition by K. Soldatenkov. Vol. 3. (In Russ.).
25. Snegirev, I. M. (1837). *Russian common people's holidays and superstitious rites, vol. 1*. Universitetskaya tipografiya. (In Russ.).

26. Zabylin, M. M. (1880). *Russian people, their customs, rites, traditions, superstitions and poetry*. Edition of the bookseller M. Berezin. (In Russ.).
27. Maximov, S. V. (1903). *Unclean, unknowable and cross power*. V. N. Tenishev. (In Russ.).
28. Korinfsky, A. A. (1901). *Narodnaya Rus: Round Year of Tales, Beliefs, Customs and Proverbs of the Russian People*. Edition of the bookseller M. V. Klyukin. (In Russ.).
29. Afanasyev, A. N. (1957). *Folk Russian fairy tales: in 3 vols*. Vol. 1–2. GИЛ. (In Russ.).
30. Baiburin, A. K. (1983). *Dwelling in the rites and representations of the Eastern Slavs*. Nauka. (In Russ.).
31. Miller, O. F. (1876). <Rec. on:> Belarusian folk songs with the rites, customs and superstitions relating to them, with an appendix of explanatory vocabulary and grammatical notes. *Collected by P. V. Shein 1874* (pp. 1–2). Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk. (In Russ.).
32. Ogoltseva, E. V. (2023). Vasilki and bells in the Russian linguistic picture of the world. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(52), 104–117. (In Russ.).
33. Anikin, V. P. (1985). Commentary. Tolstoy, A. N. *Collected Works: in 10 vols*. Khudozhestvennaya literatura. Vol. 8. (In Russ.).
34. Popov, A. P. (1966). *Medicinal plants in folk medicine*. Zdorov'ya. (In Russ.).
35. Zalesova, E. N., & Petrovskaya, O. V. (1901). *Complete Russian illustrated dictionary-herbalist and florist: in 4 vols*. A. Gaspari. Vol. 4. (In Russ.).
36. Makarenko, A. (1897). Materials on folk medicine of the Urzhumskaya volost, Achinsk district, Yenisei province, with a collection of folk medical remedies of the same volost (Ending). *Zhivaya starina, II*, 386–439. (In Russ.).
37. Kalachov, N. V. (1859). Book, glagolemaya Travnik. *Archive of historical and practical information relating to Russia, published by Nikolai Kalachov*. Book 1, 76–83. Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the author

Елена Александровна Самоделова — доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклора Института мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук.

Elena A. Samodelova — D. Sc. (Philology), Senior Researcher at the Folklore Department of the A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 821.161.1-31:801.81

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.03

**ФОЛЬКЛОРНЫЙ КОД В РОМАНЕ А. ВАРЛАМОВА
«ДУША МОЯ ПАВЕЛ»****Матвеева Ирина Ивановна**Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,matv1@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3529-3459>

Аннотация. В статье рассмотрены фольклорные и мифопоэтические мотивы романа А. Варламова «Душа моя Павел». На основе комплексного анализа текста, мифопоэтического и интертекстуального методов прослежены генетические связи персонажей с фольклорными и мифопоэтическими источниками. Рассмотрена проекция главного героя романа Павла Непомилуева на низкого фольклорного персонажа и былинного героя, дана трактовка его имени и фамилии, вскрыты персоналогические и онтологические уровни в структуре образа. Особое место уделяется топосу романа, показывается его связь со сказочными мотивами и формулами, выявленными В. Я. Проппом и Е. М. Мелетинским, а также с легендами о земле обетованной. Прослеживаются мотивы волшебных помощников, заколдованности, преобразования низкого героя в высокого, отсылки к мифопоэтическим образам леса, реки, русалки.

Ключевые слова: филологический роман, фольклор, мифология, сказочный топос, инициация, праведная земля, Непомилуев, художественный образ, мотив заколдованности.

Для цитирования: Матвеева, И. И. (2024). Фольклорный код в романе А. Варламова «Душа моя Павел». *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(54), 39–52. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.54.2.03>

Original article

UDC 821.161.1-31:801.81

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.03

**FOLKLORE CODE IN THE NOVEL BY A. VARLAMOV
«MY SOUL PAVEL»****Irina I. Matveeva**Moscow City University,
Moscow, Russia,matv1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3529-3459>

Abstract. The article considers folklore and mythopoetic motifs of the novel by A. Varlamov «My Soul Pavel». Varlamov's «My Soul Paul». Employing a complex analysis

of the text, namely relying on mythopoetic and intertextual methods the author traces the genetic links of characters with folklore and mythopoetic sources. There is a projection of the protagonist of the novel onto a low folklore character and a Bylinny hero which is considered to interpret his name and surname as well as to reveal personological and ontological levels in the image structure. The specific focus is on the topos of the novel, its connection with fairy-tale motifs and formulas identified by V. Y. Propp and E. M. Meletinsky, as well as with the legends about the promised land. There are motifs of magic helpers, enchantment, transformation of a low positioned hero into a high positioned one, along with references to mythopoetic images of forests, rivers, mermaids traced.

Keywords: philological novel, folklore, mythology, fairy-tale topos, initiation, righteous land, Nepomiluev, artistic image, motif of enchantment.

For citation: Matveeva, I. I. (2024). Folklore code in the novel by A. Varlamov «My soul Pavel». *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(54), 39–52. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.54.2.03>

Введение

Роман «Душа моя Павел» лауреата премии «Большая книга» А. Варламова вызывает огромный интерес у читателей и литературоведов. Художественно осмысливая советское прошлое (Солдаткина, 2020), его автор обращается к важным проблемам современности, отвергая «исторический пессимизм» русского постмодернизма (Скоропанова, 2002, с. 280), его двусмысленность и релятивизм.

Корпус исследований, посвященных роману А. Варламова, уже достаточно обширен. Авторы работ отмечают особую роль имен в романе (Новикова, Лапынина, 2020), филологические аллюзии, фольклорные элементы (Матевосян, 2023), анализируют образ главного героя (Матвеева, Крылова, 2024), своеобразие сюжета (Солдаткина, 2020) и т. д. Однако до полного осмысления поэтики произведения еще очень далеко. Цель настоящей статьи — выявить и проанализировать фольклорные и мифологические источники романа, создающие особые проекции его смысла.

Роман «Душа моя Павел» можно без преувеличения назвать филологическим. Он написан в реалистической манере с элементами модернизма и по классификации Г. Л. Нефагиной и А. И. Смирновой относится к «условно-метафорическим произведениям» (Нефагина, 2003, с. 44; Смирнова, 2011, с. 91). Авторская мысль в нем доносится с помощью «героя, воплощающего идею соборности» и «порожденного советской действительностью» (Нефагина, 2003, с. 46). Но наряду с изобразительным сюжетным планом в тексте романа отчетливо проступает метафизический план, в котором с помощью авторских подсказок, смешения реального и ирреального, различных отсылок к классическим и неклассическим текстам-предшественникам, советскому мифу о «новом человеке», а также к знакомым явлениям мировой культуры актуализируется мысль о способности человека к пересозданию мира на разумных основах.

Методы исследования

В работе использован комплексный анализ текста, в том числе сравнительно-типологический, мифопоэтический, интертекстуальный, что дало возможность выявить генетические связи персонажей с фольклорными образами, глубинными мифологическими пластами, а также отметить некоторые закономерности отечественного литературного процесса. Наблюдение над ономастикой позволяет выявить некоторые скрытые пружины сюжета, найти ключи к трактовке отдельных героев романа.

Результаты исследования

Смысловые контексты романа А. Варламова «Душа моя Павел» во многом детерминированы архетипической логикой; в тексте использованы фольклорные и мифологические мотивы, задействованы сказочные типажи, расширяющие семантическое поле и уводящие повествование от прозы жизни в плоскость осмысления онтологических ценностей.

Обозначая фольклорную составляющую романа, А. Варламов придает главам соответствующие названия: «Сестрица Аленушка», «Частушки», «Фольклорная практика», «Не ешь пирожок». Однако при ближайшем рассмотрении их фольклорный код воспринимается скорее сквозь призму иронии, поскольку содержание этих глав оказывается полемичным заглавиям.

Жанр романа требует нескольких сюжетных линий, в то время как один из признаков фольклорного произведения — наличие одного героя и одной сюжетной линии. В романе «Душа моя Павел» действует один герой — Павел Непомилуев, юноша, выросший в закрытом военном городке и приехавший в Москву с наивной верой в то, что его читательского интереса к литературе достаточно для поступления в самый престижный вуз страны — МГУ. Остальные персонажи даны схематично: с ними не связаны отдельные сюжетные линии и это структурно сближает произведение с фольклорным эпосом. Несмотря на то что действие романа происходит в не столь отдаленном 1980 году, а сюжет представляет собой соотносимый с современностью рассказ о поездке главного героя на уборку картофеля со студентами-филологами МГУ, А. Варламов использовал *фольклорные мотивы инициации и хождения за правдой*. Так, Павел в одном из откровенных разговоров признается, что поехал в Москву *за правдой*: «Я много об этом <...> думал. Иногда даже уснуть из-за этих мыслей не мог. Ночами просыпался и думал. В Москву за ответом поехал» (Варламов, 2022, с. 271).

Перед Павлом Непомилуевым, как перед сказочным героем, стоящим у вещице камня, в начале романа открываются разные дороги, каждая из которых сулит ему свои испытания. В этом смысле упоминание в завязке рассказа О. Генри «Дороги, которые мы выбираем» опознается как стилизованный фольклорный код («сказка ложь, да в ней намек»). Речь в рассказе американского писателя идет

о выборе между выгодой и нравственностью. В двух предложенных вариантах судьбы герой Додсон предпочитает деньги, ради которых предает друзей. Павел Непомилуев не посчитал нужным запомнить автора рассказа (ведь фольклор анонимен), но зато его идею воспринял серьезно: главное не в том пути, которым идет человек, а в том, какие поступки он на нем совершает.

Проекция на низкого фольклорного героя

Своей наивностью, добродушием и сказочным везением Павел Непомилуев напоминает низкого фольклорного героя — Иванушку-дурачка. По ремарке автора он был «с малых лет мечтателен и глуп», но даже с плохой подготовкой и низкими баллами аттестата поступил в МГУ и постепенно утвердился в среде умных, начитанных старшекурсников. Проекция героя на низкого фольклорного персонажа усиливается темой «дураки-умники». Как известно, в сказках действуют три брата, два из которых умные, а один, младший, — дурак; в романе Варламова практически все члены студенческого братства умны, и лишь один Павел — герой, «не подающий надежд» (Мелетинский, 2005). С точки зрения образованных, начитанных студентов, Павел глуп и поэтому презираем в их среде, но вскоре они вынуждены признать, что Непомилуичик «обладает какой-то мудростью, которая в конечном счете дает ему преимущества перед братьями» (Мелетинский, 2005, с. 188).

Мотив братства присутствует в романе сначала имплицитно, но постепенно проявляется все более отчетливо. Его обозначает Евгений Бокров по прозвищу Бокрёнок, первым и сначала в шутку назвавший Непомилуева братом. Тема братства возникает и во фразе бригадира Ромы, который называет отряд студентов бригадой имени Бэды Достопочтенного (Новикова, Лапынина, 2020, с. 73). Имя Бэды Достопочтенного, английского монаха-бенедиктинца VII века, вполне литературно, оно упоминается в «Божественной комедии» Данте, в произведениях У. Уордсворта и Я. П. Полонского. Живший в обители Св. Петра и Павла в Ярроу, славившейся богатой библиотекой и духом равенства и братства среди монахов, Бэда Достопочтенный был исключительно образован для своего времени. Ироническое упоминание бригадиром имени Бэды Достопочтенного говорит о том, что Павлу предстоит приобщиться к братству исключительно умных ребят, что, однако, наивный мальчик не понимает в силу своей невежественности.

На студенческое содружество намекает фамилия комиссара студотряда Семибратского. В его фамилии заложены два значимых концепта (*семь* и *брат*), каждый из которых имеет корни в фольклоре. Семибратский выполняет функцию старшего брата необузданной молодой вольницы, но в нем и самом много протестного. Умный и тонкий, по-своему цельный, но совершенно бездеятельный, комиссар, поставленный контролировать работу студентов и осуществлять связь с вузом, не справился со своими обязанностями, что привело к срыву работ на колхозном поле. Вину за это он возложил не на себя, а на порочную государственную

систему и поэтому внутренне одобрил студенческую забастовку лишь с небольшим дополнением («по-другому надо...»). Каждый из «братьев» его отряда, как и герои сказки «Семь Симеонов», обладает особым талантом, который Семибратский признает и использует в своих протестных целях. И только в Непомилуеве он не увидел ничего, что могло бы вдохновить его, потому что Павел не способен на предательство своей страны. Таким образом, Семибратский в романе занимает промежуточное положение между студентами и руководством вуза, взяв от той и другой стороны худшие черты: неверие, отсутствие идеалов, приспособленчество, зависть, трусость, пьянство. В связи со сказанным противостояние Непомилуева масштабу зла выглядит внушительно, приближаясь к подвигу сказочных героев.

С низким фольклорным героем Павла Непомилуева соотносят мотивы *сиротства, невезучести и ущербности*, которые обнаруживаются еще во время пребывания его в родном городе Обдорске. Мечтательность, пассивность и оторванность от жизни раздражали отца Павлуши, но все призывы Непомилуева-старшего очнуться и спуститься с небес на землю не достигли ушей подростка. Не понимает юношу и начальник отца полковник Передистов, который хотел бы видеть его военным или инженером, а не профессиональным читателем (Варламов, 2022, с. 25). В Москве «глупость» героя обнаруживается с новой силой, когда он провалил экзамены в университете. Провал был закономерен: Непомилуев учился в школе плохо, и, хотя читал книги запоем, его суждения о прочитанном лишь раздражали учительницу литературы, которая считала Павла необучаемым и возвращала «глупому мальчику тетради, в которых красного и перечеркнутого было больше, чем синего» (Варламов, 2022, с. 23).

Сказочный герой, не подающий надежд, «часто изображается уродом» (Мелетинский, 2005, с. 193). Следуя этой традиции, Варламов покрыл лицо Павла обильными прыщами. То, что за ущербной внешностью героя скрывается прекрасная душа, увидели несколько героинь романа, в том числе одинокая женщина, жительница деревни Анастасьино, сказавшая о физическом недостатке героя так: «Да эти прыщички заветные — это ж защита его была. Как ладанка родительская иль оберег...» (Варламов, 2022, с. 364). Действительно, прыщи на лице героя отталкивают от него случайных девушек, зато Людмила, Алена, Буратинка смотрят не на лицо, а в прекрасную душу Павла.

Герой наделен *говорящим именем*. Автор дал ему имя апостола Павла не случайно. Берущее начало от римского Paulus — малый, оно в то же время имеет значение «дивный, или избранный», а также «желанный» (Флоренский, 2008, с. 592–593). Семантика имени проявлена в сюжете: среди образованных структуралистов Павел ощущал себя малым и, несмотря на свой высокий рост, смотрел на всех снизу вверх. Студенты называют его малышом, пупсиком, дурачком, фурсиком (т. е., по Далю, «недоростком, маленьким человечком»).

Ущербность Непомилуева проявляется в недостатке образования, непонимании «умных» разговоров о литературе. Калейдоскоп имен и терминов, неизвестных Павлу, ставит его на самую нижнюю ступень в студенческой иерархии, с чем он вполне согласен: в разговоре с Семибратским он говорит о себе «я дурак»

(Варламов, 2022, с. 224). В другом фрагменте он проводит параллель с собой и фольклорным персонажем еще более очевидно: «...я тоже средневековый» (Варламов, 2022, с. 159), как и герой волшебных сказок.

Фамилия Павла отсылает к фольклорному *мотиву сиротства*. Непомилуев — человек, которого не помиловала судьба (он рано лишился родителей). Статус сироты активизирует *фольклорные мотивы «незаслуженных гонений», «действия чудесных сил, выступающих на стороне героя»* (Мелетинский, 2005, с. 7), а также *получения наследства*, что в тексте романа связано с наследованием идеи великой страны и бескомпромиссного служения ей. Вместе с тем Павел человек бескомпромиссный и не милует порок, злость, предательство. Таким образом, двунаправленная проекция имени и фамилии центрального персонажа становится залогом превращения его в финале по законам волшебной сказки в «высокого» героя.

Сказочный топос

Обращение к образу Ивана-дурака — это лишь зацепка, заставляющая погрузиться в систему текста, чтобы обнаружить все очевидные и неочевидные контексты персоналогического, фольклорного и онтологического уровней персонажа.

Широко известны фольклорные сюжеты «о посещении героями иных миров, которые иногда совпадают с царством мертвых» (Мелетинский, 2005, с. 12). Первой подобной отсылкой в романе становится город Обдорск, в котором родился Павел. Обдорск, или Пятисотый, как называют его жители, секретный город, которого нет на карте страны. Оним выбран не случайно. Город на реке Оби с таким названием просуществовал до 1933 года, а затем был переименован в Салехард. Однако обдорские земли традиционно соотносят с легендами о вольных праведных землях (Лукоморье, Беловодье, Китеж, Опоньское царство и т. д.) (БРЭ, 2014–2017). Так, в рассказе А. Платонова «Иван Жох» упоминается Вечный Град-на-Дальней реке, «вечный невозможный город» *на Оби*, основанный Иваном Жохом на благочестивой опоньской земле в Беловодье (Платонов, 2004, с. 38).

Павел, размышляя о Пятисотом, думал: «Как может быть на свете то, чего нет на карте? А может быть, нашего города просто не существует?» (Варламов, 2022, с. 13). Так в роман входит фольклорный *мотив некоторого царства-государства*, заповедного места, куда нет доступа обычным людям. Неслучайно Павел, приобщившийся к жизни большой страны, теряет возможность вернуться в город своего детства. «Тебе уже нельзя к нам <...>, — говорит ему Передистов. — Ты не найдешь дорогу, сынок» (Варламов, 2022, с. 404).

Другим заветным местом становится деревня Хорошая. Туда Павла приводит студентка-фольклористка Люда, путеводительница и помощница Павла. Примечательно, что дорога ведет молодых людей по полю, висячему мостику через быструю речку и приводит к деревушке, отделенной от остального пространства рекой

и высоким хвойным лесом. В фольклоре лес наделяется «признаками удаленности и непреодолимости», «чужого пространства» и «того света» (Добровольская, 2017, с. 6); в романе он «окружает иное царство» (Пропп, 2000, с. 41), становится границей, отделяющей мир людей от потустороннего мира. Эту же функцию выполняют река и мостик, становясь для Павла и Людмилы границей между «тем» и «этим» светом (Славянская мифология, 1995, с. 96).

Хронотоп данного фрагмента сказочный: за несколько часов Павел и Людмила преодолевают путь в 60 километров и оказываются в странной беззвучной деревне, населенной тихими девочками-бабушками. Мир этой деревни кажется Павлу чужим: «Странная какая-то деревня и река. Совсем ее не помню. Я же здесь летал, я все эту местность на много километров видел. А эту реку — нет» (Варламов, 2022, с. 309). И вновь в тексте возникает мотив заповедного места, где совершаются чудеса. Именно в деревне Хорошей Павел преодолевает еще одну ступень на пути к инициации, избавляется от подростковой стыдливости, открывает для себя мир физической любви к женщине. Водная символика сцены «в бане» актуализирует мифологические пласты, связанные с тайными, сексуальными, очистительными и одновременно лечебными свойствами воды. В то же время именно в деревне Хорошей Людмила поит Павла приворотным зельем, из-за чего он оказывается на грани жизни и смерти.

Волшебные помощники

Ни одна волшебная сказка не обходится без волшебных помощников. В романе ими становятся Муза Георгиевна, Алена/Эяна, Людмила, полковник Передистов и профессор Николай Кузьмич Суц.

Особую роль в романе играет *Муза Георгиевна Мягонькая*, которая дала Павлу пропуск в студенческую жизнь, а позднее не позволила отчислиться из вуза. Фольклорные проекции данного образа переведены в *подтекст* и *травестированы*. Так, Муза Георгиевна, которую Павел поначалу воспринимает как бабушку-уборщицу, напоминает добрую волшебницу, а также Бабу-ягу. Об этом говорит имплицитное подчеркивание ее женского начала, и фамилия Мягонькая иронически высвечивает данную проекцию. Павел неслучайно сравнил ее с крольчихой: «В ней было что-то кроличье. Наверное, у нее было много детей и внуков» (Варламов, 2022, с. 19). Известно, что у сказочной Бабы-яги детей не было, но женские органы (большие груди) упоминаются в фольклорных источниках. В некоторых сказках говорится о слепоте Бабы-яги. Мягонькая тоже носит очки с крупными линзами.

Согласно мнению В. Я. Проппа, образ Бабы-яги восходит к древним пластам культуры, к матриархату, когда женщина была главой рода. Именно она была хозяйкой, распорядителем обряда инициации. Муза Георгиевна, подобно мифологической прародительнице, наделена магической силой. Одного ее слова оказывается достаточно, чтобы решить вопрос о зачислении Павла в вуз. Интересно, что

Мягонькая упоминает в запальчивости, что ради Непомилуева готова на крайние меры: «Я хоть к Черту пойду, если надо будет» (мотив общения с нечистой силой). Любопытно, что этой нечистой силой она считает партком вуза.

В волшебных сказках Баба-яга дает герою добрый совет и волшебного помощника. В романе мотив дарения становится сюжетообразующим: Муза вручает Павлу блокнот, в который велит записывать новые для него слова, что способствует быстрому преображению героя и одновременно активизирует темные противоборствующие силы (наводит подозрения в доносительстве).

Интересен амбивалентный образ Николая Кузьмича Суца. С одной стороны, он, бывший фронтовик и секретарь парткомитета вуза, стал крестным отцом Павла и его защитником в деканате вуза. С другой стороны, во внешности и характеристике персонажа просматривается образ черта: он старый, одноногий, от его пронзительного взгляда становится не по себе не только окружающим, но и крестнику: «Вот кто шаман настоящий <...>. Эх, опасный человек мой лелька, лучше бы мне от него подальше держаться» (Варламов, 2022, с. 99).

Этимология фамилии героя обращает к древности. Словарь Даля зафиксировал слово «сущ» как синоним слова «сухой»; применительно к человеку — это «холодный», «неласковый», применительно к растениям — «иссохший», «неживой». Все эти характеристики вполне подходят парторгу вуза и в то же время отсылают к образу Коцея Бессмертного. В студенческой среде его имя обыгрывалось именно в таком негативном ключе: «Если вы та самая Сущь, которая историю капээсэс преподает, я с вами никуда не пойду», — говорит Непомилуев парторгу (Варламов, 2022, с. 388). Как нечистую силу упоминает партком и Мягонькая. Тяжелый разговор в деканате между Сущем и Раечкой уподобляется битве темных сил, от которой сделалось «черно и страшно» и из которой Суц вышел победителем.

Важной помощницей Павла становится красивая и уверенная литовка *Алена*. Ее имя соотносит героиню со сказочной Аленушкой, старшей сестрой непослушного Иванушки. Алена проявляет к Павлу сестринскую любовь, заботу и сострадание. В то же время в ней проступают черты Василисы Прекрасной/Премудрой. Алена чрезвычайно умна, прозорлива и способна пресекать зло: «Непомилуев никогда не подозревал раньше, что злость украшает женщину лучше всякого наряда. <...> закутанная бабьим платком Алена с ее строгим лицом и тонкими губами показалась ему такой прекрасной, что он прирос к месту...» (Варламов, 2022, с. 71).

Наконец, один из самых таинственных и влиятельных помощников, который находится на периферии повествования и появляется только в самые трагические моменты жизни Павла, — это *Передистов*. Он издалека наблюдает за взрослением юноши, дает ценные советы и возвращает ему после болезни и пребывания в больнице забытую карту страны, таким образом напоминая ему о великой задаче, которая была поставлена перед юношей самим фактом его рождения и воспитания в Обдорске: «Ты — лучшее, что мы могли им дать. Ты наше целеполагание, Павел» (Варламов, 2022, с. 405).

Мотив заколдованности

В сюжете романа реализуется *мотив инициации* главного героя, также восходящий к фольклорным жанрам. Павел на пути к зрелости проходит ряд испытаний, одно из которых — любовь. Этот мотив в романе переплетен с *темой колдовства* и реализуется через традиционный любовный треугольник. Павел, влюбленный в Лену, не может добиться от нее взаимности, она холодна, равнодушна, как царица Несмеяна, и кажется ему пленницей, «которую захватил кто-то хищный и злобный, и Павлик должен был ее освободить» (Варламов, 2022, с. 72).

Образ Людмилы, которую герой долго не замечает, тоже овеян колдовством. «Незаметная замухрышка, всегда ходившая в одной и той же синей прозодежде», она умеет разговаривать с птицами, заговаривать болезни. Желая заполучить Павла, девушка прибегает к привороту. Обряд совершается старой бабкой-знахаркой сначала в избушке, а затем в бане (нечистом по народным приметам месте), куда Павел идет вместе с Людмилой в надежде избавиться от прыщей. В бане Людмила, сбросившая с себя одежду, превращается из серой невзрачной девушки в красавицу (мотив заколдованной невесты, как, например, в сказке «Царевна-лягушка»): «Непомилуев не думал, что Люда так красива, <...> поразило его ее преображение, как будто перед ним была теперь совсем другая Люда» (Варламов, 2022, с. 331–332). В доме тихой старушки в состоянии опьянения и слабости герой постигает таинство сексуальной близости (мотив запрета добрых отношений и утраты невинности). Но, как сказочная Василиса Премудрая, утром надевающая лягушачью кожу, так и Люда перед восходом обретает свой прежний облик и просит Павла уйти.

Показательно, что ночью, в неурочное время, закричал петух — в славянской мифологии «вещая птица, способная противостоять нечистой силе» (Славянская мифология, 1995, с. 307). Люда в эти минуты рассказала Павлу, что у древних славян это было приметой мужской инициации («Когда мальчик становится мужчиной, в его честь кричит петух»). Но крик петуха словно разрушает колдовство ночи. Девушка вслед за этим холодно произносит: «А теперь иди <...> Не хочу, чтобы ты меня утром увидел» (Варламов, 2022, с. 334).

Мотивы колдовства, преждевременного превращения и наказания за это способствуют дальнейшему развитию сюжета: Павла настигает странная болезнь, которая в народной культуре мыслится как результат действия нечистой силы или порчи (Славянская мифология, 1995, с. 60), а на Людмилу обрушивается людское порицание и горькое раскаяние, проявившееся в разговоре девушки с Бабал на крыльце. Мотив колдовства подтверждается словами Павла о Людмиле, произнесенными в бреду и отсылающими к сказке о Царевне-лягушке: «...она просто шкурку поторопила сжечь» (Варламов, 2022, с. 346). Людмила, сжигающая в огне самопожертвования свою защитную оболочку, наказывается отрешением от самого дорогого: от любимого Павла и желанной профессии. Завершает линию Людмилы некий голос свыше, который велит ей оставить Павла навсегда: «Иди, девка, стаптывай свои башмаки. И не вздумай его найти» (Варламов, 2022, с. 347).

После обряда крещения, последовавшего за приворотом, Павел попадает в больницу, а затем в морг. Приворотное зелье и святая вода в церкви оказались столь несовместимы, что превратились для Павла Непомилуева в мертвую воду, погрузили в небытие. На метафизическом уровне он оказывается в символическом пограничном пространстве загробного мира, где его блуждания то ли по просторам необъятной страны, то ли по ее карте уподобляются скитаниям сказочного героя за волшебным клубком в Тридевятом царстве: «Иду и иду, как будто кто-то бросил волшебный клубок передо мной» (Варламов, 2022, с. 361).

В загробном мире, как и в сценах в деревне Хорошая, активизируется фольклорный *мотив мертвой и живой воды* (Солдаткина, 2020, с. 14). Заснеженные поля и холод прибрежного морского песка сменяет теплая вода незнакомой дымящейся речки, куда Павел «лег <...> лицом вниз. Он лежал так очень долго, удивляясь тому, что ему совсем *не хочется дышать*, и чувствовал, как вода трогает его лицо и обтекает тело, словно он сделался *неподвижным камнем*. Ему и не хотелось теперь вставать, <...> а так бы и *лежать* в этой чудесной воде...» (курсив мой. — *И. М.*) (Варламов, 2022, с. 354).

Детали приведенного фрагмента говорят о том, что герой погружен в мертвую воду («не хотелось дышать», «сделался неподвижным камнем»). Любопытно, что умерший накануне Семибратский, которого во время загробных странствий встречает Павел, сидит, *опустив ноги в воду* волшебной реки, в то время как Павел *вышел из нее* и проходит по берегу мимо.

Живой водой для героя становятся слезы Люды, которая не только сумела разглядеть его в потустороннем мире, но и попросила прощения, отпустив в самостоятельную свободную жизнь.

Русалочьи мотивы

С колдовством, очарованием связано в романе переосмысление *русалочьих мотивов*. На юношу магически действуют длинные женские волосы. Например, волосы Алены, рассыпанные по куртке, подсознательно обращают героя к его подростковому тайным мечтам о прекрасных женщинах: «и все женское... рисовалось в облике длинных платьев, *струящихся* по плечам *волос*, устремленных вдаль взоров и тихих слов» (Варламов, 2022, с. 63) (курсив мой. — *И. М.*).

Длинные платья, скрывающие ноги, струящиеся, как бы стекающие по плечам волосы, тихие слова — все эти детали репрезентируют русалочью тему. Люда, распустившая в бане волосы, напоминает юноше русалку. Для Павла в эти минуты она мгновенно преображается в прекрасное таинственное существо. Связанные с плодородием, эросом, русалочьими чарами, волосы околдовывают, увлекают в неведомый мир любви. Поэтому, запутываясь в тяжелых волосах Люды, Павел забывает о себе, об Алене, обо всем на свете.

Водная семантика отличает и образ Буратинки. Только что выкупавшаяся в пруду, девушка очаровывает Непомилуева своими «мокрыми спутанными

каштановыми волосами». Характерно, что более ранняя встреча с девушкой не произвела на Павла такого впечатления. И лишь встреча с искупавшейся свежей Буратинкой заставляет Павла забыть о прежних любовных историях.

Таким образом, длинные волосы наделяются магической силой и выполняют в романе ритуальную функцию приворота.

Мотив защиты родины

Важным фольклорным мотивом является мотив защиты родины. Положительные герои в эпосе «выражают национальные идеалы» (Пропп, 1976, с. 100). В романе национальная идея актуализируется в спорах Павла со структуралистами, в беседах с бригадиром Лешей Бешеным и Передистовым. Из разговоров он узнает много нового о жизни страны и ее людей: о ГУЛАГе, произволе чиновников, бедноте и бытовой неустроенности простых людей. Но это не мешает ему продолжать верить в прекрасное будущее своей большой Родины. Он готов биться за нее, реализуя вложенную в него цель — быть защитником и проводником всего лучшего, что было в его родном Обдорске. «Что вам сделала моя страна?» — вопрошает он структуралистов, доведенный до крайности их антисоветскими разговорами и анекдотами. В этот момент, встав во весь свой богатырский рост, почти упираясь головой в потолок на фоне карты СССР, он одновременно становится похож «на вратаря, защищавшего это огромное пространство от вероломного нападения» (Варламов, 2022, с. 127), и на красноармейца со знаменитого плаката времен Гражданской войны. Оба эти образа восходят к одному архетипу — *былинному богатырю, защитнику родины*.

Примечательно, что вероломное нападение на страну Павел ожидает не столько со стороны стран-соседей, сколько от сограждан и особенно от сверстников. Так, в разговоре с Лешей Бешеным юноша противопоставил зыбким нравственным законам бригадира свою внутреннюю цельность и убежденность, обретенную в Пятисотом: «Мне один человек говорил, <...> что извне нас победить невозможно, потому что сильна наша армия, а вот изнутри разложить постараются. И не старшее поколение, <...> а молодых» (Варламов, 2022, с. 270).

Соответствуя фольклорному образу богатыря и его предназначению, Павел, вопреки всем трудностям, сохраняет верность идеалам и не только защищает честь страны, работает во имя ее на пределе сил, но и борется за души молодых ребят, которые захватила мифическая «глокая куздра». В мысленном споре с ними он говорит: «Я понимаю, что <...> вас обманывали часто и веры у вас почти не осталось <...> Это ведь все глокая куздра, это она нас захватила и обманула, а мы решили, что она и есть советская власть. А она только маскируется под советскую, она ложная, как ядовитый гриб, и мы ее вырвем, прогоним, мы всех бокров, бокрёнков, бокрят и бокрённышей от нее защитим и не дадим никого курдючить» (Варламов, 2022, с. 363).

Мотив преображения

Отметим еще один важный мотив, неизменно присутствующий в русской народной сказке, — это преображение героя в финале. Инициация героя сопровождается, по наблюдениям В. Я. Проппа, сменой имени, одежды, деталей внешности (Пропп, 2000, с. 39). Пройдя все испытания, в том числе символическую смерть, Павел наконец обретает себя в новой и уже ставшей родной студенческой среде. О завершившемся процессе инициации свидетельствует его очистившееся лицо и уверенность в том, что учеба в вузе будет успешной. Теперь для студентов он уже не малыш, не дурачок и не пупс, а брат, Павел, Паша, Павло, парень, старичок, боец. Сыроед обещает подобрать ему «правильный гардеробчик». Но и без модных вещей на похорошевшего парня заглядываются девчонки, и взгляды их обещают многое. Преображенного Павла не узнает лопухий паренек, с которым тот познакомился при поступлении в вуз, — теперь герой и выглядит, и ощущает себя по-иному.

Таким образом, фольклорный мотив перевоплощения венчает финал романа. Павел из малограмотного и легковверного мальчика, отвергаемого девушками, превратился в серьезного, мыслящего студента, получившего в награду влюбленность красивой девушки. Открытый финал и дальнейший путь героя символизируют его взросление, обретение высокого статуса, переход на новый жизненный этап и возможность самоопределения.

Выводы

Филологический роман А. Варламова буквально пронизан явными и скрытыми отсылками к фольклорным текстам и мифологическим образам. Главный герой Павел Непомилуев — художественное отражение низкого фольклорного героя Иванушки-дурачка. Как и у этого фольклорного персонажа и русских былинных героев, у него есть духовная миссия, подвижнический путь. Писатель использовал сюжет инициации героя, подвергнув его различным испытаниям, вплоть до смерти и погружения в потусторонний мир, откуда он возвращается перерожденным.

Непомилуев, подобно Ивану, «не подающему надежд», за душевную чистоту и бесхитрость получает в награду чудесные предметы и знания от персонажей-помощников, заботу и дружбу старшей сестры Алены/Эляны, а в финале — любовь Буратинки. Поняв свое истинное предназначение, проявив качества борца и совершив духовный подвиг, герой преображается внешне и внутренне, обретает новый социальный статус и новую природу, становится личностью.

Фольклорный код в романе актуализирует идею высокой духовной личности, способной к усовершенствованию мира на справедливых социальных и нравственных основах. Как фольклорный код и намек на скрытый смысл прочитывается упоминание рассказа О. Генри «Дороги, которые мы выбираем» и его главной мысли о том, что не так важна дорога, которую выбирает человек,

а то, **что** внутри его выбирает тот или иной путь. Что-то, определяющее поведение людей, — это душа, которая формируется семьей, окружением, институциями. Павел выбрал трудный путь преодоления, став новым национальным типом героя в современной литературе.

Список источников

1. Авдеева, Г. А. (2020). Филологические аллюзии и цитаты в романе А. Варламова «Душа моя Павел». *Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива*, 29, 228–238.
2. БРЭ — Большая Российская энциклопедия. (2004–2017). (2024, 14 апреля). https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2282129
3. Варламов, А. Н. (2022). *Душа моя Павел: роман взросления*. АСТ: Редакция Е. Шубиной.
4. Добровольская, В. Е. (2017). Лес vs сад в русской волшебной сказке: сюжетная функция локусов. В А. И. Смирнова, И. Н. Райкова (Ред.). *Семантика сада и леса в русской литературе и фольклоре* (с. 5–18). *Сборник научных статей*. МГПУ.
5. Нефагина, Г. Л. (2003). *Русская проза конца XX века. Учебное пособие*. Флинта; Наука.
6. Новикова, О. В., & Лапынина, Н. Н. (2020). Антропонимическое пространство романа А. Варламова «Душа моя Павел». *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*, 4, 66–76.
7. Матвеева, И. И., & Крылова, С. В. (2024). Проблема положительного героя в современной литературе. *Русская словесность*, 3, 68–75.
8. Матевосян, А. А. (2023). Роль фольклорных мотивов в романе А. Н. Варламова «Душа моя Павел». *Наука и школа*, 3, 26–32.
9. Мелетинский, Е. М. (2005). *Герой волшебной сказки. Происхождение образа*. Академия Исследований Культуры.
10. Пропп, В. Я. (1976). *Фольклор и действительность. Избранные статьи*. Наука.
11. Пропп, В. Я. (2000). *Исторические корни волшебной сказки*. Лабиринт.
12. Скоропанова, И. С. (2001). *Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык*. Невский простор.
13. *Славянская мифология. Энциклопедический словарь*. (1995). Эллис Лак.
14. Смирнова, А. И. (2010). *Русская проза второй половины XX века: вектор развития*. МГПУ.
15. Солдаткина, Я. В. (2020). Мифологема воды в современном русском «романе о взрослении» (А. Г. Архангельский «Бюро проверки», А. Н. Варламов «Душа моя Павел», Е. Н. Водолазкин «Брисбен»). *Наука и школа*, 4, 11–16.
16. Флоренский, П. (2008). *Имена. Сочинения*. Эксмо.

References

1. Avdeeva, G. A. (2020). Philological allusions and quotations in the novel by A. Varlamov «My Soul Pavel». *Ural'skij filologicheskij vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa*, 29, 228–238. (In Russ.).
2. BRE — Big Russian Encyclopedia. (2004–2017). (2024, April 14). (In Russ.). https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2282129

3. Varlamov, A. N. (2022). *Dusha moi Pavel: a novel of growing up*. AST: E. Shubina's Publishing. (In Russ.).
4. Dobrovolskaya, V. E. (2017). Les vs in Russian magic fairy tale: plot function of loci. In A. I. Smirnova, I. N. Raikova (Eds.). *Semantics of garden and forest in Russian literature and folklore* (pp. 5–18). Collection of scientific articles. MCU. (In Russ.).
5. Nefagina, G. L. (2003). *Russian prose of the late twentieth century. Study guide*. Flinta; Nauka. (In Russ.).
6. Novikova, O. V., & Lapynina, N. N. (2020). Anthroponymic space of the novel by A. Varlamov «My Soul Pavel». *Actual Issues of Modern Philology and Journalism*, 4, 66–76. (In Russ.).
7. Matveeva, I. I., & Krylova, S. V. (2024). The figure of protagonist in modern literature. *Russkaya slovesnost'*, 3, 68–75. (In Russ.).
8. Matevosyan, A. A. (2023). The role of folklore motifs in the novel by A. N. Varlamov «My Soul Pavel». *Science and School*, 3, 26–32. (In Russ.).
9. Meletinsky, E. M. (2005). *The hero of a magic fairy tale. Origin of the image*. Academy of Cultural Research. (In Russ.).
10. Propp, V. Ya. (1976). *Folklore and reality. Selected articles*. Nauka. (In Russ.).
11. Propp, V. Y. (2000). *Historical roots of the magic fairy tale*. Labyrinth. (In Russ.).
12. Skoropanov, I. S. (2001). *Russian Postmodernist Literature: New Philosophy, New Language*. Nevsky Dvor. (In Russ.).
13. *Slavic Mythology. Encyclopedic Dictionary*. (1995). Ellis Luck. (In Russ.).
14. Smirnova, A. I. (2010). *Russian prose of the second half of the twentieth century: vector of development*. MCU. (In Russ.).
15. Soldatkina, Y. V. (2020). Mythologem of water in the contemporary Russian «coming-of-age-novel» (A. G. Arkhangelsky «Check office», A. N. Varlamov «My soul Paul», E. G. Vodolazkin «Brisben»). *Science and School*, 4, 11–16. (In Russ.).
16. Florensky, P. (2008). *Names: Essays*. Eksmo. (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the author

Ирина Ивановна Матвеева — кандидат филологических наук, доцент, доцент департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Irina I. Matveeva — PhD (Philology), Docent, Associate Professor of the Department of Philology at the Institute of Humanities of Moscow City University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interest.

Научная статья

УДК 821.111(73)-312.4.09«19»

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.04

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА СЫЩИКА
В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ДЕТЕКТИВЕ****Киреева Наталия Владимировна**Благовещенский государственный педагогический университет,
Благовещенск, Россия,kireeva@bgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7354-5181>

Аннотация. Статья посвящена исследованию трансформации образа сыщика в произведениях создателей американского постмодернистского романа — Томаса Пинчона и Пола Остера. Актуальность исследования вызвана ростом интереса к жанровой специфике постмодернистской литературы, в которой игра с детективными конвенциями является одним из способов создания новых жанров. Материалом статьи становятся наиболее репрезентативные произведения, которые можно отнести к жанру постмодернистского детектива, — романы калифорнийского цикла Т. Пинчона («Выкрикивается лот 49», «Винляндия», «Внутренний порок») и «Нью-йоркская трилогия» П. Остера. Разработанная автором статьи типология детективного жанра позволяет проанализировать специфику постмодернистского детектива с точки зрения трансформации его базовых конвенций. В центре внимания в данной статье находится выявление особенностей трансформации такой конвенции детектива, как фигура сыщика. Обращаясь к образу сыщика в шести романах Томаса Пинчона и Пола Остера, автор доказывает, что ключевым фактором трансформации становится игра с конвенциями крутого детектива, который в литературе США стал одной из наиболее ярких разновидностей модернистского детектива и позволил сместить акцент с характерной для классического детектива семиотической модели интерпретации мира на герменевтическую, для которой характерно возрастание роли читателя. Опираясь на междисциплинарный подход, автор доказывает, что мастера постмодернистского детектива не только переосмысливают формулы крутого детектива, но и делают акцент на многовариантности моделей познания мира и человека в нем. Представленные в статье результаты позволяют продолжить исследование в выбранном направлении на материале произведений других национальных литератур.

Ключевые слова: американская литература, постмодернизм, жанр, конвенции, детектив, трансформация, Томас Пинчон, Пол Остер.

Для цитирования: Киреева, Н. В. (2024). Трансформация образа сыщика в постмодернистском детективе. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(54), 53–64. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.54.2.04>

Original article

UDC 821.111(73)-312.4.09«19»

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.04

**DETECTIVE'S IMAGE TRANSFORMATION
IN POSTMODERN DETECTIVE NOVELS****Nataliya V. Kireeva**Blagoveshchensk State Pedagogical University,
Blagoveshchensk, Russia,kireeva@bgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7354-5181>

Abstract. The article investigates the transformation of the detective's image in the novels of postmodernist writers Thomas Pynchon and Paul Auster — «The Crying of Lot 49», «Vineland», «Inherent Vice», «The New York Trilogy». The relevance of the work is due to studying the genre features of postmodern literature. One of the ways to create new genres in postmodernism is through playing with the conventions of popular literature genres. There is a convention for the detective genre which is the image of the detective. The author of the article analyzes the image of the detective in six novels by Thomas Pynchon and Paul Auster and proves that the main source of the game is the hardboiled detective formula. The United States literature sees the hardboiled detective became one of the most vivid varieties of the modernist detective novel. The author of the article uses an interdisciplinary approach and proves that postmodernist writers prefer not only to rethink the formulas of the hardboiled detective story. They create a model of postmodern detective novel in which the attention is on the image of the multiverse and on the person searching for their identity. The results of the study provide a basis for analyzing the transformation of the detective's image in the postmodern literature of other countries.

Keywords: American literature, postmodernism, genre, conventions, detective novel, transformation, Thomas Pynchon, Paul Auster.

For citation: Kireeva, N. V. (2024). Detective's image transformation in postmodern detective novels. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(54), 53–64. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.54.2.04>

Введение

Проблема жанровой специфики постмодернистской литературы относится к числу наиболее актуальных, ведь в постмодернизме был заявлен декларативный отказ от категории жанра как способа создания упорядоченной модели мира. Неслучайно теоретики постмодернизма вели речь о вытеснении модернистского жанра постмодернистским текстом (Hassan, 1971). Тем не менее «жанровый подход эффективен применительно и к постмодернистской литературе, хотя требует обновления инструментария и форм работы с этой категорией» (Киреева, 2013, с. 6). Более 30 лет назад Р. Коэн показал, как можно эффективно интерпретировать постмодернистские тексты с помощью

инструментария жанрового подхода (Cohen, 1987). На наш взгляд, продуктивный путь анализа связан с использованием рецептивно-коммуникативного потенциала жанра, с изучением путей развития жанра под влиянием трансформации жанровых конвенций.

По мнению современных ученых, особый интерес писателей-постмодернистов вызывают жанры массовой литературы, в том числе детектива, имеющие заданный набор конвенций и позволяющие включать читателя в особую игру (Renovations and Innovations in Postmodern Writing, 1997). Трансформация конвенций таких жанров дает возможность создавать новые жанровые разновидности постмодернистской литературы, среди которых — постмодернистский детектив.

Проведя анализ подходов к рассмотрению детектива в западном литературоведении (Киреева, 2009) и опираясь на типологию детектива, предложенную М. А. Можейко (Можейко, 2001), мы выделили три ключевые модели детективного жанра в процессе его исторической эволюции: классический, модернистский и постмодернистский детективы. Данная типология позволяет соотнести жанр детектива с универсальной парадигмой развития культуры Нового времени, переданной с помощью триады «реализм – модернизм – постмодернизм» (Jameson, 1990). И каждая новая модель детектива в этой парадигме появляется под влиянием трансформации таких жанрообразующих конвенций, как фигура сыщика, процесс расследования и решение загадки (Herzogenrath, 1999).

Для модели постмодернистского детектива характерно разрушение жанрообразующих конвенций классического детектива и трансформация конвенций модернистского детектива. В постмодернистском детективе происходит смещение акцента с характерной для классического детектива эпистемологической проблематики на онтологическую, а ядром жанра становится актуализация проблем идентичности и поиска героями способов постижения собственной субъективности (Киреева, 2013, с. 185–187).

Ранее мы уже исследовали вопрос о том, как именно велась писателями-постмодернистами работа с формулами классического детектива — на примере романов Т. Пинчона «Выкрикивается лот 49» и П. Остера «Стеклянный город» (Киреева, 2008, с. 210–213; Киреева, 2013, с. 246–252, 301–305).

Но наиболее пристальный интерес создатели постмодернистского детектива в литературе США проявляли к трансформации конвенций такого национального варианта модернистского детектива, как крутой детектив (*hard-boiled detective novel*), который появляется в 1920–1930-е годы в творчестве Р. Чандлера, Д. Хеммета, Р. Макдональда. Особенностью этой жанровой модели является стремление сыщика добиваться справедливости любой ценой, даже нарушая закон и присваивая себе функции вершителя порядка. Это делает главного героя жанра уязвимым в той же мере, что и прочих персонажей, и выводит на первый план новую проблематику: не восстановление порядка и гармонии, как в классическом детективе, а решение вопроса о подлинной нравственности и чести (Cawelty, 1976, p. 142–143).

Методология исследования

Многообразный материал для изучения трансформации конвенций детектива в постмодернистской литературе дает творчество двух крупнейших писателей современной Америки — Томаса Пинчона и Пола Остера, особенно три романа калифорнийского цикла («Выкрикивается лот 49» («The Crying of Lot 49», 1963), «Винляндия» («Vineland», 1990), «Внутренний порок» («Inherent Vice», 2009)) Пинчона и три романа «Нью-йоркской трилогии» («Стеклянный город» («City of Glass», 1985), «Призраки» («Ghosts», 1986), «Запертая комната» («The Locked Room», 1986)) Остера.

С помощью историко-культурного и сравнительно-типологического методов исследования нам удалось восстановить контекст, в котором стали возможны преобразования в системе жанров постмодернистской литературы, а углубленный имманентный анализ текста и метод пристального чтения позволили тщательно проанализировать, как реализовывались жанровые новации в структуре литературного произведения.

В качестве теоретической основы для проведения исследования нами были использованы работы Ф. Джеймисона, И. Хассана, Ж.-Ф. Лиотара, И. Ильина, М. Можейко, посвященные анализу специфики постмодернизма как особого культурного феномена. Методология исследования жанра базировалась на работах Р. Коэна, Э. Хирша, Ж.-М. Шеффера, М. Бахтина, Ю. Тынянова. Специфика жанровых конвенций детектива рассматривалась с опорой на труды Ф. Джеймисона, Дж. Кавелти, У. Стоу, К. Уилкинс, Б. Дрисколл, Л. Флетчер, М. Можейко, А. Лобина, А. Мелихова, А. Зубова, Н. Б. Боевой-Омелечко. Кроме того, мы опирались на результаты исследования творчества Т. Пинчона и П. Остера, представленные в работах Б. Макхейла, Д. Диксона, Д. Хейнса, Б. Херцогенрата, У. Литгла, Л. Менанда, Р. Уилсона, А. Зверева.

Результаты исследования

В романах калифорнийского цикла Пинчона и «Нью-йоркской трилогии» Остера важную роль в создании постмодернистского детектива играет трансформация формул крутого детектива. При этом каждый писатель решает разные художественные задачи.

Так, Пол Остер делает формулы крутого детектива сюжетообразующими, затеявая игру с горизонтом читательских ожиданий. Неслучайно, комментируя свой замысел, автор подчеркивал: «Детективные романы всегда дают ответы, мое произведение задает вопросы» (Auster, 1997, p. 310). Поставив вопросы о специфике бытования и границах жанра в современной литературе, Остер обратился к трансформации такой жанрообразующей конвенции детектива, как образ сыщика. Все три персонажа «Трилогии» берутся за работу сыщика,

выполняют ее с той или иной степенью успеха, но при этом разрушают привычный «горизонт ожиданий» читателя детектива.

Например, герой первого романа Дэниел Квинн — создатель детективной литературы, не имеющий никакого опыта в проведении реальных расследований, поставлен перед необходимостью стать сыщиком. Поначалу он с энтузиазмом берется за эту работу, хотя не имеет «ни ключа к решению задачи, ни плана действий» (Остер, 2005, с. 133). А итогом его деятельности становится утрата связи со своим нанимателем, потеря социального статуса, жилья и даже привычного облика.

Сыщик Синькин из второго романа трилогии — полная противоположность Квинну. У него есть немалый опыт расследования преступлений, но новое дело вызывает у героя растерянность, подобную той, которую испытывал Квинн. А в довершение ко всему, разгадка тайны, найденная Синькиным, оказывается скрытой от читателя.

В третьем романе «Трилогии» функции сыщика берут на себя три героя. В первую очередь это рассказчик, который настойчиво ищет своего друга Феншо и сравнивает этот поиск с работой частного сыщика. Автор показывает, как под влиянием поиска разгадки личность рассказчика начинает меняться, как размывается его идентичность: вскоре перед нами предстает сыщик, готовый взвалить на себя бремя одновременно жертвы и преступника. Запутывая читателя, Остер вводит в роман еще одного героя, частного детектива, отправленного на поиски Феншо. А под конец сам Феншо выступает в роли сыщика.

Путь, который проходят герои трех романов «Нью-йоркской трилогии» в роли сыщиков, совпадает с моделями интерпретации, свойственными классическому (семиотическая модель) и крутому (герменевтическая модель) детективам (Stowe, 1987). Так, герой первого романа поначалу убежден в возможности найти смысл в «непролазной трясине улик и событий» (Остер, 2005, с. 27–28). Впоследствии Квинн начинает сомневаться в возможностях семиотической модели интерпретации, а значит, и в возможностях сыщика с помощью наблюдения и анализа обнаружить истину. Постепенно на первый план выходят формулы крутого детектива, в котором главный акцент сосредоточен на определении нравственной позиции сыщика. Эта переакцентировка проблематики выражена с помощью актуализации сюжетной схемы крутого детектива: в каждом из трех романов герой теряет связи со своим привычным окружением, становится одиночкой, подвергает сомнению формулы успеха — как и в романах создателей крутого детектива Р. Чандлера, Д. Хэммета, Р. Макдональда (Cawelty, 1976, p. 151, 157–160).

Наиболее полно формулы крутого детектива представлены в первом романе трилогии. Герой «Стеклянного города», пишущий детективные романы о Максе Уорке, выбирает созданного своей фантазией книжного персонажа в качестве объекта для подражания. Оптика крутого детектива заставляет Квинна моделировать его собственные этапы расследования в соответствии

с логикой сюжетных формул романов Чандлера и Хэммета: встречи с заказчиками, слежку и получение информации у посторонних людей, наблюдение за домом клиента. И в каждой из этих ситуаций его собственный «горизонт ожиданий» создателя и читателя крутого детектива разрушается.

Тем не менее погружение в роль сыщика изменяет Квинна, герой начинает разделять ценности, определяющие «кодекс чести» персонажей детективов Р. Чандлера и Д. Хэммета: чувство ответственности за людей, ценность нравственного долга, готовность отказаться от участия в жизни общества, запятнанного связью с преступниками. Остер доводит логику характера сыщика из крутого детектива до абсурда: «из создателя детективов, порвавшего почти все связи с миром в начале книги, он превращается в сыщика, утратившего представление о границах своего расследования, погруженного в творчество, ради которого доводит аскетизм своего существования до предела» (Киреева, 2013, с. 308). Подобный путь в роли сыщика проходят и герои двух других романов.

Тем самым мы можем убедиться, что, обращаясь к трансформации ключевого элемента детективного жанра — образа сыщика, — Остер стремится разрушить жанровые ожидания читателя и предлагает ему версию детектива, в котором привычные явления имеют двойное дно и вводят в заблуждение (Little, 1997). И хотя герои «Трилогии» Остера в роли сыщика оказываются малоэффективными, расследование, которое они проводят, помогает им приблизиться к разгадке своей идентичности. По нашему мнению, именно игра с детективными формулами дает писателю возможность ответить на экзистенциальные по своей природе вопросы о сущности и существовании человека.

Если для Остера формулы крутого детектива становятся возможностью «описать драму самопознания, предполагающую открытие другого (других?) в самом себе» (Зверев, 1997, с. 133), то для Пинчона в трех романах калифорнийского цикла на первый план выходит тема иллюзорности реального мира, для интерпретации которого важна творческая активность человека. Эта тема раскрывается в том числе благодаря игре писателя с конвенциями крутого детектива.

Зафиксированная в крутом детективе проблематичность прежнего представления о реальности позволяет, как мы показали ранее, вывести на первый план совершаемый сыщиком нравственный выбор. Неслучайно, по мнению создателей этого жанра, герой крутого детектива — «настоящий человек <...> Лучший из лучших в нашем мире» (Чандлер, 1944).

В первом романе калифорнийского цикла «Выкрикивается лот 49» главная героиня Эдипа Маас занимается расследованием тайн наследства строительного магната Инверэрйти. Как и в произведениях Чандлера и Хэммета, важную роль в развитии сюжета приобретает изображение исторического и политического контекста, а также столкновение Эдипы с представителями различных социальных слоев, каждый из которых в той или иной мере «связан со своеобразным преступлением — преступлением против себя, приводящим

к изменению идентичности персонажа» (McNale, 1987, p. 22). Как и сыщики из крутого детектива, героиня Пинчона начинает понимать, что ее расследование напрямую влияет на судьбы людей: «Мой психоаналитик <...> сошел с ума; мой муж под действием ЛСД <...> все безнадежней уходит от того, что, как верилось мне, может сойти за любовь до гроба <...>; мой лучший проводник в Тристеро покончил с собой» (Пинчон, 2000, с. 166).

Эдипа переживает определенную трансформацию в роли сыщика, под влиянием которой меняется сама сущность героини — в первую очередь ее сознание и представления о мире. Эти изменения помогают Эдипе разглядеть ту реальность, которая все это время была скрыта за фасадом официальной Америки, — «Америку, зашифрованную в завещании Инверэрити» (Пинчон, 2000, с. 195).

Сюжет второго романа калифорнийского цикла «Винляндия», на первый взгляд, с детективными формулами совершенно не связан. Но благодаря введению темы поиска себя, своих пределов и возможностей в сюжетной линии Прерии — дочери кинорежиссера Френези Вратс и музыканта Зойда Коллеса, на страницах «Винляндии» появляются очень напоминающие героев крутого детектива персонажи — бывшая подруга матери Прерии Дэрия Луиз Чистегм и ее партнер Такэси Фумитота.

Представления Прерии о том, какими должны быть действия Такэси, сформированы массовой культурой. Она ожидает, что попадет в «контору частного сыскаря, как в старом кино, убогую и колоритную», а вместо этого оказывается в современном «делово-торговом комплексе небоскребов» (Пинчон, 2014, с. 285). Но противопоставление старого и нового, мира кино и мира реальности лишь усиливает главную характеристику сыщика крутого детектива, которая в полной мере присуща Такэси, — его чувство ответственности за судьбы других людей. Такэси Фумитота и Дэрия Луиз Чистегм берут на себя эту ответственность и помогают Прерии в ее поисках.

Наиболее последовательно формулы крутого детектива обыгрываются в третьем романе калифорнийского цикла, главным героем которого является бывалый сыскарь Лэрри (Док) Спортелло, напоминающий сыщиков Чандлера и Хэммета и их киноверсии в «целлюлозной реальности» голливудского нуара, который перенес формулы крутого детектива из литературы на экран. Сюжет «Внутреннего порока» строится как описание будней частного сыщика: встречи с заказчиками, разговоры со свидетелями, неприятности с полицией, смертельно опасные ситуации. По мнению критиков, сюжет этого романа Пинчона перекликается с перипетиями детектива Чандлера «Глубокий сон» («Big Sleep», 1939) (Menand, 2009). Завязкой детективной истории в романе «Внутренний порок» становится расследование Доком Спортелло дела о похищении строительного магната, что позволяет актуализировать такую особенность крутого детектива, как «стремление обвинить капиталистическую систему» (Haynes, 2014, p. 4).

Ведущим принципом включения детективных формул в структуру «Внутреннего порока» становится метатекстуальность. Как и герою первого романа «Нью-йоркской трилогии» П. Остера, Доку Спортелло хорошо известны законы детективного жанра: «Все эти великие сыщики — Филип Марлоу, Сэм Спейд, штемп штемпованный Джонни Стаккато, всегда умнее и профессиональнее легавых, вечно они распутывают преступление, а лягаши ходят не по тому следу и путаются под ногами» (Пинчон, 2013, с. 137). Но если знание формул жанра Квинном из «Стеклянного города» объясняется его статусом создателя детективной литературы, то во «Внутреннем пороке» средством экспликации этих формул становится индустрия кино.

Примечательно, что сыщик Пинчона отдает симпатии не своим экранным коллегам, а преступнику Фрэнку Чэмберсу из фильма «Почтальон всегда звонит дважды» (1946). Док по многу раз пересматривает фильмы с участием актера Джона Гарфилда, создавшего в нуаре многочисленные образы преступников, и даже мысленно советуется с ним в особенно запутанных случаях. В финальных эпизодах романа сыщик Пинчона надевает костюм, который он купил на распродаже. Этот костюм, который Джон Гарфилд надевал в фильме «Почтальон всегда звонит дважды», «сидел на Доке как влитой» (Пинчон, 2013, с. 476). Так проблематизируется еще одна особенность крутого детектива, формулы которого воплотил нуар: идентичность сыщика, жертвы и преступника начинает размываться и часто оказывается представлена в одном персонаже.

Создавая образ героя-сыщика, Пинчон обыгрывает узнаваемые черты такого героя из романов Чандлера и Хэммета в откровенно пародийном ключе. Во многом этому способствует изображение героя в совершенно ином, чем эпоха 1920–1930-х годов, историческом контексте. В реалиях «психоделических 60-х» бутылку бурбона — неизменный атрибут Филипа Марлоу — заменяет папироса, наполненная марихуаной, с которой Док Спортелло ведет свои расследования. Оправдывая свою увлеченность наркотиками, герой опирается на авторитет знаменитого сыщика из рассказов Конан Дойла, который «на кокаине все время сидел» (Пинчон, 2013, с. 136). Еще один штамп в изображении сыщика, над которым иронизирует Пинчон, — «нюх как у собаки». Док проверяет верность своих догадок по реакции носа: «потекло из носа — верный признак, он тут что-то нарыл» (Пинчон, 2013, с. 81). Откровенно пародийным выглядит и эпизод слезки за женой клиента, когда Док, взявший на задание марихуану, выкуривает сигарету, засыпает прямо на крыше и пропускает все важные события, в которых должен был принять участие. Не соответствуют образу жесткого, бескомпромиссного сыщика и такие черты Дока, как беспечность, доброта и сентиментальность.

Тем не менее пародируемый, но восстанавливаемый в своих правах сыщик Пинчона, в соответствии с законом жанра, возвращает гармонию в мир хаоса и распутывает все хитроумные узлы сюжета: похищенный магнат

Майкл Волкманн найден; бывшая возлюбленная Дока Шаста Фей снова поселилась в Гордита-Бич; музыканту Дику Харлингену удалось вернуться в семью; секретарша из соседней конторы светится от счастья, узнав о своей беременности; а дома героя ожидает чек на 10 000 долларов за выигранное пари.

И все-таки финальный эпизод постмодернистского детектива Пинчона оставляет в сознании читателя «блескучую мозаику сомнения» (Пинчон, 2013, с. 486). Роман завершается символической сценой возвращения Дока домой по дороге, оказавшейся в пелене тумана, с надеждой, что «в какой-то точке, у бульвара Хоторн или Артезия, он туман с себя сбросит» (Пинчон, 2013, с. 509).

Пинчон, обращаясь в трех романах калифорнийского цикла к образу сыщика и формулам крутого детектива, словно бы помогает читателям «выбраться из тумана». Финал каждой из трех книг, по сути, должен быть «дописан» читателем. Тем самым, несмотря на кажущуюся простоту восприятия событий, которую обеспечивают формулы детектива, привычный ход вещей ставится под сомнение, а реальность представляется пространством бесконечных вариантов развития.

Заключение

Подводя итоги исследования, необходимо отметить, что при проведении анализа жанров постмодернистской литературы продуктивно использовать рецептивно-коммуникативный аспект жанра и изучать трансформацию жанровых конвенций.

Для жанра детектива одной из ключевых конвенций выступает фигура сыщика. Именно поэтому, исследуя постмодернистский детектив, целесообразно анализировать эту жанрообразующую конвенцию. Обратившись к образу сыщика в шести романах Томаса Пинчона и Пола Остера, мы смогли убедиться, что для создания подобного персонажа писатели используют игру с формулами крутого детектива, который в литературе США стал одной из наиболее ярких разновидностей данного жанра и позволил сместить акцент с характерной для классического детектива семиотической модели интерпретации мира на герменевтическую, для которой свойственно возрастание роли читателя. Кроме того, включение формул крутого детектива в ткань постмодернистского романа помогает Пинчону и Остеру заострить вопрос о постижении героями-сыщиками границ собственной субъектности и решении ими проблемы нравственного выбора.

По нашему мнению, проанализированные романы занимают важное место в эволюции жанра постмодернистского детектива. Благодаря трансформации фигуры сыщика в этих произведениях происходит своего рода воспитание читателя, который готов воспринимать реальность, несводимую к одному-единственному варианту толкования и открытую к новым прочтениям.

Таким образом, проведенное исследование позволяет убедиться в том, что мастера американского постмодернистского детектива не только переосмысливают и трансформируют конвенции детективного жанра, но и идут дальше, делая акцент на многовариантности моделей познания мира и человека в нем. Представленные в статье результаты дают возможность продолжить исследование в выбранном направлении на материале произведений других национальных литератур.

Список источников

1. Боева-Омелечко, Н. Б. (2023). Жанр детектива как особый способ концептуализации действительности. *Когнитивные исследования языка*, 1(52), 466–473.
2. Зверев, А. (1997). «Существует быть». *Иностранная литература*, 6, 202–204.
3. Зубов, А. А. (2022). Формулы популярной литературы в кросс-культурном контексте: проблемные аспекты теории Дж. Г. Кавелти. *Labyrinth: теории и практики культуры*, 4, 19–28.
4. Киреева, Н. В. (2013). Постмодернистская литература США: особенности жанровой поэтики. Издательство БГПУ.
5. Киреева, Н. В. (2009). Приключения детектива: массовый жанр в зеркале западного литературоведения 2-й половины XX в. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*, 11(4–1), 200–204.
6. Киреева, Н. В. (2008). Роман Т. Пинчона «Выкрикивается сорок девятый лот»: особенности жанрового эксперимента в постмодернистском тексте. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 10(34), 209–213.
7. Лобин, А. М. (2022). Эволюция образа главного героя в цикле романов Б. Акунина «Приключения Эраста Фандорина». *Филологический класс*, 27(1), 154–165.
8. Мелихов, А. Г. (2021). Реконтекстуализация детектива: трансформация образа Э. Пуаро в романе С. Ханна «Убийства под монограммой». *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 14(5), 1430–1434.
9. Можейко, М. А. (2001). Детектив. *Постмодернизм* (с. 313–316). Энциклопедия. Интерпресссервис; Книжный дом.
10. Остер, П. (2005). *Нью-йоркская трилогия*. Эксмо; Домино.
11. Пинчон, Т. (2014). *Винляндия*. Эксмо.
12. Пинчон, Т. (2013). *Внутренний порок*. Эксмо.
13. Пинчон, Т. (2000). *Выкрикивается лот 49*. Симпозиум.
14. Чандлер, Р. (1944) *Простое искусство убивать*. (2024, 2 марта). <http://samlib.ru/d/detektiwklub/chandler.shtml>
15. Auster, P. (1997). *The Art of Hanger: Essays, Prefaces, Interviews and The Red Notebook*. Penguin books.
16. Cawelty, J. G. (1976). *Adventure, Mystery and Romance: Formula Stories as Art and Popular Culture*. The University of Chicago Press.
17. Cohen, R. (1987). Do Postmodern Genres Exist? *Genre: Forms of Discourse and Culture*, 20, 241–257.
18. Dickson, D. (2003). Pynchon's Vineland and «That Fundamental Agreement in What is Good and Proper»: What Happens When We Need to Change it? *American*

Postmodernity: Essays on the Recent Fiction of Thomas Pynchon. Ian D. Copestake (Ed.). Peter Lang AG, European Academic Publishers.

19. Hassan, I. (1971). *The Dismemberment of Orpheus: Toward a Postmodern Literature*. University of Wisconsin Press.
20. Haynes, D. (2014). Under the Beach, the Paving-Stones! The Fate of Fordism in Pynchon's *Inherent Vice*. *Critique: Studies in Contemporary Fiction*, 55(1), 1–16.
21. Herzogenrath, B. (1999). *An Art of Desire. Reading Paul Auster*. Rodopi.
22. Jameson, F. (1990). The Existence of Italy. *Signatures of the Visible*. Routledge.
23. Little, W. G. (1997). Nothing to Go On: Paul Auster's City of Glass. *Contemporary Literature*, 38(1), 133–163.
24. McHale, B. (1987). *Postmodernist fiction*. Routledge.
25. Menand, L. (2009). Soft-Boiled Pynchon's stoned detective. *The New Yorker*, July 27. (2024, 10 февраля). <https://www.newyorker.com/magazine/2009/08/03/soft-boiled>
26. Renovations and Innovations in Postmodern Writing. (1997). *International Postmodernism: Theory and Literary Practice*. Ed. by H. Bertens, D. Fokkema. John Benjamins Publishing Company.
27. Stowe, W. W. (1983). From Semiotics to Hermeneutics: Modes of Detection in Doyle and Chandler. *The Poetics of Murder: Detective Fiction and Literary Theory*. Ed. by Glenn W. Most and William W. Stowe. Harcourt Brace Jovanovich.
28. Wilkins, K., Driscoll, B., & Fletcher, L. (2022). *Genre Worlds: Popular Fiction and Twenty-First-Century Book Culture*. University of Massachusetts Press.
29. Wilson, R. (2010). On the Pacific Edge of Catastrophe, or Redemption: California Dreaming in Thomas Pynchon's *Inherent Vice*. *Boundary*, 2, 217–225.

References

1. Boeva-Omelechko, N. B. (2023). The detective genre as a special way of conceptualizing reality. *Cognitive Studies of Language*, 1(52), 466–473. (In Russ.).
2. Zverev, A. (1997). «There one can be». *Inostrannaya literatura*, 6, 202–204. (In Russ.).
3. Zubov, A. A. (2022). Formulas of popular fiction in the cross-cultural context: problematic aspects of J. G. Cawelti's theory. *Labyrinth: teorii i praktiki kul'tury*, 4, 19–28. (In Russ.).
4. Kireeva, N. V. (2013). *Postmodernism literature of the USA: genre poetics features*. Izdatel'stvo BGPU. (In Russ.).
5. Kireeva, N. V. (2009). The adventures of the detective story: the popular genre in the mirror of the contemporary literary criticism. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 11(4–1), 200–204. (In Russ.).
6. Kireeva, N. V. (2008). T. Pynchon's novel «The crying of lot 49»: genre experiment features in postmodernistic texts. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 10(34), 209–213. (In Russ.).
7. Lobin, A. M. (2022). Evolution of the image of the main character in B. Akunin's Fandorin cycle. *Philological class*, 27(1), 154–165. (In Russ.).
8. Melikhov, A. G. (2021). Recontextualisation of the detective: transforming H. Poirot's image in S. Hannah's Novel «The Monogram murders». *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 14(5), 1430–1434. (In Russ.).
9. Mozhejko, M. A. (2001). Detective. *Postmodernism* (pp. 313–316). Encyclopedia. Interpressservis; Knizhnyj dom. (In Russ.).
10. Oster, II. (2005). *The New York Trilogy*. Eksmo; Domino. (In Russ.).

11. Pynchon, T. (2014). *Vineland*. Eksmo. (In Russ.).
12. Pynchon, T. (2013). *Inherent vice*. Eksmo. (In Russ.).
13. Pynchon, T. (2000). *Crying the lot 49*. Simpozium. (In Russ.).
14. Chandler, R. (1944). *The simple art of killing*. (2024, 2 марта). (In Russ.). <http://samlib.ru/d/detektiwklub/chandler.shtml>
15. Auster, P. (1997). *The Art of Hanger: Essays, Prefaces, Interviews and The Red Notebook*. Penguin books.
16. Cohen, R. (1987). Do Postmodern Genres Exist? *Genre: Forms of Discourse and Culture*, 20, 241–257.
17. Dickson, D. (2003). Pynchon's *Vineland* and «That Fundamental Agreement in What is Good and Proper»: What Happens When We Need to Change it? *American Postmodernity: Essays on the Recent Fiction of Thomas Pynchon*. Ian D. Copestake (Ed.). Peter Lang AG, European Academic Publishers.
18. Hassan, I. (1971). *The Dismemberment of Orpheus: Toward a Postmodern Literature*. University of Wisconsin Press.
19. Haynes, D. (2014). Under the Beach, the Paving-Stones! The Fate of Fordism in Pynchon's *Inherent Vice*. *Critique: Studies in Contemporary Fiction*, 55(1), 1–16.
20. Herzogenrath, B. (1999). *An Art of Desire. Reading Paul Auster*. Rodopi.
21. Jameson, F. (1990). The Existence of Italy. *Signatures of the Visible*. Routledge.
22. Little, W. G. (1997). Nothing to Go On: Paul Auster's City of Glass. *Contemporary Literature*, 38(1), 133–163.
23. McHale, B. (1987). *Postmodernist fiction*. Routledge.
24. Menand, L. (2009). Soft-Boiled Pynchon's stoned detective. *The New Yorker*, July 27. (2024, February 10). <https://www.newyorker.com/magazine/2009/08/03/soft-boiled>
25. Renovations and Innovations in Postmodern Writing (1997). *International Postmodernism: Theory and Literary Practice*. Ed. by H. Bertens, D. Fokkema. John Benjamins Publishing Company.
26. Stowe, W. W. (1983). From Semiotics to Hermeneutics: Modes of Detection in Doyle and Chandler. *The Poetics of Murder: Detective Fiction and Literary Theory*. Ed. by Glenn W. Most and William W. Stowe. Harcourt Brace Jovanivish.
27. Wilkins, K., Driscoll, B., & Fletcher, L. (2022). *Genre Worlds: Popular Fiction and Twenty-First-Century Book Culture*. University of Massachusetts Press.
28. Wilson, R. (2010). On the Pacific Edge of Catastrophe, or Redemption: California Dreaming in Thomas Pynchon's *Inherent Vice*. *Boundary*, 2, 217–225.

Информация об авторе / Information about the author

Наталья Владимировна Киреева — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Благовещенского государственного педагогического университета.

Nataliya V. Kireeva — D. Sc. (Philology), Docent, Professor of the Department of Russian Language and Literature of Blagoveshchensk State Pedagogical University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 811.133.1'04'272

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.05

«MENAGIANA» В КОНТЕКСТЕ ДЕБАТОВ О ЯЗЫКЕ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ XVII ВЕКА

Голубков Андрей Васильевич

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия,

andreygolubkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7069-1033>

Аннотация. Статья посвящена анализу книги «Menagiana» (1693) в контексте дебатов о статусе языка и источника его нормы во французской научной и светской культуре XVII века. Книга, которая стала своеобразным подношением скончавшемуся в 1692 году французскому филологу Ж. Менажу со стороны группы почитателей и посетителей его салона, значительно отличается от книг, созданных в жанровых границах апа, которые появились в течение XVII века: в ней на смену педанту пришел образ светского эрудита. Статья направлена на раскрытие причин такой трансформации, которая связывается с изменением статуса языка и общей государственной культурной политикой, инициированной кардиналом Ришелье и нашедшей воплощение в трудах Ж. Л. Геза де Бальзака, К. Ф. де Вожла и Д. Буура. Актуальность исследования обусловлена необходимостью ввести в отечественный научный обиход малоизвестный литературный памятник, а также уточнить степень влияния лингвистических дебатов на литературу. Особенностью предложенного в статье подхода, опирающегося на методологию исторической поэтики, оказывается исследование «Menagiana» в контексте жанровой динамики апа на фоне значимых изменений, происходивших в восприятии языка в эпоху «Великого века». В процессе анализа устанавливается, что «Menagiana» порывает с традициями научных апа («Scaligerana», «Thuana», «Perroniana» и др.), причины такого разрыва усматриваются в изменении статуса языка: именно королевский двор и светская культура, а не сообщество эрудитов оказываются источником

© Голубков А. В., 2024

языковой нормы. Представленные в настоящей статье результаты позволяют в значительной степени скорректировать представления о «Menagiana», а также о стратегиях утверждения светских лингвистических идеалов во французской культуре.

Ключевые слова: французская литература XVII века, французский язык, Ж. Менаж, «Menagiana», Ж. Л. Гез де Бальзак, К. Ф. де Вожла, Д. Буур.

Для цитирования: Голубков, А. В. (2024). «Menagiana» в контексте дебатов о языке во французской интеллектуальной культуре XVII века. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(54), 65–75. <https://doi.org/0.25688/2076-913X.2024.54.2.05>

Original article

UDC 811.133.1'04'272

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.05

«MENAGIANA» IN THE CONTEXT OF DEBATES ON LANGUAGE WITHIN THE XVIIth CENTURY FRENCH INTELLECTUAL CULTURE

Andrey V. Golubkov

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,

andreygolubkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7069-1033>

Abstract. The article analyzes the book «Menagiana» (1693) in the context of the debate about the status of language and the source of its norm in the XVIIth century French academic and salon culture. «Menagiana» became a kind of tribute («l'hommage») to the French philologist Gilles Ménage (died in 1692) made by a group of admirers and visitors of his salon. This book differs significantly from others ana, which appeared during the XVIIth century: the witty man replaced the image of pedant. The article deals with the reasons for this transformation, which is associated with the status of the language and state cultural politics initiated by Cardinal Richelieu embodied in the works by Jean-Louis Guez de Balzac, Claude Favre de Vaugelas, Dominique Bouhours. The relevance of this study is due to the need to introduce a little-known literary work into scientific use, as well as to clarify how linguistic debates contribute to literary heritage. There is a special feature of the approach revealed in the article which relies on the methodology of historical poetics that is the study of «Menagiana» in the context of genre dynamics of ana against the background of significant changes typical XVIIth century language perception. «Menagiana» breaks with the traditions of scientific ana («Scaligerana», «Thuana», «Perroniana», etc.) and the reason for this gap is the new status of the language: now the source of the linguistic norm are both the royal court and salon culture but not the scholarly community. The results presented in the article contribute to the correct interpretation of both «Menagiana» and the strategies for asserting «high life» linguistic ideals in French culture.

Keywords: XVIIth Century French Literature, French, Gilles Ménage, «Menagiana», Jean-Louis Guez de Balzac, Claude Favre de Vaugelas, Dominique Bouhours.

For citation: Golubkov, A. V. (2024). «Menagiana» in the context of debates on language within the XVIIIth century French intellectual culture. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(54), 65–75. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.54.2.05>

Настоящая статья посвящена осмыслению книги «Menagiana» (1693) в фокусе дебатов о языке во французской культуре XVII века. Актуальность настоящего подхода определяется, во-первых, недостаточной изученностью «Menagiana» и в целом традиции книг ана, получивших распространение в западноевропейском интеллектуальном пространстве XVII века, а также, во-вторых, почти полным отсутствием исследований, связанных с влиянием дебатов о статусе французского языка на жанровую динамику ана, в истории которой «Menagiana» имеет важное значение. Пристальный научный интерес в последние два десятилетия к ана (включая «Menagiana») вызван, безусловно, обстоятельным исследованием Ф. Вильда (Wild, 2001), недавно переизданным (Wild, 2022): французские ана XVII века фактически впервые введены в нем в международное исследовательское поле. Монография К. Абивен (Abiven, 2015), а также ее статьи в значительной степени сконцентрированы на анализе ана в контексте становления жанра анекдота. Особенностью нашего подхода, опирающегося на методологию исторической поэтики, оказывается исследование жанровой динамики ана на фоне значимых изменений, происходивших в восприятии языка в эпоху «Великого века», в связи с чем настоящая статья оказывается продолжением нашего исследования «Scaligerana» (Golubkov, 2022). Представленные в ней результаты позволят в значительной степени скорректировать мнения о «Menagiana», а также о стратегиях утверждения светских лингвистических идеалов во французской культуре.

Жиль Менаж (1613–1692), известный французский поэт, филолог и завсегда́тай салонов, в середине XVII века посещал самые известные ассамблеи, в том числе салон г-жи де Рамбуйе (с 1640 года он был близок к герцогу де Монтозье, зятю госпожи де Рамбуйе) и Кабинет братьев Дюпюи (до 1640); кроме этого, в разные годы состоял в окружении Г. Гроция, кардинала де Реца, Ж. Шаплена, П. Пелиссона, служившего культурным советником суперинтенданта Н. Фуке, госпожи де Скюдери, маркизы де Севинье, а также госпожи де Лафайет, ставшей его самой известной воспитанницей. Менаж снискал славу блестящего эрудита, писавшего стихотворения на четырех языках — помимо французского, на итальянском, латыни и древнегреческом; широкую известность получили его разыскания по этимологии («Этимологический словарь», «Происхождение итальянского языка» и др.). В 1652 году в своем парижском особняке он учредил ассамблею, собиравшуюся изначально только по средам (день недели определил название — «Меркуриалы»), на которой обыкновенно присутствовало два или три десятка интеллектуалов. Менаж стал лидером этого небольшого научного сообщества, конкурировавшего как с Французской

академией (созданной по указу кардинала Ришелье в 1635 году), так и со знаменитыми женскими салонами в значительной степени вынужденно: после несчастного случая, обстоятельства которого остаются до конца невыясненными, он повредил бедро и утратил способность передвигаться самостоятельно. В течение четырех десятилетий кружок Менажа был неотъемлемой частью культурного ландшафта Парижа. После смерти ученого (23 июля 1692 года) заведомо «Меркуриалов» решили в память о своем «князе» (так часто обозначался глава небольшой статусной группы в то время) собрать и предать широкой огласке реплики, остроты, разговоры, которым они стали свидетелями.

Книга «Menagiana», ставшая посмертным подношением писателю, вышла в свет в мае 1693 года. В процессе создания рукописи принимали участие как минимум 10 редакторов из круга «Меркуриалов» (у каждого из них в тексте первого издания сохранялась личная марка), однако ведущая роль принадлежала ориенталисту А. Галлану (1646–1715; известен не только научными трудами, но и знаменитым переводом сказок «1001 ночи», изданным в 1704 году), который также выступил в качестве автора предисловия. В этом предисловии Галлан отмечал, что «Менаж держал свой дом открытым каждый день» (Menagiana, 1693, без пагинации): с 1684 года заседания стали, очевидно, ежедневными. В связи с этим в самой книге приводится и реплика самого Менажа: «После несчастного случая, что приключился со мной, я оказался приговорен к заключению на все оставшиеся мне дни. Так как всем стало известно, что я не могу выходить, то парижский свет стал собираться у меня в любой час, так наши Меркуриалы стали ежедневными» (Menagiana, 1693, p. 472).

«Menagiana» предстает коллективным произведением научного сообщества, которое признает своего лидера в качестве авторитета, прежде всего в языковых вопросах. В тексте скрупулезно зафиксированы слова Менажа, причем иногда они повторяются несколько раз с примечательными ремарками вроде такой: «когда он повторял, то делал это применительно к новым обстоятельствам, доставляя удовольствие тем, кто приходил его слушать» (Menagiana, 1693, p. 472). Безусловно, можно говорить о «перформативном» характере текста, выражающемся в не столько научном, сколько светском стремлении не только зафиксировать информацию, но и обозначить ситуацию, в которой тот был актуализирован. Редакторы книги предпочли остаться за рамками своего произведения, чтобы как можно ярче выделить личность Менажа: их собственные рассуждения в тексте крайне редки и очень коротки; суждения самого писателя представлены всегда с особой тщательностью и преимущественно от первого лица. Посредством ремарок Менажа становятся известны мнения его собеседников. Текст оказывается соединением отрывков его обращений, брошенных замечаний, предназначенных гостям: Менаж как будто ведет диалог, обращаясь к тем, кто пришел к нему в гости. Редакторы пытаются сохранить личный тон Менажа, его индивидуальный стиль и желание сконцентрировать весь смысл высказывания в одной фразе, демонстрирующее вполне светское стремление к афоризму.

Расширенное издание «Menagiana», анонсированное в предуведомлении Галлана, появилось уже в 1694 году: в первом томе были более четко структурированы разделы, включен ряд добавлений, почти весь 2-й том содержал новый для читающей публики материал. Для второго издания характерна значительная анонимизация редакторов текста, упразднение их «марок»; Галлан (основную редакторскую работу проделал именно он) скорректировал разговорный стиль ряда замечаний, смягчил ряд смелых выпадов в отношении упоминаемых лиц. Для удобства пользования текстом он сгруппировал статьи вокруг ключевых сюжетов, превратив произведение в своего рода учебник светского красноречия. Образ эрудита создается по матрицам благовоспитанного человека (*honnête homme*), который должен прежде всего нравиться своему собеседнику: редактору важна не столько личность усопшего Менажа и его точка зрения, на первый план выходит именно светский стиль подачи информации. В итоге автор пропадает за остротой, которая становится автономной и самоценной. Эта тенденция закрепилась в третьем издании «Menagiana», напечатанном в 1715 году и включившем 4 тома; его редактором стал Б. де Лемоннуа, сообщающий в предисловии, что «Menagiana» представлена публике в наиболее корректном виде. Предназначая публикуемый текст для провинциальных светских организаций, Лемоннуа окончательно превращает «Menagiana» в учебник светского красноречия, утилитарный характер которого подчеркивается алфавитным расположением статей. Имя Менажа остается лишь знаком соответствия афоризмов и рассуждений, которые достойны произносить завсегда и провинциальных светских салонов.

В первом изводе «Menagiana» личность исторического Менажа со свойственной ему запальчивостью и научным педантизмом представлена наиболее правдиво и еще близка той стратегии научных апа, что появились к моменту ее издания: «Prima Scaligerana» и «Secunda Scaligerana» (созданы в последней четверти XVI – первом десятилетии XVII века), в которых были собраны высказывания Иосифа Юстуса Скалигера (1540–1609), «Thuana» и «Perroniana» (созданы к 1620 году), где зафиксированы научные рассуждения и остроты Ж. О. де Ту (1553–1617) и кардинала Ж. Д. Дюперрона (1556–1618). Указанные тексты были изданы в 1660-х годах (при этом были созданы ранее и хранились в рукописной форме в библиотеках интеллектуалов, в том числе у братьев Дюпюи, в кабинет которых сам Менаж имел доступ). Ранние апа оказываются сконцентрированы на сугубо филологических темах (прояснение этимологии, сложных языковых вопросов), которые преимущественно могли интересовать лишь специалистов. Менаж предстает в первом издании уже как глава светской группы, члены которой после смерти своего лидера создают о нем текст, воплощающий в себе своего рода разделяемое всеми знание, скрепляющее объединение. Публикацию «Menagiana» следует рассматривать как попытку социальной группы заявить о себе, легализовать и социализировать как саму организацию, так и разделяемые ее членами ценности; текст написан

в качестве манифеста этого объединения, декларации о совместно признаваемых ценностях и нормах, а также о лидере-медиаторе, следящем за их соблюдением и за когнитивным соответствием входящих в ассамблею членов. В основе такого общего, хранимого большинством знания был французский язык, а идеалом — умение хорошо и к месту говорить, в силу чего «Menagiana» всегда повествует не о делающем, а о говорящем человеке. Вокруг Менажа дискутируют об этимологиях, просто судачат, обмениваются разнообразными новостями и рассказывают друг другу новеллы и занимательные случаи, цитируют, читают.

Тем не менее бросается в глаза вопиющая разница в трактовке филологических вопросов по сравнению с ранними ана: «Menagiana» оказывается светской ана, а сам Менаж предстает интеллектуалом, который обладает возможностью светской упаковки знания. Менаж, обосновывая свое отношение к французскому языку, отмечает: «Я не нахожу, что со времен Бальзака и Вожла наш язык ушел далеко вперед. Они оба закрепили его своими сочинениями, и никто с тех пор не отличился в нашем языке. Те, кто пришел после них, только приводят язык в возмущение, как я показал в моих замечаниях» (Menagiana, 1693, p. 134).

Обращение к опыту Ж. Л. Геза де Бальзака (1597–1654) и К. Ф. де Вожла (1585–1650) оказывается в высшей степени значимым. Менаж ориентируется именно на их труды, благодаря которым, собственно, и мог возникнуть тип «светского пуриста», который отличается не столько педантизмом, сколько остроумием. Бальзак в своих письмах, созданных в 1620–1640 годах, противопоставляет себя именно педантам и отстаивает принцип *urbanité* — литературы, открытой городу, общественной жизни, построенной на вежливости и учтивости. Показательно его письмо к кардиналу Ришелье (который во многом, очевидно, и инициировал антипедантскую критику, сделав ставку на короля и двор как культурного центра) от 4 августа 1630 года, в котором он объясняет задачи писателей своего круга и обосновывает глобальный проект: «Замысел заключается в том, чтобы сделать удовольствие полезным, спрятать лакомство среди изобилия, и сражаться оружием не только хорошим и сильным, но еще красивым и сияющим. Постараемся цивилизовать учение (*civiliser la doctrine*), изъяв его из Школы и вырвав из рук педантов, которые, орудуя им, портят и пачкают его; они, так сказать, развратники и прелюбодеи, они злоупотребляют на виду у всех вещью такой прекрасной и великолепной» (Balzac, 1834, p. 191). Не менее интересна критика кабинетных ученых, которая оказывается довольно суровой в «Речи, обращенной к госпоже де Рамбуйе» (изд. в 1644 году) Бальзака, а также в его трактатах «Старик» (1648), «Христианский Сократ» (1658) и др.

Бальзак, будучи в значительной степени проводником воли Ришелье, фактически наметил перспективы антипедантской критики, которая стала общим местом в дискурсивных практиках света: кабинетный ученый становится целью сатирической литературы, свидетельством чему оказывается образ

Гортензиуса в плутовском романе «Правдивое комическое жизнеописание Франсиона» Ш. Сореля (1623, перераб. изд. 1626). Образ отшельника, не сумевшего адаптировать свое учение к потребностям общественной жизни, оказывается противопоставлен как раз светскому человеку, для которого характерна легкость, естественность, элегантная небрежность, умение понравиться окружению своей социальной активностью, прежде всего беседой, но не настойчивость в доказательстве истины и стремление продемонстрировать превосходство над своим слушателем (читателем).

В том же, 1630 году, когда Бальзак писал Ришелье о необходимости «цивилизовать учение», его друг Н. Фаре выступил с трактатом «Достойный человек, или Искусство понравиться при дворе», в котором, отталкиваясь от традиций Б. Кастильоне с постулированным принципом *sprezzatura*, описал идеал поведения аристократов, основанный на конформизме и стремлении понравиться окружающей публике: «Они приучили свои вкусы не отвергать то, что им неприятно. И поскольку им известно бесконечное разнообразие форм, которые способен принимать человеческий разум, нет таких нелепых или противных им мнений, которые бы их задевали; равно как нет и таких, которые казались им достаточно разумными, достойными того, чтобы ими увлечься и упрямо поддерживать» (Неклюдова, 2008, с. 55). Фаре, а впоследствии другой теоретик светского обхождения А. Гомбо (шевалье де Мере) будут обличать тех, кто не способен так затронуть в разговоре тему, чтобы не сказать все, что им известно. В отличие от педанта, достойный человек, как скажет позднее в одной из своих максим Ф. де Ларошфуко, не должен «ни на что претендовать» (Ларошфуко, 2011, с. 54). Бальзак и Фаре, разрабатывая идеал достойного человека, избирают в качестве мишени доктрину — гуманистическую культуру, представляющую как раз изводом варварства, которое нужно цивилизовать.

Лингвистические взгляды Вожла получили воплощение в «Замечаниях о французском языке» (1647), где избрана роль не педанта, но светского «достойного человека», который размышляет о том, как правильно и красиво употребить слово, при этом источником нормы служит не кабинет ученого, а светский двор. Вожла утверждает, что образец правильной речи можно найти не в кабинете ученого, а при дворе: «двор действительно является чем-то наподобие хранилища, из которого наш язык извлекает множество прекрасных выражений для изъяснения наших мыслей, и красноречие священников и адвокатов не имело бы необходимых ему изящных оборотов, если бы не заимствовало их почти все у двора» (*Écrire au XVIIe siècle*, 1992, p. 79–80).

Современному читателю, привыкшему к словарям и энциклопедиям, содержащим лингвистическую норму, трудно представить себе саму необходимость такого текста, как «Menagiana», в качестве пособия по языку, ибо его авторитет, по нашим представлениям, всегда будет ниже труда академии или той институции, которая, собственно, и утверждает норму. Авторитет созданной по указу Ришелье Французской академии (1635) был долгое время невысок,

при этом сама академия возникла на основе одной из статусных групп, вроде той, что сложилась вокруг Менажа, в условиях отсутствия центрального органа, устанавливающего языковую норму (словарь Академии появился только в 1694 году), «Menagiana» выполняла функцию словаря для тех, кто ценил авторитет Менажа как знатока французского языка. Сообщество в связи с этим неизбежно определялось как языковое, его члены соотносили себя с корпорацией в том числе из-за того, разделяли культивируемую лингвистическую норму. Примерами дискуссий могут служить следующая реплика: «Я как-то в одном из моих сочинений написал *vingt et un cheval*. Так говорить не разрешено Французской академией, и те, кто будут против меня, будут твердить *vingt et un chevaux*. Надо подчиняться традиции, но в этом случае следует использовать множественное число вместо единственного. Вот одна из странностей нашего языка» (Menagiana, 1693, p. 30).

Исправление ошибок говорящего в условиях отсутствия нормы не было сопряжено с унижением последнего, но становилось способом проверки лояльности собеседника по отношению к тем правилам, которые применяются в группе, механизмами «интеллектуальной притирки»: когнитивное соответствие реализовывалось во время «Меркуриалов» Менажа в большей степени как единообразие лингвистическое. Разговор играл роль критерия интеллектуальной состоятельности, а язык становился маркером принадлежности к сообществу, основными группообразующими факторами «Меркуриалов» были не столько политические, литературные или философские идеи, сколько механизмы их языкового оформления и направление рефлексии по поводу этих механизмов. Существенная часть рассказанных историй посвящена описанию смешного положения из-за неправильного употребления языка, и, наоборот, возвышению человека, накоплению символического капитала при построении высказывания в рамках нормы.

Рассуждение о периоде или правильности употребления слова не становится исключительно книжным знанием, но способствует укреплению авторитета лидера объединения, давая ему возможность расширить свое влияние, представить себя в качестве хранителя нормы, составить себе символический капитал. Язык оказывается способом социальной стратификации и условием формирования объединения: статусные сообщества говорили, по сути, на разных диалектах, а роль контролера и координатора лингвосоответствия доставалась тому, кто мог убедить всех в своем знании языка и в том, что разработанная им норма должна быть всеобщей. Остроты на самые разные, подчас весьма фривольные темы оказываются достойными быть произнесенными на Меркуриалах и, следовательно, быть зафиксированными в «Menagiana» только после тщательного контроля качества работы над словом, т. е. из-за формальной изысканности. Обращает на себя внимание совершенно антипедантский фокус остроты, в которой фигурируют сочинения Ж. Кужа (Куяций, 1522–1590), французского филолога и юриста, одного из блестящих правоведов-гуманистов: «У господина Куяция

была премиленькая дочка, необыкновенная кокетка, совершенно без ненависти к мужчинам. Одному лишь Богу известно, с каким удовольствием ученики прогуливали уроки отца, дабы пойти приласкать дочь. Они называли это комментарием труда Куяция» (Menagiana, 1694, p. 66).

«Menagiana» показывает нам примеры общения между членами группы и лидером, а также общение лидера с медиаторами конкурирующих сообществ, в частности с Ж. Шапленом (1595–1674) и Д. Бууром (1628–1702), с которыми Менаж находился в продолжительных ссорах. Причина разрыва с Шапленом — несоответствие последнего светскому идеалу; Менаж фактически выносит ему приговор как педанту, который «не заботился о других в разговоре и целиком заполнял его самим собой» (Menagiana, 1693, p. 471), при этом сам Менаж подчеркивал свою светскость: «Мы долго были друзьями, поводом для нашей ссоры стал поступок господина Шаплена, который с искренней радостью разорвал со мной все отношения и определил меня среди своих недругов. С моей же стороны, я выражал только уважение и соблюдал правила хорошего тона при наших встречах, а также высказывал похвалу при каждом представлявшемся случае» (Menagiana, 1694, p. 44).

Ссора Менажа с Бууром (1672–1676) тем не менее оказывается следствием восприятия «князя Меркуриалов» как педанта со стороны Буура, выступавшего защитником французского языка и критиковавшего Менажа за его излишнюю увлеченность латинским языком и частое использование латинизмов: «Я не удивляюсь тому, что только латинская фраза будет радовать г-на Менажа: он с удовольствием всегда говорит латынь по-французски из-за своей любви к этому языку» (Vouhours, 1675, p. 516).

Наследник Вожла, Буур выступил теоретиком французского языка и стиля, основанного на чистоте, рациональной понятности, здравом смысле, который отличает его от прочих языков; эти качества происходят, по мысли Буура, именно из-за говорящего стремления понравиться говорящему: «Для того, чтобы нравиться <...>, вовсе не следует иметь чрезмерное желание нравиться, а чтобы хорошо говорить по-французски, вовсе не следует хотеть слишком хорошо говорить. Красивый язык похож на чистую и прозрачную воду, текущую из источника, стекающую естественным путем по склону, а не на эти искусственные потоки воды, которые насильно подводят к садам сильных мира сего и которые выделывают там тысячи различных фигур. И французский язык еще ненавидит все избыточные украшения: он стремится, чтобы полностью обнажить свои слова с тем, чтобы выражаться более простым образом; он украшает себя только тогда, когда необходимость и уместность этого требуют» (Vouhours, 1671, p. 78–79). Величественность французского языка и поэзии происходит именно из их естественности, отсутствующей в том числе и в латыни: «Язык французских поэтов не схож с наречием поэтов иноземных, у которых оно так далеко от обычного разговора. Наши музы избавлены от стремления стать свободными и подверженными порывам, как это происходит с музами итальянскими

или испанскими, не говоря уже о греческих или латинских: наши музы, говорю я, столь благоразумны и сдержанны, что не позволяют себе никаких излишеств. Они остерегаются отдаваться тем приступам исступления, которое, каким бы божественным оно не было, часто заставляет говорить глупости» (Bouhours, 1671, p. 75). Обращенные к Менажу упреки в излишнем почтении к латинскому языку, безусловно, связаны как с критикой педантизма, так и с глобальным процессом утверждения тезиса о превосходстве французской культуры (в том числе языка) над прочими, как древними (в таком случае можно говорить об успешном окончании начатой Ришелье программы дискредитации педантов), так и современными (итальянский и испанский языки оказываются по-барочному неестественными): простота, сдержанность и естественность, практическая неотличимость от обыденной речи становятся атрибутами идеального французского языка. В итоге светскость взяла верх над ученостью в «Menagiana». Менаж отмечает: «С тех пор, как мы с господином де Бууром помирились, я более не нахожу ошибок в его трудах и пишет он складно и учтиво» (Menagiana, 1693, p. 78).

Отраженные в статье материалы позволяют прийти к выводу, что «Menagiana» и кружок Менажа выступают посредниками между светским и научным знанием, а также средством разработки научного знания, в том числе филологического, приемлемого для *honnête homme*; сама деятельность кружка Менажа иллюстрирует происходящие процессы, направленные на разработку принципов и методик светской вульгаризации науки. «Menagiana» предстает в этой связи своеобразным вариантом современной публицистики, компромиссом учености и светского вежества: филологическая ученость оказывается ценной не сама по себе (как, скажем, в «Scaligerana» и других ранних ана), а в качестве средства социального успеха.

Список источников

1. Wild, F. (2001). *Naissance du genre des ana (1574–1712)*. H. Champion.
2. Wild, F. (2022). *Naissance du genre des ana (1574–1712)*. Classiques Garnier.
3. Abiven, K. (2015). *L'anecdote ou la fabrique du petit fait vrai. Un genre miniature de Tallemant des Réaux à Voltaire (1650–1756)*. Classiques Garnier.
4. Golubkov, A. V. (2022). Scaligerana: la langue comme sujet. *Studia Litterarum*, 7, 110–125.
5. *Menagiana*. (1693). Menagiana, sive excerpta ex ore Aegidii Menagii. F. et P. Delaulne.
6. Balzac Guez, J. L. (1854). *Œuvres*. J. Lecoffre.
7. Неклюдова, М. С. (2008). *Искусство частной жизни: Век Людовика XIV*. ОГИ.
8. Ларошфуко, Ф. де. (2011). *Максимы*. АСТ.
9. *Écrire au XVIIe siècle*. (1992). Presses pocket.
10. *Menagiana*. (1694). Menagiana ou les bons mots, les pensées critiques, historiques morales et d'érudition de M. Ménage, recueillies par ses amis. 2e édition augmentée. F. et P. Delaulne.
11. Bouhours, D. (1675). *Remarques nouvelles sur la langue française*. Sebastien Mabre-Cramoisy.
12. Bouhours, D. (1671). *Les entretiens d'Ariste et d'Eugène*. J. Le Jeune.

References

1. Wild, F. (2001). *Naissance du genre des ana (1574–1712)*. H. Champion.
2. Wild, F. (2022). *Naissance du genre des ana (1574–1712)*. Classiques Garnier.
3. Abiven, K. (2015). *L'anecdote ou la fabrique du petit fait vrai. Un genre miniature de Tallemant des Réaux à Voltaire (1650–1756)*. Classiques Garnier.
4. Golubkov, A. V. (2022). Scaligerana: la langue comme sujet. *Studia Litterarum*, 7, 110–125.
5. *Menagiana*. (1693). Menagiana, sive excerpta ex ore Aegidii Menagii. F. et P. Delaulne.
6. Balzac Guez, J. L. (1854). *Œuvres*. J. Lecoffre.
7. Nekliudova, M. S. (2008). *The Art of Private life: The Century of Louis XIV*. OGI. (In Russ.).
8. La Rochefoucauld, F. de. (2011). *Maximes*. AST. (In Russ.).
9. *Écrire au XVIIe siècle*. (1992). Presses pocket.
10. *Menagiana*. (1694). Menagiana ou les bons mots, les pensées critiques, historiques morales et d'érudition de M. Ménage, recueillies par ses amis. 2e édition augmentée. F. et P. Delaulne.
11. Bouhours, D. (1675). *Remarques nouvelles sur la langue française*. Sebastien Mabre-Cramoisy.
12. Bouhours, D. (1671). *Les entretiens d'Ariste et d'Eugène*. J. Le Jeune.

Информация об авторе / Information about the author

Андрей Васильевич Голубков — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела классических литератур Запады и сравнительного литературоведения Института мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук.

Andrey V. Golubkov — D. Sc. (Philology), Leading Researcher at the Department of Classical Literature of the West and Comparative Literature of the A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Обзорная статья

УДК 811.161.1'38

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.06

ОБРАЗ, МЕДИАОБРАЗ, МЕДИАОБРАЗ РЕГИОНА VS ИМИДЖ, МЕДИАИМИДЖ, ИМИДЖ РЕГИОНА: ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Малышева Елена Григорьевна^{1*},

Русакова Юлия Евгеньевна²

^{1,2} Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
Омск, Россия

¹ malysheva_eg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4513-5086>

² milenina-omsk@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0693-6541>

Аннотация. Актуальность предпринятого исследования обусловлена ростом употребления в СМИ и научно-исследовательских работах понятий «образ», «медиаобраз», «медиаобраз региона», «имидж», «медиаимидж» и «имидж региона». Исходя из анализа научной литературы названы дифференциальные признаки образа и медиаобраза. Предложен дополнительный дифференциальный признак, важный для изучения медиаобразов. Определена взаимосвязь понятий «образ» и «имидж», «образ региона» и «имидж региона», «медиаобраз» и «медиаимидж». Представленные в статье материалы систематизируют понятийно-терминологический аппарат современных исследований и способствуют терминологической дифференциации и релевантному употреблению заявленных терминов в научном лингвистическом дискурсе.

Ключевые слова: образ региона, имидж региона, медиаобраз, медиаобраз региона, медиаимидж.

Для цитирования: Малышева, Е. Г., Русакова, Ю. Е. (2024). Образ, медиаобраз, медиаобраз региона vs имидж, медиаимидж, имидж региона: понятийно-терминологический аппарат современных российских исследований. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(54), 76–94. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.54.2.06>

Original article

UDC 811.161.1'38

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.06

REPRESENTATION, MEDIA REPRESENTATION, MEDIA REPRESENTATION OF THE REGION VS IMAGE, MEDIA IMAGE, IMAGE OF THE REGION: CONCEPTUAL AND TERMINOLOGICAL METATEXT IN MODERN RUSSIAN RESEARCH

Elena G. Malysheva^{1*},Julia E. Rusakova²

^{1,2} Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia,

¹ malysheva_eg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4513-5086>

² milenina-omsk@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0693-6541>

Abstract. The relevance of the research is due to the concepts of *representation*, *media representation*, *media image of the region*, *image*, *media image* and *image of the region* being widely presented in the media. Academic distillations synopsis emphasizes the differential characteristics of representation in comparison with media representation. There is an extra distinctive feature revealed that is essential for the study of media representation. The article defines the relations between the concepts of *representation* and *image*, *representation of a region* and *image of a region*, *media representation* and *media image*. The findings systematize the conceptual and terminological metatext of modern research and contribute to terminological differentiation and relevant use of the terms featuring in scientific linguistic discourse.

Keywords: representation of the region, image of the region, media representation, media representation of the region, media image.

For citation: Malysheva, E. G., Rusakova, J. E. (2024). Representation, media representation, media representation of the region vs image, media image, image of the region: conceptual and terminological metatext in modern Russian research. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(54), 76–94. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.54.2.06>

Введение

В научном лингвистическом дискурсе появляется все больше исследований, направленных на изучение специфики формирования образа/медиаобраза определенных территорий в средствах массовой информации, блогосфере и соцсетях. В качестве примера назовем работы, посвященные медиасистемам городов-миллионников (Свитич, Смирнова, Шкондин, 2017), мультикультуре города (Киселева, 2019), урбанистическому

дискурсу (Абашев и Печищев, 2018), языковой репрезентации медиаобраза города в региональных СМИ (Малышева, 2014), медиаобразу государств (Красильникова, 2009; Мельник, Барлыбаева, Альжанова, 2020; Волкова, Ашур, 2021; Гуреева, Киреева, 2022). Востребованность такого рода исследований обусловлена тем, что современные массмедиа не столько отражают окружающую действительность, сколько интерпретируют, комментируют и оценивают ее, формируя определенный идеологический фон (Добросклонская, 2008, с. 213).

Сегодня можно утверждать, что реципиентов, получающих информацию из СМИ, окружают не конкретные события, факты и явления (не объективное бытие), а определенные медийные образы бытия (Малышева, Гриднев, 2017, с. 58). Кроме того, важно подчеркнуть, что когнитивный феномен, который во многих научных исследованиях называют медиаобразом, «в процессе массовой коммуникации... категоризует и концептуализирует окружающий мир» (Там же). Следует признать, что при всей актуальности изучения особенностей создания «массмедийной реальности» (в терминологии Н. Лумана, см. подробнее об этом: Луман, 2005), понятийно-терминологический аппарат и методологическая база такого рода исследований далеки от однообразия и какой-либо определенности. Очевидно, что требует обсуждения и важный вопрос о том, как происходит выбор тех или иных терминов и понятий в зависимости от избранной исследователем научной парадигмы изучения сходных феноменов.

Сразу подчеркнем, что мы отдаем приоритет когнитивно-дискурсивной научной парадигме, а значит, полагаем, что речь идет об изучении единиц лингвокогнитивного характера, посредством которых организуется медийная картина мира.

Учитывая вышесказанное, цель настоящей статьи состоит в анализе понятийно-терминологического аппарата, который используется при изучении репрезентации в различных видах дискурсов регионально маркированных когнитивных феноменов; в выявлении актуальных теоретических подходов к изучению медиаобраза/медиаимиджа региона; в ответе на вопрос, существует ли возможность использования рассматриваемых научных понятий как синонимических.

Методология

В качестве материала исследования использованы разнообразные русскоязычные научные источники (научные статьи, монографии, полные тексты и авторефераты диссертаций, защищенных в период с 2005 по 2020 год), которые посвящены феноменам, находящимся в фокусе нашего внимания. Материал исследования собран посредством мониторинга интернет-библиотек, таких как eLIBRARY.RU, disserCat, «КиберЛенинка», а также архивов рецензируемых научных журналов. В выборке научных работ преобладают филологические исследования, однако в связи со спецификой рассматриваемых в статье научных

понятий были изучены научные работы, представленные в других отраслях гуманитарного знания, таких как социология, политология, культурология, философия, теория маркетинга.

Обзорный характер настоящей статьи определяет базовые методы данного исследования: 1) общенаучный гипотетико-дедуктивный метод; 2) метод интерпретации текстов различных научных парадигм, обусловленный необходимостью осмысления сущности анализируемого явления; 3) методы интроспекции и проспекции; 4) описательный метод, включающий в себя непосредственное наблюдение, анализ, сопоставление, сравнение, систематизацию и классификацию научных материалов.

Результаты и дискуссия

1. Соотношение понятий «образ» и «медиаобраз». Медиаобраз региона

В философском смысле образ характеризуется как воспроизведение в сознании человека «окружающего мира в виде ощущений, восприятий, представлений, понятий, суждений и умозаключений» (Сорокина, 2010, с. 58). Стоит заметить, что при таком подходе образ отчасти коррелирует с термином «информация».

По мнению И. В. Арнольд, термин «образ» в широком значении отражает внешний мир в сознании индивида, представляет собой некоторую модель реальности, «восстанавливающую полученную из действительности информацию о новой сущности» (Арнольд, 1981, с. 73). С. В. Чугров конкретизирует это понятие, подчеркивая, что образ — «отражение явления во всем его доступном человеку многообразии, богатстве оттенков и противоречивости» (Чугров, 1993, с. 42).

В семиотике образ представляется как сложный знак, обладающий рядом важных черт, а именно: 1) индивидуально субъективным характером, который проявляется в том, что в сознании каждого представителя социума складываются собственные образы тех или иных событий и предметов; 2) неотделимостью содержания образа от его конкретного воплощения в определенной форме; 3) преимущественно чувственно-наглядным содержанием; 4) духовным, идеальным началом в отображаемом объекте. Следовательно, вполне естественным является выделение образа человека или образа территории, но никак не образа мебели (Мечковская, 2008, с. 183–184). Мысленные (воображаемые) образы не могут существовать в отрыве от индивидуального сознания, его внутренних когнитивных процессов и состояний, поскольку их невозможно эксплицировать вовне и сделать участниками межличностной коммуникации (Там же).

С точки зрения когнитивной лингвистики трактовку термина «образ» предлагает Н. Д. Арутюнова. В монографии «Язык и мир человека» она пишет, что образ является семиотическим концептом, а также рассматривает значение, форму и связь в качестве трех его компонентов, благодаря которым происходит создание нерасчлененного единства (Арутюнова, 1999, с. 314). Исследователь

выделяет несколько характеристик образа: 1) формирование в результате комплексного восприятия реальности с помощью прежде всего зрительных впечатлений; 2) в образе фиксируется осознанный фундаментальный факт, связанный с тем, что его форма всегда отделима и воспроизводима, поэтому наблюдается замена природной корреляции формы и субстанции на культурное соотношение формы и содержания; 3) образ больше соотносится не со смысловыми категориями, а с объектами реального мира; 4) образы живут в человеческом сознании, отличаются субъективной окрашенностью и ассоциативным характером; 5) образ включен в сознание лишь в той ситуации, если объекта нет в поле прямого восприятия; 6) образ стихийно возникает в сознании индивида и выступает в виде модели целостного реального объекта, однако эта модель иногда не совпадает с ним в полной мере, так как существует в отрыве от действительности (Арутюнова, 1999, с. 315–318).

В современных медиаисследованиях наблюдается зонтичное соотношение понятий «образ» и «медиаобраз». Как отмечает О. В. Морозова, образ, создаваемый медиа в кооперации с разными сферами духовного творчества, является выразителем общественного сознания и определяется в качестве медиаобраза (Морозова, 2017, с. 18).

Термин «медиаобраз» стали активно использовать в медиаисследованиях в начале XXI века, причем в целом ряде работ это понятие играет ключевую роль. И при этом, как справедливо подчеркивает О. А. Ковач, «несмотря на многочисленные исследования в области журналистики и коммуникативистики, 1) до сих пор не сформулировано исчерпывающее определение, которое бы полностью объясняло сущность явления, вызывающего немалый интерес современных ученых, 2) понятие медиаобраза в настоящий момент не имеет четко обозначенных параметров, 3) исследователи зачастую апеллируют к интуитивному пониманию читателем этого явления» (Ковач, 2019, с. 57).

Впрочем, сегодня существует достаточное количество так или иначе коррелирующих определений обсуждаемого феномена и описаний его конституирующих черт (см., например: Богдан, 2007; Хочунская, 2011; Русакова, 2010; Всеволодова, 2013; Хочунская, 2013; Драчева, 2019; Ковач, 2019; Горбаль, 2020, и мн. др.).

Так, рассуждая о медиаобразах в политическом дискурсе, О. Ф. Русакова подчеркивает, что медиаобразы имеют «визуально-эмоциональный характер», создающий эффект «подлинной реальности», они «способны активно управлять общественным сознанием» (Русакова, 2010, с. 35). Эти замечания позволяют сделать вывод о том, что медиаобраз — единица лингвокогнитивная, оказывающая влияние на сознание массового адресата и формирование его картины мира.

Л. В. Хочунская утверждает, что медиаобраз следует воспринимать в качестве отраженного в журналистских работах кодирования авторских представлений о реальности или ее фрагментах, детерминированного концепцией адресата и установкой на архетипическую ориентацию аудитории (Хочунская, 2011, с. 16). В данной трактовке ведущую роль в формировании медиаобраза принимает автор

медiateкста, который предъявляет массовой аудитории свой взгляд на мир, индивидуальное восприятие действительности.

Впрочем, позднее, уточняя свою позицию, Л. В. Хочунская предложила идею трех ипостасей медиаобраза. Автор пишет: 1) о мире, видимом и интерпретируемом, создаваемом им (процесс); 2) о мире как о тексте (набор знаков); 3) о мире, воспринятом и оцененном реципиентом (учитываются индивидуальные, психологические, интеллектуальные, возрастные и прочие особенности получателя информации) (Хочунская, 2013, с. 93).

Ученые, определяя медиаобраз в качестве «совокупности эмоциональных и рациональных представлений», базирующихся на сообщениях средств массовой информации (Марущак, 2012, с. 95), а также в качестве особого образа действительности, предъявляемого массовому реципиенту медийной индустрией (Богдан, 2007, с. 124), наделяют его следующими дифференциальными признаками:

- стереотипностью: медиаобраз формируется СМИ в склонном к стереотипизации массовом сознании аудитории, которая готова образно анализировать информацию, легко воспринимать мифы и символы;
- утрированностью: наблюдается возведение в наивысшую степень наиболее ярких черт объективного бытия, которое представляет медиаобраз;
- кратковременностью: медиаобраз отличается динамичностью; на «срок жизни» медиаобраза влияют социальные, экономические, политические факторы, узнаваемость объекта отражения и т. д.;
- двойственностью: медиаобраз базируется на объективном бытии, отражает его, однако в то же время является искусственно созданным продуктом медиаиндустрии;
- эмоциональностью: фиксируется апеллирование медиаобраза к эмоциональности, через которую выстраивается восприятие реального объекта действительности (Сезонов, 2015, с. 35–37).

Считаем, что этот список можно дополнить еще одним важным дифференциальным признаком, таким как медиадискурсивная детерминированность, что означает следующее: медиаобраз определяется особенностями медиадискурса, объективируется в СМИ и — шире — в медиа и предъявляется массовой аудитории, потребителю информации.

Термин «медиаобраз» имеет как узкое, так и широкое значение. При узком подходе можно сказать, что медиаобраз состоит из фрагментов действительности, которые описаны в медiateкстах, принадлежащих только профессиональным журналистам. В такие материалы заложены мировоззренческие, психологические, ценностные установки авторов, их политические взгляды (Галинская, 2013, с. 91). В широком понимании с позиций когнитивной лингвистики медиаобраз является репрезентированным в текстах СМИ фрагментом информационной картины мира; относительно устойчивой и постоянно изменяющейся виртуальной моделью объекта или явления реальности. Такая модель способна как отражать, так и рефреймировать и/или формировать круг знаний

и представлений реципиента. Посредничество средств массовой информации между объективным бытием и аудиторией рождает сущностную основу медиаобраза (Мальшева, Гриднев, 2017, с. 58).

Сегодня исследователи активно обращаются именно к широкому пониманию данного термина, поскольку такой подход позволяет наиболее полно репрезентировать изучаемый объект в научных изысканиях.

Понятие «медиаобраз» может экстраполироваться на три вида объектов, находящихся свое отображение в СМИ. Речь может идти, во-первых, о медиаобразах конкретных людей, например о губернаторе, мэре, медиаперсоне; во-вторых, о медиаобразе определенного абстрактного явления; в-третьих, о медиаобразе территорий (Симакова, Кваша, 2023, с. 30).

Для настоящего исследования наиболее актуальной является третья группа объектов — медиаобразы конкретных территорий, в том числе региона.

Сегодня посвященных рассмотрению данного понятия научных работ не так много. Например, Е. Н. Ильина и Ю. Н. Драчева предприняли попытку осмыслить медиаобраз региона с точки зрения лингвокогнитивного моделирования. В их представлении это «лингвокогнитивная модель, которая состоит из фреймов, описывающих внешние (стереотипы) и внутренние представления о регионе» (Ильина, Драчева, 2023, с. 11). Данная модель, как утверждают исследователи, включает в себя фрагменты мифологической (локальный фольклор), научной (краеведческие публикации), художественной (литература, выпущенная в конкретном регионе), религиозной (данные о местных святых) картины мира (Ильина, Драчева, 2023, с. 11).

Интересно, что Д. Н. Замятин обращает внимание на способность новых локальных мифов служить региональному сообществу и закрепляться в массовом сознании, превращаясь в элемент идентичности (Замятин, 2010, с. 41).

Заметим, что ряд других исследователей, например И. С. Важенина, использует термин «образ региона», имея в виду «очень разноплановый, иногда искусственно создаваемый образ объекта» (Важенина, 2008, с. 52), складывающийся в человеческом сознании. Каждый житель региона может иметь собственное представление о месте проживания, ведь «сами люди совершенно разные» (Там же). Кроме того, они могут получать информацию из разных источников и иметь разный опыт, связанный с проживанием в регионе. Все это влияет на конечное формирование образа региона в сознании конкретного человека (Там же).

Мнение процитированного исследователя соотносится с идеей об асимметричности восприятия медиаобраза различными субъектами дискурса массмедиа, высказанной Е. Г. Мальшевой и О. С. Рогалевой. Авторы отмечают, что жители города, медийный образ которого формируется в средствах массовой информации, в определенной степени верифицируют преподносимые журналистами сведения, опираясь на собственное восприятие, опыт и непосредственное наблюдение. Для людей, проживающих в других городах

и регионах, медиаобраз населенного пункта, где они ни разу не были, в полной мере замещает реальную действительность (Малышева, Рогалева, 2022, с. 10).

Можно сделать вывод о том, что понятия «медиаобраз» и «медиаобраз региона» — это феномены лингвокогнитивного порядка, воздействующий потенциал которых, т. е. их способность влиять на массовое сознание, зависит в основном от трех параметров: частотности позиционирования того или иного объекта реальной действительности, степени эмоциональности и близости референта к аудитории. Действительно, для эффективного воздействия медиаобраза на массовую аудиторию необходимо, чтобы он постоянно обогащался новыми сообщениями о конкретном объекте. Кроме того, медиаобраз гораздо сильнее рефреймирует представления об объективном бытии, если его референт изолирован от непосредственного восприятия.

Например, медиаобраз Омска нередко подвергается сомнению и критике со стороны жителей города, ведь они непосредственно воспринимают все происходящее в нем. Однако та же аудитория подвергает меньшему сомнению медиаобразы, например, геополитических конфликтов, поскольку адресаты не включены в непосредственное наблюдение за событиями и получают только обработанные журналистами сведения. Безусловно, медиаобраз не может функционировать вне прагматического аспекта. Процессы негативизации или, наоборот, позитивизации бытия создают определенную, как правило, искаженную, картину мира в сознании адресата. Подчеркнем, что недавно оформилась особая область гуманитарного знания — маркетинговая лингвистика, фиксирующая внимание на продвижении образа того или иного референта в коммуникативном пространстве. За этим процессом практически всегда скрывается цель прагматического характера, влияющая на дальнейший выбор средств массовой коммуникации для поддержания интереса к создаваемому образу (в том числе медиаобразу) и демонстрации его компонентов широкой аудитории (Борисова, Антонова, Викулова, 2022, с. 99).

2. Взаимосвязь понятий «образ» и «имидж». Образ и имидж региона.

Медиаобраз vs медиаимидж

Следует констатировать, что во многих работах исследователи до сих пор не разграничивают понятия «образ», «медиаобраз» и «имидж» или даже «медиаобраз» и «медиаконцепт» (см., например, работу М. В. Терских и Е. Д. Малёновой (Терских, Малёнова, 2015)).

И это неудивительно, поскольку, во-первых, проблема разграничения этих понятий существует только в русскоязычном научном дискурсе, а поэтому часто избежать сопоставления этих терминов и определения одного через другой вряд ли удастся, учитывая их содержательную соотношенность (см. определения термина «имидж»: Матвеева, 1994; Панасюк, 2004; Белобрагин, 2005;

Калюжная, 2006; Кубрякова, 2008; Гизатова, Иванова, 2021, и мн. др.). Впрочем, в научной литературе хоть и в единичных случаях, но представлено и обратное, когда, например, понятие «медиаобраз» объясняется через понятие «имидж» — сразу скажем, что данное определение не кажется нам достаточно аргументированным: «Медиаобраз — это отражение имиджа объекта в зеркале масс-медиа, т. е. ровно те его элементы, которые были отмечены в печатных и электронных СМИ» (Хлопаева, 2007, с. 109).

Показательно исследование, предпринятое В. Я. Белобрагиным и В. В. Белобрагиным (Белобрагин В. Я., Белобрагин В. В., 2004). Они проанализировали научные труды сорока пяти авторов, которые были изданы в период с 1990 по 2004 год. Согласно результатам исследования образ выступает в качестве семиотической основы большинства толкований понятия «имидж» (Белобрагин, 2005, с. 10).

Весьма интересна трактовка обсуждаемых понятий с позиций когнитивной лингвистики и семиотики, предложенная Е. С. Кубряковой, которая в 2008 году опубликовала статью «К определению понятия имиджа» (Кубрякова, 2008). Анализируя текст из газеты «Аргументы и факты», Е. С. Кубрякова обращает внимание на использование понятий «образ» и «имидж», отмечая, что второе понятие более сложное: в газетной публикации предлагается улучшить имидж России, т. е. улучшить сложившееся представление о стране. Слово «образ», понимаемое как представление, не может быть равнозначно слову «имидж» (Кубрякова, 2008, с. 8–9). В конечном итоге и Е. С. Кубрякова определяет одно понятие через другое: «имидж — это тот образ, который по тем или иным причинам призван заменить реальный объект или же представлять лицо или некую другую сущность (от характера и облика человека до государства и иных властных структур) в глазах (восприятии) других людей» (Там же).

В целом ряде работ эксплицируется мысль о том, что существует традиция использования понятий «образ» и «имидж» в разных отраслях научного знания. И. В. Сидорская констатирует, что «термины “образ” и “имидж”, а также их производные “медиаобраз” и “медиаимидж” отличаются друг от друга не столько содержательно, сколько функционально» (Сидорская, 2021, с. 187). Так, культурологи, литературоведы и психологи часто оперируют термином «образ», а политологи, социологи, журналисты и региональные бренд-менеджеры пользуются понятием «имидж». Разное терминопотребление обусловлено целенаправленностью и технологичностью создаваемых конструкторов (Там же).

Итак, важнейшее отличие понятий «образ» и «имидж» многие ученые видят в плоскости целеполагания. Мы склонны согласиться с мнением тех авторов, кто утверждает, что имидж может представлять собой целенаправленно формируемую систему представлений об объекте, выступающую носителем ценностей, которые определяют эмоциональное восприятие данного объекта (Сидорская, 2021, с. 183). Именно в связи со сказанным мы не вполне разделяем точку зрения исследователей, которые, определяя понятие «имидж», пишут о «стихийно

или целенаправленно конструируемом... образе мира, его предметов и явлений» (Гизатова, Иванова, 2021, с. 224).

Итак, полагаем, что, в отличие от образа, который складывается преимущественно стихийно, имидж — это целенаправленно созданный образ, соответствующий эталону, принятому в социуме, поэтому имидж воспринимается в контексте социума. Понятия «медиаобраз» и «имидж», несомненно, коррелируют друг с другом. Медиаобраз как некий медиаконструкт, объект в преломлении медиа влияет на создание имиджа субъекта или объекта. Вместе с тем именно медиаобраз, созданный в медиапространстве, во многом определяет имидж той или иной публичной персоны, территории и т. п.

Важно отметить, что И. В. Сидорская при изучении медиаобраза/медиаимиджа территорий предлагает при выборе термина ориентироваться именно на «акцентирование стихийного либо целенаправленного характера формирования данных представлений» (Сидорская, 2021, с. 184) и на тот факт, что термин «медиаобраз» более теоретичный, а медиаимидж — утилитарный (Там же).

Высказанная нами ранее мысль об асимметричности восприятия медиаобраза различными субъектами дискурса масс-медиа находит отражение и в научных работах, связанных с имиджелогией. Исследователи выделяют внутренний имидж региона (образ региона в глазах его жителей) и внешний имидж региона (представления о регионе за его пределами) (Чувакова, Сбусина, 2011, с. 44). Также разграничиваются субъективный (проектируемый) и объективный (реальный) виды имиджа (Сушненкова, 2011, с. 11).

Как подчеркивает Д. В. Чижов, при формировании имиджа конкретного региона следует учитывать его концептуальную, деятельностную, личностную и атрибутивную составляющие. Так, концептуальный аспект рассматривается как своеобразный стержень имиджа, который группирует вокруг себя все остальные его значимые характеристики; деятельностная составляющая выражается в постоянном коммуникационном взаимодействии с общественной, политической средой, причем результатом такого взаимодействия становятся сформированные представления и установки; личностная составляющая подразумевает роль региональных лидеров и публичных персон в общем понимании региона аудиториями; атрибутивный аспект имиджа региона рассматривается в виде определенного набора визуальных средств, воздействующих на реципиентов и акцентирующих индивидуальность отдельного региона России (Чижов, 2006, с. 15–16).

Любопытным мы считаем опыт И. В. Василенко, которая модифицировала классификацию разных видов региональных имиджей Ф. Котлера (Котлер, 2001, с. 33) под российские реалии, выделив положительный имидж региона (регионы с развитой промышленной системой, хорошей репутацией, раскрученным брендом); слабый имидж (небольшие по площади депрессивные регионы, например Смоленская область); отрицательный имидж (регионы, в которых наблюдается бедность, ограниченность ресурсов, а также регионы с плохой исторической репутацией, такие как Колыма); смешанный имидж (регионы,

сочетающие позитивные и негативные элементы медиаобраза); противоречивый имидж (регионы, где наблюдаются контрастные характеристики, например развитая промышленная система, но демографические проблемы); чрезмерно привлекательный имидж (регионы-доноры, известные высоким уровнем развития и привлекательностью для мигрантов, т. е. Москва и Санкт-Петербург) (Василенко, 2016, с. 26). Пожалуй, в большинстве российских регионов наблюдаются черты смешанного, противоречивого или отрицательного имиджа.

В целом можно констатировать, что при анализе особенностей регионально-го имиджа, в том числе создаваемого с помощью масс-медиа, в последнее время от научного инструментария социологии, политологии, маркетинга и имиджологии исследователи постепенно приходят к методам и методикам современной лингвистической науки и теории медиа (см., например: Кошкарлова, 2017; Макарова, Мартынова, 2019; Сун, 2018; Цао, 2020, и др.). Однако следует признать, что собственно лингвистические, особенно лингвокогнитивные и когнитивно-дискурсивные, методы для исследования имиджа региона применяются лишь фрагментарно.

Характеризуя понятие «медиаимидж», скажем, что этот термин скорее используется в теории рекламы, медиамаркетинге, имиджологии, нежели в сфере теории журналистики. Так, медиаимидж в теории рекламной деятельности и связей с общественностью — это восприятие личности, организации, территории или объекта, которое создается с помощью СМИ. Иначе говоря, в медиаимидже отражается образ региона, сформированный профессиональными журналистами в информационном пространстве (Мечин, 2012). Разумеется, исследователи подчеркивают роль пресс-служб и СМИ в создании медиаимиджа территорий: «Чтобы сформировать положительный медиаимидж региона, необходимо вмешательство в этот процесс сотрудников региональных пресс-служб, способных доносить до СМИ ключевые исторические и культурные особенности региона для последующей публикации соответствующих медиатекстов» (Хажгериева, 2017, с. 198).

Критерии использования двух терминов — «медиаимидж» и «медиаобраз» — предлагает и И. В. Сидорская. И этот критерий лежит в плоскости исследовательских задач. Использовать оба понятия как синонимичные, считает автор, можно, если основная задача исследователя заключается в том, чтобы проанализировать медиатексты о территориях, а не восприятие этих материалов той или иной аудиторией (Сидорская, 2021, с. 189). Достоверное определение условий, целей, ресурсов и стратегии написания медиатекста невозможно, особенно если материалами исследования являются тексты качественных СМИ, соблюдающих правила по объективному и достоверному информированию читателей/зрителей (Там же).

Однако если исследователь ставит задачу изучить особенности, механизмы и тенденции восприятия текстов СМИ о территориях разными аудиториями, то целесообразно оперировать понятиями «образ» и «медиаобраз». Это обосновывается тем, что на формирование продукта восприятия оказывают влияние неконтролируемые, стихийные факторы (Сидорская, 2021, с. 189).

Мы солидарны с цитируемым исследователем в том, что медиаобраз может рассматриваться в виде совокупности представлений об объекте, которые отражены в медийной сфере при широком подходе к ней, а медиаимидж — в виде конструкта объекта, представленного в текстах профессиональных журналистов (Там же).

Заключая обзор, обратим внимание на точку зрения кемеровских ученых, опубликовавших в 2020 году коллективную монографию «Кузбасс: комплексное когнитивно-дискурсивное моделирование образа региона» (Кондратьева, 2020).

Представив в первой главе подробный сопоставительный анализ содержания смежных терминов «образ», «имидж» и «бренд региона», авторы монографии заключают, что «первичен образ региона (зачастую этот образ стереотипный), имидж региона вторичен, он всегда является результатом целенаправленного конструирования, формирование бренда региона происходит на основе ярко выраженного положительного имиджа региона и является высшим проявлением потребительских предпочтений, бренд детерминирован конкурентными преимуществами региона, активом региональной экономики» (Кондратьева, 2020, с. 24).

В цитируемой работе сделан аргументированный вывод о том, что для комплексного исследования релевантным является термин «образ территории», выступающий центральной единицей имагинальной (образной) географии, развивающейся «на стыке культурной географии, культурологии, культурной антропологии, культурного ландшафтоведения, когнитивной географии, мифогеографии, истории, философии, политологии, когнитивных наук, искусствоведения, языкознания и литературоведения, социологии, психологии» (Кондратьева, 2020, с. 8).

Заключение

Подводя итоги предпринятого обзора, отметим, что в научных трудах, посвященных проблемам презентации территорий в различных типах текстов и дискурсов, крайне важно использовать релевантный понятийно-терминологический аппарат, позволяющий: 1) разграничивать ключевые научные понятия, часто смежные; 2) осознавать особенности научно-исследовательского подхода, который репрезентирован в исследовании; 3) однозначно понимать содержание, которое стоит за используемыми терминами; 4) наконец, исходя из принятого понятийно-терминологического аппарата точно и недвусмысленно формулировать цель научной работы, ее объект и предмет, а также выбирать соответствующую методологию исследования.

Термин «имидж» (*image*) в англоязычной научной литературе используется, как известно, и в значении «образ», и в значении «имидж», что, как представляется, часто препятствует однозначному пониманию сути проводимых исследований и, главное, их цели (см., например: Buhmann, Ingenhoff, 2014).

В различных отраслях отечественной гуманитарной науки складывается иная традиция терминопотребления.

Термины «образ» и «медиаобраз» в русскоязычной науке, безусловно, взаимосвязаны, однако если образ — это многозначный термин, использующийся в разных значениях, например, в литературоведении, искусствоведении, философии, семиотике и лингвистике, и часто за ним стоит предельно широкое понятие (субъективная модель какого-либо явления или процесса), то медиаобраз — это динамичная модель того или иного объекта/явления действительности, конструируемая медиа, обладающая набором дифференциальных признаков, таких как стереотипность, утрированность, кратковременность, двойственность, эмоциональность и медиадискурсивная детерминированность.

В нашем представлении более точным при описании, например, создаваемого в медиапространстве образа региона будет использование термина «медиаобраз региона»; в случае комплексного исследования презентации какой-либо территории в дискурсах разного типа (дискурс масс-медиа, художественный дискурс, научный дискурс и т. д.) уместнее использовать более широкий по значению термин «образ региона» без приставки «медиа-».

Несмотря на частое синонимичное использование понятий «образ» и «имидж», в их содержательной структуре очевидны различия. И главное, подчеркнутое в большинстве проанализированных научных работ, описывается оппозицией «стихийный/целенаправленный».

Так, образ, как правило, складывается стихийно, а имидж является целенаправленно конструируемым феноменом, который соответствует нормам и ценностям, установленным в том или ином обществе.

Важно констатировать, что термины «имидж» и «медиаимидж» принадлежат, прежде всего, к научным парадигмам таких направлений, как теория рекламы, медиамаркетинг, имиджелогия, тогда как понятия «образ» и «медиаобраз» (часто в сочетании с соответствующим генитивом) становятся ключевыми при изучении стоящих за ними лингвокогнитивных феноменов в лингвокультурологическом, медиалингвистическом, дискурсологическом и, наконец, лингвокогнитивном научных направлениях.

Список источников

1. Свитич, Л. Г., Смирнова, О. В., & Шкондин, М. В. (2017). Медиасистема городов-миллионников: методологические предпосылки исследования. *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева*, 2(3), 249–259.
2. Киселева, А. В. (2019). О роли медиакультуры в современном городском пространстве. *Paradigmata Poznani*, 1, 25–28.
3. Абашев, В. В., & Печищев, И. М. (2018). Городские сетевые издания как агенты урбанизации. *Знак: проблемное поле медиаобразования*, 4(30), 201–214.
4. Малышева, Е. Г. (2014). «Город мертв»: концентрация негативного в медиаобразе Омска. *Коммуникативные исследования*, 2, 50–59.
5. Красильникова, Н. А. (2009). Грузия: жертва или злодей? Метафорический образ Грузии в дискурсе общественности на сайтах СМИ Великобритании. *Политическая лингвистика*, 4, 128–132.

6. Мельник, Г. С., Барлыбаева, С. Х., & Альжанова, А. Б. (2020). Медиаобраз России в казахстанских СМИ. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика*, 3, 110–116.
7. Волкова, И. И., & Ашур, Х. Ю. Д. (2021). Медиаобраз Иордании в интернет-СМИ Рунета: особенности «неперсонификации». *Вопросы теории и практики журналистики*, 10(1), 39–50. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10\(1\)](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10(1))
8. Гуреева, А. Н., & Киреева, П. А. (2022). Формирование медиаобраза государства в контексте медиатизации политической коммуникации. *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*, 6, 28–56. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.6.2022.2856>
9. Добросклонская, Т. Г. (2008). *Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: Современная английская медиаречь*. Флинта: Наука.
10. Малышева, Е. Г., & Гриднев, Н. А. (2017). Реконструкция медиаобраза Омска (на материале текстов регионального телевизионного массово-информационного дискурса и данных ресурса «Медиалогия»). *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*, 4(17), 57–61.
11. Луман, Н. (2005). *Реальность массмедиа*. Практис.
12. Сорокина, О. Н. (2010). Языковая реализация образа Китая в СМИ США: информационная модель «Вооружение Китая». *Известия Уральского государственного университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры*, 6(85), 57–64.
13. Арнольд, И. В. (1981). *Стилистика современного английского языка. Стилистика декодирования*. Просвещение. Ленинградское отделение.
14. Чугров, С. В. (1993). Этнические стереотипы и их влияние на формирование общественного мнения. *Мировая экономика и международные отношения*, 5, 50–63.
15. Мечковская, Н. Б. (2008). *Язык. Природа. Культура*. Курс лекций. Академия.
16. Арутюнова, Н. Д. (1999). *Язык и мир человека*. Языки русской культуры.
17. Морозова, О. В. (2017). *Речевые способы формирования медиаобраза России в российских и американских СМИ* [Диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.19. Саратов].
18. Ковач, О. А. (2019). Принципы конструирования медиаобраза государства. *Медиасреда*, 1, 57–62. <https://doi.org/10.24411/2070-0717-2019-10110>
19. Богдан, Е. Н. (2007). *Медиаобраз России как средство консолидации общества: структурно-функциональные характеристики* [Диссертация ... канд. филол. наук: 10.01.10. Москва].
20. Хочунская, Л. В. (2011). *Медиаобраз как диалог ценностей*. РУДН.
21. Русакова, О. Ф. (2010). Виртуальная власть масс-медиа. *Дискурс Пи. Научно-практический альманах*, 9–10, 33–37.
22. Всеволодова, А. Н. (2013). Медиаобраз городов России в федеральных печатных СМИ. *Вопросы теории и практики журналистики*, 2, 152–158.
23. Хочунская, Л. В. (2013). Феномен медиаобраза: социально-психологический аспект. *Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика*, 2, 91–94.
24. Драчева, Ю. Н. (2019). Понятие медиаобраза и его описание в языковедческом и неязыковедческом аспектах. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2(89), 134–146. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2019-2-89-13>
25. Горбаль, Д. Э. (2020). Современные подходы к феномену медиаобраза. *Наука и образование сегодня*, 11(58), 72–75.
26. Марущак, А. В. (2012). Политико-социальный образ России в американском медиапространстве. *Журналистский ежегодник*, 1, 93–96.

27. Сезонов, Т. В. (2015). *Концептуализация медиаобраза IT-Girl в российском медиапространстве глянцевого журналов* [Диссертация ... канд. филол. наук: 10.01.10. Москва].
28. Галинская, Т. Н. (2013). Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике. *Вестник Оренбургского государственного университета*, 11(160), 91–94.
29. Симакова, С. И., & Кваша, Д. И. (2023). Медиаобраз как одна из составляющих формирования медиаэстетического кода региона. *Известия Уральского государственного университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры*, Т. 29, 1, 28–28. <https://doi.org/10.15826/izv1.2023.29.1.003>
30. Ильина, Е. Н., & Драчева, Ю. Н. (2023). Медиаобраз регионов в «сказочной карте России». *Филологический класс*, 28(2), 9–21.
31. Замятин, Д. Н. (2010). Гуманитарная география: предмет изучения и основные направления развития. *Общественные науки и современность*, 4, 126–138.
32. Важенина, И. С. (2008). Имидж и бренд региона: сущность и особенности формирования. *Экономика региона*, 1, 49–58.
33. Малышева, Е. Г., & Рогалева, О. С. (2022). *Информационное телевидение*. Флинта.
34. Борисова, Е. Г., Антонова, Л. Г., & Викулова, Л. Г. (2022). *Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста*. Флинта.
35. Терских, М. В., & Малёнова, Е. Д. (2015). *Медиаобраз сибирского региона: лингвокогнитивное моделирование*. Литера.
36. Матвеева, Л. В. (1994). Рекламный имидж в бизнесе и политике. *Реклама*, 5–6, 87–94.
37. Панасюк, А. Ю. (2003). *Я — Ваш имиджмейкер и готов помочь сформировать Ваш профессиональный имидж*. Дело.
38. Белобрагин, В. В. (2005). *Половозрастные различия восприятия подростками имиджа музыкальных кумиров* [Автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. Москва].
39. Калюжная, Е. Г. (2006). Имидж: предыстория и культурологическое обоснование феномена. *Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки*, 47(12), 45–52.
40. Кубрякова, Е. С. (2008). К определению понятия имиджа. *Вопросы когнитивной лингвистики*, 1(14), 5–11.
41. Гизатова, Г. З., & Иванова, О. Г. (2021). Имидж как конструкт социальной реальности. *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 4–5(163), 222–229. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2021.4-5.222-229>
42. Хлопаева, Н. А. (2007). Исследования медиапространства в процессе принятия управленческих решений. *Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество)*, 3, 108–117.
43. Сидорская, И. В. (2021). Об употреблении терминов «образ» и «имидж» в русскоязычных исследованиях проблемы медиарепрезентации территорий. *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*, 3, 173–197. <https://doi.org/10.30547/vestnikjournal.3.2021.173197>
44. Василенко, И. А. (2016). *Имидж регионов России: инновационные технологии и стратегии ребрендинга*. Международные отношения.
45. Чувакова, С. Г., & Сбусина, М. В. (2011). Имидж региона и теоретические подходы к его классификации. *Региональная экономика: теория и практика*, 17, 43–47.

46. Сушненкова, И. А. (2011). *Лингвокогнитивное исследование регионального имиджа (на примере Омской области)* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Кемерово].
47. Чижов, Д. В. (2006). Имидж российских регионов: стратегия и методы продвижения. *Publicity, 1*(1), 16–18.
48. Котлер, Ф. (2001). *Основы маркетинга*. Вильямс.
49. Кошкарлова, Н. Н. (2017). Русскоязычные СМИ Китая как инструмент формирования медиаимиджа страны и мира. *Политическая лингвистика, 5*(65), 85–88.
50. Макарова, С. В., & Мартынова, И. Н. (2019). Лексические средства создания негативного образа Китая в современной американской прессе. В Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева (Ред). *Вопросы общего языкознания, семасиологии и лингвистики текста* (с. 127–132). Сборник научных статей. Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева.
51. Сун, Ц. (2018). Роль СМИ в формировании туристического имиджа страны. *Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика, педагогика, 1*, 63–69.
52. Цао, Ц. (2020). *Репрезентация имиджа Китая в медиасфере Беларуси, Казахстана, России* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. Минск].
53. Мечин, В. С. (2012). *Политический имидж*. Питер.
54. Хажгериева, А. А. (2017). Формирование медиаимиджа Республики Адыгея на основе этнокультурных и историко-географических факторов. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение, 4*(207), 194–199.
55. Кондратьева, О. Н. (2020). *Кузбасс: комплексное когнитивно-дискурсивное моделирование образа региона*. Перо.
56. Buhmann, A., & Ingenhoff, D. (2014). The 4D Model of the country image: An integrative approach from the perspective of communication management. *International Communication Gazette, 77*, 102–124. <https://doi.org/10.1177/1748048514556986>

References

1. Svitich, L. G., Smirnova, O. V., & Shkondin, M. V. (2017). Media system of million-plus cities: methodological prerequisites for the study. *Vestnik of Volzhsky University named after V. N. Tatishchev, 2*(3), 249–259. (In Russ.).
2. Kiseleva, A. V. (2019). On the role of media culture in modern urban space. *Paradigmata Poznani, 1*, 25–28. (In Russ.).
3. Abashev, V. V., & Pechishchev, I. M. (2018). City online publications as agents of urbanization. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya, 4*(30), 201–214. (In Russ.).
4. Malysheva, E. G. (2014). «The city is dead»: the concentration of negativity in the media representation of Omsk. *Communication Studies, 2*, 50–59. (In Russ.).
5. Krasilnikova, N. A. (2009). Georgia: victim or villain? Metaphorical representation of Georgia in public discourse on UK media sites. *Political Linguistics, 4*, 128–132. (In Russ.).
6. Melnik, G. S., Barlybaeva, S. Kh., & Alzhanova, A. B. (2020). Media representation of Russia in the Kazakh media. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism, 3*, 110–116. (In Russ.).
7. Volkova, I. I., & Ashur, H. Yu. D. (2021). Media representation of Jordan in the Internet media of Runet: features of «non-personification». *Theoretical and Practical Issues of Journalism, 10*(1), 39–50. (In Russ.). [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10\(1\)](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10(1))

8. Gureeva, A. N., & Kireeva, P. A. (2022). Formation of the media representation of the state in the context of mediatization of political communication. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistsika*, 6, 28–56. (In Russ.). <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.6.2022.2856>
9. Dobrosklonskaya, T. XG. (2008). *Medialinguistics: a systematic approach to the study of media language: Modern English media speech*. Flinta: Nauka. (In Russ.).
10. Malysheva, E. G., & Gridnev, N. A. (2017). Reconstruction of the media representation of Omsk (based on the texts of regional television mass information discourse and data from the «Medialogy» resource). *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research*, 4(17), 57–61. (In Russ.).
11. Luhmann, N. (2005). *The reality of the mass media*. Practis. (In Russ.).
12. Sorokina, O. N. (2010). Linguistic implementation of the representation of China in the US media: information model «China's Armament». *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*, 6(85), 57–64. (In Russ.).
13. Arnold, I. V. (1981). *Stylistics of modern English. Stylistics of decoding*. Prosveshchenie. Leningradskoe otdelenie. (In Russ.).
14. Chugrov, S. V. (1993). Ethnic stereotypes and their influence on the formation of public opinion. *Mirovaya ekonomika i mirovye otnosheniya*, 5, 50–63. (In Russ.).
15. Mechkovskaya, N. B. (2008). *Language. Nature. Culture: course of lectures*. Akademiya. (In Russ.).
16. Arutyunova, N. D. (1999). *Language and the human world. Yazyki russkoj kul'tury*. (In Russ.).
17. Morozova, O. V. (2017). *Speech methods of forming the media representation of Russia in Russian and American media* [Dissertation for the PhD (Philology): 02.10.19. Saratov]. (In Russ.).
18. Kovach, O. A. (2019). Principles for constructing the media representation of the state. *Mediasreda*, 1, 57–62. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/2070-0717-2019-10110>
19. Bogdan, E. N. (2007). *The media representation of Russia as a means of consolidating society: structural and functional characteristics* [Dissertation for the PhD (Philology): 10.01.10. Moscow]. (In Russ.).
20. Khochunskaya, L. V. (2011). *Media representation as a dialogue of values*. RUDN University. (In Russ.).
21. Rusakova, O. F. (2010). Virtual power of mass media. *Diskurs Pi. Nauchno-prakticheskij al'manah*, 9–10, 33–37. (In Russ.).
22. Vsevolodova, A. N. (2013). Media representation of Russian cities in federal print media. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2, 152–158. (In Russ.).
23. Khochunskaya, L. V. (2013). The phenomenon of media representation: socio-psychological aspect. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2, 91–94. (In Russ.).
24. Dracheva, J. N. (2019). The concept of a media representation and its description in linguistic and non-linguistic aspects. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta*, 2(89), 134–146. (In Russ.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2019-2-89-13>
25. Gorbal, D. E. (2020). Modern approaches to the phenomenon of media representation. *Nauka i obrazovanie segodnya*, 11(58), 72–75. (In Russ.).
26. Marushchak, A. V. (2012). Political and social representation of Russia in the American media space. *Journalist yearbook*, 1, 93–96. (In Russ.).

27. Sezonov, T. V. (2015). *Conceptualization of the media representation of IT-Girl in the Russian media space of glossy magazines* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.10. Moscow]. (In Russ.).
28. Galinskaya, T. N. (2013). The concept of a media representation and the problem of its reconstruction in modern linguistics. *Vestnik OSU, 11*(160), 91–94. (In Russ.).
29. Simakova, S. I., & Kvasha, D. I. (2023). Media representation as one of the components of the formation of the media aesthetic code of the region. *Izvestiya Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture, 29*(1), 28–28. (In Russ.). <https://doi.org/10.15826/izv1.2023.29.1.003>
30. Ilyina, E. N., & Dracheva, J. N. (2023). Media representation of regions in the «fairytale map of Russia». *Philological class, 28*(2), 9–21. (In Russ.).
31. Zamyatin, D. N. (2010). Human geography: subject of study and main directions of development. *Social Sciences and Contemporary World, 4*, 126–138. (In Russ.).
32. Vazhenina, I. S. (2008). Image and brand of the region: essence and features of formation. *Economy of Regions, 1*, 49–58. (In Russ.).
33. Malysheva, E. G., & Rogaleva, O. S. (2022). *Information television*. Flinta. (In Russ.).
34. Borisova, E. G., Antonova, L. G., & Vikulova, L. G. (2022). *Marketing linguistics. Regularities of promotional text*. Flinta. (In Russ.).
35. Terskikh, M. V., & Malenova, E. D. (2015). *Media representation of the Siberian region: linguocognitive modeling*. Litera. (In Russ.).
36. Matveeva, L. V. (1994). Advertising image in business and politics. *Advertising, 5–6*, 87–94. (In Russ.).
37. Panasyuk, A. Yu. (2003). *I am your image-maker and am ready to help shape your professional image*. Delo. (In Russ.).
38. Belobragin, V. V. (2005). *Gender and age differences in adolescents' perception of the image of musical idols* [Abstract of the dissertation for the PhD (Psychology): 19.00.05. Moscow]. (In Russ.).
39. Kalyuzhnaya, E. G. (2006). Image: background and cultural justification of the phenomenon. *Izvestiya Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts, 47*(12), 45–52. (In Russ.).
40. Kubryakova, E. S. (2008). Towards a definition of the concept of image. *Issues of Cognitive Linguistics, 1*(14), 5–11. (In Russ.).
41. Gizatova, G. Z., & Ivanova, O. G. (2021). Image as a construct of social reality. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki, 4–5*(163), 222–229. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2021.4-5.222-229>
42. Khlopaeva, N. A. (2007). Research of the media space in the process of making management decisions. *Lomonosov Public Administration Journal. Series 21, 3*, 108–117. (In Russ.).
43. Sidorskaya, I. V. (2021). On the use of the terms «representation» and «image» in Russian-language studies of the problem of media representation of territories. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika, 3*, 173–197. (In Russ.). <https://doi.org/10.30547/vestnikjourn.3.2021.173197>
44. Vasilenko, I. A. (2016). *Image of Russian regions: innovative technologies and rebranding strategies*. Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.).
45. Chuvakova, S. G., & Sbusina, M. V. (2011). Image of the region and theoretical approaches to its classification. *Regional Economics: Theory and Practice, 17*, 43–47. (In Russ.).

46. Sushnenkova, I. A. (2011). *Linguocognitive study of regional image (using the example of the Omsk region)* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 02.10.19. Kemerovo]. (In Russ.).
47. Chizhov, D. V. (2006). Image of Russian regions: strategy and methods of promotion. *Publicity, 1*(1), 16–18. (In Russ.).
48. Kotler, F. (2001). *Marketing Basics*. Williams. (In Russ.).
49. Koshkarova, N. N. (2017). Russian-language media in China as a tool for shaping the media image of the country and the world. *Political Linguistics, 5*(65), 85–88. (In Russ.).
50. Makarova, S. V., & Martynova, I. N. (2019). Lexical means of creating a negative representation of China in the modern American press. In N. V. Kormilina, N. Y. Shugaeva (Eds.). *Issues of general linguistics, semasiology and text linguistics* (pp. 127–132). Collection of scientific articles. I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University. (In Russ.).
51. Sun, C. (2018). The role of the media in shaping the country's tourism image. *Journal of the Belarusian State University. Journalism, Pedagogy, 1*, 63–69. (In Russ.).
52. Cao, C. (2020). *Representation of the image of China in the media sphere of Belarus, Kazakhstan, Russia* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.10. Minsk]. (In Russ.).
53. Mechin, V. S. (2012). *Political image*. Piter. (In Russ.).
54. Khazhgerieva, A. A. (2017). Formation of the media image of the Republic of Adygea based on ethnocultural and historical-geographical factors. *The Bulletin of the Adyge State University. Series 2: Philology and the Arts, 4*(207), 194–199. (In Russ.).
55. Kondratyeva, O. N. (2020). *Kuzbass: comprehensive cognitive-discursive modeling of the region's representation*. Pero. (In Russ.).
56. Buhmann, A., & Ingenhoff, D. (2014). The 4D Model of the country image: An integrative approach from the perspective of communication management. *International Communication Gazette, 77*, 102–124. <https://doi.org/10.1177/1748048514556986>

Информация об авторах / Information about the authors

Елена Григорьевна Мальшева — доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой журналистики и медиалингвистики Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского.

Elena G. Malysheva — D. Sc. (Philology), Docent, Head of the Department of Journalism and Media Linguistics of Dostoevsky Omsk State University.

Юлия Евгеньевна Русакова — аспирант Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского.

Julia E. Rusakova — Postgraduate Student at Dostoevsky Omsk State University.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Научная статья

УДК 811.161.1'04

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.07

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И КОННОТАЦИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО СЛОВА «СМЪРДЪ»

Алексеев Александр Валерьевич

Московский городской педагогический университет,
Московский педагогический государственный университет,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Москва, Россия,
avalekseev74@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0927-7327>

Аннотация. Актуальность исследования слова *смерд* обусловлена использованием этой номинации, как и другой традиционной общественно-политической лексики, в современных идеологических дискурсах. Цель исследования — рассмотреть диахроническую обусловленность современной коннотации изучаемого слова. В качестве основного в статье используется сравнительно-исторический метод как для формального описания, так и для реконструкции семантических компонентов. При описании символических значений применяются контекстуальный и структурно-семантический методы, позволяющие разграничить означающее и означаемое символа. В статье раскрывается противоречие, существующее между древнерусскими и современными коннотативными свойствами лексемы *смерд*: если в современном языке *смерд* относится к классу пейоративной лексики, то в древнерусских письменных памятниках слово *смерд* выражало номинативное значение, не включавшее в себя эмоциональной оценки. Для исследования данной проблемы привлекается этимология слова *смерд* на праславянском и праиндоевропейском уровнях. Установлено, что основная гипотеза о происхождении слова, представленная в этимологических словарях, связывает существительное *смерд* с глаголом *смърдѣти*. В статье показано, что данная гипотеза является не вполне убедительной, поскольку не учитывает особенностей праславянских словообразовательных моделей. В статье дается обоснование иной гипотезы, определяющей внутреннюю форму слова *смерд* как ‘страдающий человек’. Результатом исследования стала реконструкция культурной значимости общеславянского и древнерусского слова *смърдь* — ‘чужой, неполноценный человек’. На основе этого сделаны следующие выводы: преобразование культурной коннотации в истории слова ведет к формированию на ее основе эмоциональной коннотации; эмоциональная оценка, выражаемая словом *смерд* в современной лингвокультуре, должна изучаться с учетом его этимологического значения.

Ключевые слова: историческая лексикология, древнерусский язык, символическое значение, культурная значимость слова, коннотация.

Для цитирования: Алексеев, А. В. (2024). Происхождение и коннотация древнерусского слова «смърдь». *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(54), 95–107. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.54.2.07>

Original article

UDC 811.161.1'04

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.07

THE ORIGIN AND CONNOTATION OF THE OLD RUSSIAN WORD *SMERD*

Alexander V. Alekseev

Moscow City University,
Moscow Pedagogical State University,
Saint Tikhon's Orthodox University for the Humanities,
Moscow, Russia,

avalekseev74@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0927-7327>

Abstract. The relevance of the study of the word *smerd* is due to the use of this nomination in modern ideological discourses. The study aims at considering the diachronic conditionality of the modern connotation the word under study possesses. The article employs a comparative historical method used for reconstructing these semantic components. There are also contextual and structural-semantic methods applied. The article reveals the contradiction between the Old Russian and modern connotative properties of *smerd*: the modern language sees *smerd* belonging to the group of pejorative vocabulary, while the Old Russian word *smerd* possessed a nominative meaning. The issue to be tackled prompted studying the etymology of the word *smerd* at the Proto-Slavic and Proto-Indo-European levels. It is established that the hypothesis about the origin of the word connects the noun *smerd* with the verb *smerdeti*. The article proves that this hypothesis is not entirely convincing. The article substantiates another hypothesis that defines the inner form of the word *smerd* as a 'suffering person'. The study results in reconstructing the cultural significance of the common Slavic and Old Russian word *smerd* — 'a stranger, an inferior person'. The latter leads to the following conclusions as follows: the transformation of cultural connotation in the history of the word leads to forming an emotional connotation; the emotional assessment expressed by the word *smerd* in modern linguistic culture should be studied taking into account its etymological meaning.

Keywords: historical lexicology, Old Russian language, symbolic meaning, cultural significance of the word, connotation.

For citation: Alekseev, A. V. (2024). The origin and connotation of the Old Russian word *smerd*. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(54), 95–107. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.54.2.07>

Введение

Оценочные характеристики слова *смьрдъ* (*смерд*), его культурная значимость и образный потенциал в значительной степени связаны с его происхождением. От решения вопроса об этимологии слова, о его внутренней форме зависит понимание диахронического аспекта коннотации слова *смерд*. В русском языке Нового времени это существительное уже с XVIII века воспринималось как устаревшее: академический словарь

дает соответствующую помету и предлагает пример употребления из древнерусского источника: «Подлой, въ черной работѣ обращающійся; къ черни принадлежащій. Пригородокъ нашъ и наши смерди въ немъ живутъ. Ник. Лѣтоп.» (Словарь, 1794, с. 587). Приведенное толкование содержит оценочные признаки ‘низкий’, ‘черный’, которые, однако, в контексте летописи являлись элементами культурной значимости слова (культурной коннотации), но не составляли эмоционально-оценочной коннотации. При ссылке на древнерусский контекст слово и в XVIII веке осознавалось еще как отчетливый социальный термин. Обозначаемый социальный статус воспринимался как культурный феномен, выполнявший знаковую функцию и выражавший культурную оценку. Соответственно, слово становилось культурным символом и средством дальнейшей трансляции данной оценки.

Позднее номинативный и коннотативный аспекты семантики слова *смерд* дифференцировались и в современном языке реализуются в виде двух самостоятельных лексических значений — прямого и переносного (символического). Оба эти значения представлены в актуальных контекстах, в том числе в примерах XXI века: «Закабаленные феодалами крестьяне-смерды из южных земель бежали от притеснений на север и восток. В. Г. Глушкова. Костромская земля (2015)» (НКРЯ, 2023); «Искусство объявлено закрытым клубом “для своих” — критиков, кураторов, советников арт-фондов, избранных олигархов и статусных чиновников. В чем “гениальное” открытие постмодернизма: всяк, кто не в клубе, — смерд. И. Н. Вирабов. Андрей Вознесенский (2015)» (НКРЯ, 2023). Вторичное значение слова *смерд*, реализуемое во втором из приведенных контекстов (а также и в многочисленных примерах XIX–XX веков), вероятно, следует называть именно символическим, но не переносным.

Методология исследования

Лексическое значение символического типа характеризуется двойной референцией, удвоением означаемого, при этом непосредственное предметное означаемое слова *смерд* (сословие) становится означаемым для вторичного означаемого (для культурной оценки): *смерд* ‘обычный человек — не способный чувствовать, понимать (искусство, науки и т. п.)’. Однако указанная культурная оценка является неопределенной, подвижной, неоднозначно толкуемой: ‘презираемый’ (Ушаков, 1940, с. 296) — ‘необразованный’ (Словарь, 1962, с. 1347) — ‘презираемый, незнатный’ (Словарь, 1988, с. 151) — ‘несвободный’ (Кузнецов, 2000, с. 1216) — ‘ничтожный, имеющий низкое происхождение’ (Большой, 2019, с. 331); поэтому для своей репрезентации такая оценка требует известного, воспроизводимого образа: ‘крестьянин-земледелец; простой человек, (преимущественно) занимающийся физическим трудом’. Для более точной характеристики культурной оценки *смерда* и для подтверждения символического статуса вторичного значения необходим дополнительный диахронический анализ.

Лексикографическим признаком символического значения служит непоследовательность его словарной фиксации, а в случае фиксации — обязательное указание на вторичный, неосновной характер такого значения: подробнее о критериях выделения символического значения см.: Алексеев, 2022, т. 1, с. 179–193. Символическое значение является диахронической категорией, поскольку отражает реализацию коннотации и прагматики в определенных контекстах и их дальнейшее закрепление в семантической структуре слова. Исследование таких процессов особенно актуально в последние годы: «semantic changes are enabled by the conventionalization of the contextualized lexical meaning which is motivated by the combined action of multiple types of pragmatic mechanisms»¹ (Li, 2024, с. 55). Специальные работы посвящены исследованию семантических изменений в контексте (Cimmino, Vallauri, Baranzini, 2023) и факторам диахронической прагматики (Reber, Jucker, 2023). Можно утверждать, что символическое значение слова — один из основных механизмов для перевода коннотативных и прагматических компонентов смысла в область узуальных лексических значений.

Толкование слова *смерд* в словарях современного русского языка почти всегда содержит указание на два значения, причем в качестве основного указано первичное, сословное значение. Коннотативное значение может толковаться как историзм, реализуемый только в древнерусской системе отношений: «1. В древней Руси — крестьянин-земледелец. || Впоследствии — презрит. обозначение крепостного крестьянина (в устах помещика, представителя власти). 2. Простолюдин, незнатный человек, *в противоп.* князю, дружиннику» (Ушаков, 1940, с. 296). Иногда вторичное коннотативное значение вовсе не фиксируется: «В древней Руси: крестьянин-земледелец» (Ожегов, 1975, с. 675). Таким образом, нельзя говорить о сформированности переносного значения слова *смерд*: культурная и эмоционально-оценочные коннотации реализуются в структуре символического значения, с опорой на предметный образ. Данное символическое значение носит, видимо, узуальный характер, определяя слово *смерд* как традиционный культурный символ: ср. фиксацию указанного значения в новейшем академическом словаре, причем без указания на устарелый характер: «*Уничиж.* О человеке низкого происхождения» (Большой, 2019, с. 331).

Результаты и дискуссия

Вопрос о происхождении символики *смерда* должен решаться путем рассмотрения этимологии данного слова. М. Фасмер отмечает общеславянский характер социального термина *смырдъ* и наличие соответствующих когнатов не только в древнерусском и старославянском, но и в польском и полабском

¹ «Семантические изменения становятся возможными благодаря конвенционализации контекстуального лексического значения, которое мотивируется совместным действием многих прагматических механизмов» (перевод мой. — А. А.).

языках — в указанных западнославянских языках реализуются значения ‘крестьянин, крестьянство’ (Фасмер, 1987, с. 684). Праславянская форма **smьrdь* признается восходящей к глаголу **smьrděti*, внутренняя форма которого определяется как ‘делаться вонючим, быть похожим на кал, нечистоты’. Такая ярко выраженная оценочная мотивированность не могла не быть источником культурной и эмоциональной коннотации в общеславянском языке. Однако древнерусские источники свидетельствуют о скорее нейтральном характере слова *смьрдь*, которое до XIV–XV веков было не оскорблением, а юридически определенным сословным термином (Алексеев, 2023, с. 2). Обнаруженное противоречие заставляет искать иные этимологические решения для общеславянской номинации **smьrdь*.

Помимо отсутствия эмоциональной оценки у древнерусского существительного *смьрдь*, малая вероятность его производности по отношению к глаголу *смьрдѣти* объясняется также тем, что «сам глагол *смердеть* вторичен по образованию» (Колесов, 2014, с. 131). Общеславянские глаголы с суффиксом **ě* (→ѣ) образовывались «для выражения состояния» (Мейе, 2011, с. 196), т. е. они регулярно являлись вторичными формами, образованными от именных основ, ср.: *бѣлѣти* от *бѣль* (Трубачев, 1975, с. 64), *горѣти*, обладающее именным вокализмом корня и соотносимое с лит. *gãras* (ср.: *жар, горе*) (Трубачев, 1980, с. 42), *дуреть* от *дура* (Трубачев, 1978, с. 161). Следовательно, в паре слов *смьрдѣти* – *смьрдь* в случае их родства словообразовательная мотивированность должна быть обратной: глагол должен быть образован от существительного и обозначать состояние *смьрда* (‘быть похожим, действовать подобно смерду’). Такая семантика, однако, не подтверждается известными употреблениями глагола *смьрдѣти*.

Видимо, глагол **smьrděti* образован от древней индоевропейской основы **smrd* // **smord*: в русском языке ступень чередования с гласным сохранилась в словах *сморд*, *смородина*. Слова с этим корнем со значением ‘резкий, неприятный запах’ широко представлены в балтийских языках, что свидетельствует о появлении глагола **smьrděti* в балтославянский период. В других индоевропейских языках — германских, греческом, латинском — соответствующие когнаты выражают семантические признаки ‘боль’, ‘страдание’, ‘жалить’. Таким образом, древнейшее значение индоевропейского корня — ‘резкое, болезненное воздействие → резкий запах’. Глагол **smьrděti* образован от исходного корня **smord* путем праиндоевропейского количественного чередования, и возникшая форма с нулевой ступенью чередования закономерна для балтославянского языка, а следовательно, древняя и регулярная. На этом фоне отсутствие в балтийских языках собственно сословного значения данного корня выступает еще одним аргументом в пользу того, что славянское *смьрдь* ‘земледелец’ образовалось независимо от пейоративной глагольной основы и не имеет непосредственной словообразовательной связи с глаголом *смьрдѣти*.

Но этимологическое решение для слова *смьрдь* осложняется тем, что, отвергнув связь со *смьрдѣти*, мы не обнаруживаем в славянском лексиконе надежных соответствий. Популярной версией происхождения наименования

смьрдъ является его заимствование или, по крайней мере, родство с иранским словом *merd* ‘мужчина’, что удачно согласуется с гипотезами о выделении славян из состава балтославянской общности в результате взаимодействия с иранскими (скифскими и сарматскими) кочевыми племенами на границе леса и степи (Хабургаев, 1980, с. 51). Однако собственно лингвистическими, этимологическими аргументами это предположение не подтверждается (Фасмер, 1987, с. 685; Miklosich, 1886, с. 310). В. В. Колесов, опираясь на мнение А. С. Львова, восходящее к гипотезе Г. А. Ильинского, выдвинул предположение, что древнерусское название свободного земледельца, *смьрда*, образовано от праславянского «корня с первичным значением ‘дробить, вертеть, двигать’» (Колесов, 2014, с. 132). А. С. Львов подтверждает независимое происхождение сословного наименования *смьрдъ*, с одной стороны, и различных именных и глагольных форм со значением ‘дурной запах’, с другой стороны: «отсутствуют данные, подкрепляющие, что общеслав. **smrdь* ‘земледелец’ было бы отглагольным именем от *smrděti* ‘вонять’» (Львов, 1975, с. 242). Опираясь на мнение А. С. Львова и Г. А. Ильинского, В. В. Колесов предполагал, что название земледельца мотивировано его основной деятельностью: это человек, который дробит, двигает землю.

Между тем Г. А. Ильинский (также отвергавший словообразовательную связь лексем *смьрдъ* и *смьрдѣти*) соотносил занятие *смьрда* (не вполне свободного крестьянина) с понятием тяжелого крестьянского труда, которое обозначается в современном языке словом *страда*. Последовательность слов *страдать* – *страда* – *страдный* – *страдник*, видимо, представляет собой достаточно точную типологическую параллель к праславянской этимологии слова **smrdь*, однако эта параллель, в которой сельские работы сопоставляются со страданием, с тяжелым трудом, развивалась в дальнейшей истории языка, уже в древнерусский период. У глагола *страдати* в древнерусском языке зафиксированы значения ‘выполнять тяжелую работу’ (XI век), ‘обрабатывать, пахать землю’ (XIII век), ‘стараться, заботиться о ком-либо’ (XIII век), ‘испытывать страдания, мучиться’ (XI век), ‘болеть’ (XII век), ‘бедствовать’ (XI век) (Крысько, 2008, с. 119). Таким образом, уже в семантической структуре глагола *страдати*, видимо, оформилось символическое значение, передающее указание на культурную ценность земледельческого труда через образ физического страдания. Это значение было эксплицировано существительным *страдѣникъ*, которое, в свою очередь, выражало соотносимые значения «подвижник» (XII век) и «холоп, занятый на тяжелых сельскохозяйственных работах» (XV век) (Крысько, 2008, с. 120). Можно предположить, что аналогичным образом происходило и развитие семантики общеславянского слова **smrdь*.

Применение семантической типологии позволило Г. А. Ильинскому выявить максимально вероятные этимологические связи праславянского корня **smrd-* ‘страдалец → страдник, земледелец’: «двн. *směrzan* “болеть, причинять боль”, нвн. *schmerzen*, англ. *smart* “острый, горький”; от этих слов обыкновено

не отделяют лат. *mordere* и гр. *σμερδνός* «страшный, ужасный» (Ильинский, 1932, с. 20). В качестве исходного значения праиндоевропейского корня Г. А. Ильинский указывает ‘резать, колоть, мучить’ — и это принципиально отличается от той формулировки, которую предлагает В. В. Колесов. Глагольный этимон, реконструируемый В. В. Колесовым, предполагает действие, переходящее на неодушевленный объект, отсюда ‘дробить, переворачивать → обрабатывать землю’. В трактовке Г. Ильинского праиндоевропейский этимон выражал действие, направленное на одушевленный объект: ‘резать → причинять страдание’. С учетом значения когнатов точка зрения Г. А. Ильинского представляется более обоснованной, поэтому следует признать, что мотивирующее значение (внутренняя форма) общеславянского слова **smьrdь* — ‘тот, кто страдает’.

Характерно, что те же германские когнаты, что указаны Г. А. Ильинским, приводятся этимологами для сопоставления с глаголом *смьрдѣти* (Черных, 1993, с. 79), тем самым реконструируется семантический переход *смьрдѣти* ‘распространять резкий запах’ ← ‘причинять резкую боль’. Следовательно, формы *смьрдь* и *смьрдѣти* все же обладают родством, но не на праславянском, а на более глубоком, праиндоевропейском, уровне. Семантическая филиация праиндоевропейского и праславянского корня была не последовательной, а параллельной: вместо преобразования ‘резкая боль, страдания → резкий запах → неприятный запах → тот, кто воняет → земледелец’ следует признать преобразования ‘резкая боль, страдания → резкий запах → неприятный запах’ и ‘резкая боль, страдания → тот, кто страдает → земледелец’.

Предложенная этимология подтверждается фактами письменного периода: употребление слова *смьрдь* (*смрьдъ*) в старославянском языке свидетельствует о существовании в общеславянском лексиконе этимологического символического значения *смьрдь* ‘тот, кто страдает — человек низкого сословия (простой земледелец)’. Символическое значение такого типа образуется совмещением внутренней формы (этимологического значения, значения этимона) и актуального прямого значения слова (Алексеев, 2022, т. 1, с. 226). Подобное совмещение можно наблюдать в тексте Супрасльской рукописи: «О вьсѣкомъ бо крѣстьянѣ, казнѣ цѣсарьска лежить, любо оубогъ ѣсть любо богатъ, любо сановитъ любо смрьдъ, то ни того поштадить сждѣ» (Цейтлин, 1994, с. 671). В «Старославянском словаре» дается следующее толкование реализованному в приведенном контексте значению: «простой, низкий (по происхождению)» (Там же). Такая семема представляет собой непосредственное означаемое слова и одновременно означающее символического значения, его предметно-понятийную основу. Для определения символического означаемого, т. е. обобщенной культурной оценки, скрытой во внутренней форме слова, необходимо обратиться к переведенному греческому выражению, также указанному в «Старославянском словаре»: τῆς οἰχτρᾶς τύχης. Буквально это означает ‘(человек) несчастливой судьбы’: τύχη ‘судьба, участь’ (Дворецкий, 1958, с. 1657); οἰχτρὸς ‘достойный сожаления, внушающий сострадание; жалостный, жалобный,

горестный' (Дворецкий, 1958, с. 1158). Таким образом, при переводе греческого текста Супрасльской минеи для замены номинации τῆς οἰκτρῆς τύχης было использовано славянское существительное с максимально близкой внутренней формой — *смьрдъ* 'тот, кто страдает'.

Итак, в общеславянском языке слово *смьрдъ* приобрело номинативное значение 'земледелец', но сохраняло культурную коннотацию (культурную значимость), определяемую внутренней формой, — 'страдающий человек'. Отличие культурной коннотации от эмоциональной состоит в том, что признаки культурной коннотации носят имплицитный характер и не всегда реализуются в контексте. Эмоциональная коннотация имеет обязательный характер и используется говорящим для выражения своего отношения к объекту высказывания. Культурная коннотация (культурная значимость) эксплицируется символическими значениями слова (Алексеев, 2022, т. 1, с. 89–103) и отражает обобщенную оценку языкового коллектива, определяемую всей культурной ситуацией той или иной эпохи. При семантическом развитии слова культурная коннотация может становиться источником эмоциональной коннотации.

Г. А. Ильинский в цитируемой выше работе высказал предположение, что первоначальное значение слова *смьрдъ* было более широким (т. е. синкретичным, что соответствует той стадии развития лексического концепта, когда первоначальный признак внутренней формы распространяется на значительное, не вполне определенное число объектов). Слово *смьрдъ* могло указывать на всякого страдающего человека, в частности им обозначались «пленники, которых славяне брали в таком большом числе во время своих набегов на соседние земли» (Ильинский, 1932, с. 22). При таком понимании объема понятия праславянской лексемы *смьрдъ* нельзя исключать развития ассоциативных связей с созвучными словами, т. е. паронимической аттракции. В результате такого процесса происходило семантическое взаимодействие слова *смьрдъ* не только с исконно родственными формами типа *смьрдѣти*, *смрадѣ*, *смородѣ*, но и при межэтнических контактах и с различными иранскими по происхождению обозначениями человека: см. выше, а также др.-перс. *martiya-* (Фасмер, 1987, с. 84), которые, как уже указано ранее, не могут быть признаны родственными славянскому слову. Однако при паронимической аттракции даже при случайном созвучии при определенных лингвокультурных условиях слова могли обмениваться коннотациями и номинативными признаками.

Заключение

Сопоставление всех источников культурной коннотации слова *смьрдъ* позволяет реконструировать его праславянскую культурную значимость следующим образом: 'несчастный, обделенный; пленник; чужак, не вполне настоящий человек (дурно пахнущий)'. Такое восприятие *смьрда* как чужого

и неполноценного было, видимо, вполне естественным в рамках антропологических представлений языческой культуры: истинным человеком признается только «свой», принадлежащий к тому же роду, к тому же этносу. Такая логика подтверждается примерами этнонимов, которые являются самоназваниями: автоэтнонимы (эндоэтнонимы) обычно мотивируются признаками ‘человек’, ‘люди’, ‘свой’, ‘народ’ (Ярцева, 2000, с. 598). Славянский эндоэтноним образован по такой же модели: *славяне (словѣне)* — ‘те, кто владеет словом; кто умеет говорить, обладает членораздельной речью; т. е. полноценные люди’. С развитием у славян классовых отношений название *смьрдъ* и, возможно, его культурные коннотации были перенесены на низший, зависимый, эксплуатируемый класс (рядовых земледельцев).

Однако с принятием христианства прежнее языческое мировоззрение, предполагающее онтологическое неравенство различных по происхождению групп людей, не могло сохраниться. Древнейшая культурная значимость слова *смьрдъ* вступила в противоречие с его новым культурным контекстом. Например, в Поучении Владимира Мономаха указывается особая добродетель князя-христианина — милостивое отношение к смердам (Алексеев, 2023, с. 62). Такая культурная оценка связана с переосмыслением образа страдания в христианском обществе: страдание перестает быть признаком изгоя и становится свойством человека, приближенного к Богу. Характерно, что более позднее существительное *страдникъ*, которое также выражало образ страдания, что было отмечено ранее, содержит уже исключительно христианскую культурную значимость, о чем свидетельствует развитие двух значений (см. выше), совмещение которых позволяло выразить потенциальное символическое значение: *страдникъ* ‘земледелец, выполняющий тяжелую работу — подобный христианскому подвижнику’. Языческая культурная значимость социального термина *смьрдъ* определила его постепенное устаревание. Однако этот процесс был чрезвычайно длительным по времени: замена слова *смердъ* словами *крестьянинъ* и *мужикъ* произошла только в старорусский период. Сохранение старого термина в древнерусский период должно свидетельствовать о постепенном, не резком преобразовании культурных ценностей от языческих к христианским.

Слово *крѣстианинъ (христианинъ, хръстианинъ)* в древнерусском языке выражало значения ‘исповедующий христианство’ и ‘православный, житель Русской земли’. Выделение самостоятельного сословного значения произошло в XV веке: «И яз пожаловал старосту Городецьког(о) и всѣ(хъ) хръстьянь, велѣлъ есми имъ тѣ пожни... выкупити. Жал. льгот. гр. Кирилл.-Бѣлоз. мон. 1448–1468 г.» (Срезневский, 1912, с. 1404). «Се язъ, княз(ь) Феод(о)ръ Федорович пожаловал есми игумена з брат(ь)ею Толсково деревнею Куколцинымъ, и с лѣсом, и с пожнями... и кто в ней имет жити кр(е)стиян... АСВР III, 238, ок. 1430–40 гг.» (Филин, 1981, с. 49). Наряду с заменой *смердъ* → *крестьянинъ* в письменности XV века отразилась и другая замена сословного наименования: *смердъ* → *мужикъ* (в Московской повести о походе Ивана III Васильевича

на Новгород) (Алексеев, 2022, с. 140). Появление новых номинаций земледельца позволило точнее отражать христианскую картину мира, в которой не только утверждалось онтологическое равенство сословий, но и выделялись сельские работники как эталонные представители народа. Такая культурная значимость выражалась специальными символическими значениями: *мужик* ‘земледелец — маленький, незначительный «муж» (т. е. свободный человек)’; *крестьянинь* ‘земледелец — православный, житель Руси’.

Замена слова *смьрдъ* новыми номинациями привела в старорусском языке к дивергенции его древнейшего символического значения. В номинативном употреблении, в качестве сословного термина, слово превратилось в историзм. В то же время имплицитные признаки культурной значимости (культурной коннотации) слова *смьрд* были преобразованы в мотивирующие и дифференциальные признаки вторичного значения, в результате чего в современном русском языке сформировалось переносное коннотативное значение (сохраняющее признаки символического): *смьрд* ‘грубый, необразованный, недостойный человек (неполноценный человек)’. Эмоционально-оценочное коннотативное употребление слова *смьрдъ* исторический словарь отмечает уже в текстах XV века. Однако выделение данной семемы как самостоятельного значения происходило постепенно и завершилось только в современном языке: впервые разграничение двух значений, сословного и эмоционально-оценочного, представлено в словаре Д. Н. Ушакова (см. выше). Современная эмоциональная оценочность слова *смьрд* опирается на ключевой признак культурной значимости, который достаточно точно определяется диахроническим описанием: *смьрд* ‘человек низкого социального статуса — неполноценный’. Функционирование указанного символического значения в современном языке может стать предметом специального дополнительного исследования.

Список источников

1. *Словарь Академии Российской*. (1794). Ч. 5. Императорская Академия наук.
2. НКРЯ: Национальный корпус русского языка. (2023). (2024, 14 апреля). <https://ruscorpora.ru/new/>
3. *Толковый словарь русского языка*. (1940). Д. Н. Ушаков (Ред.). Т. 4. Государственный научный институт «Советская энциклопедия», ОГИЗ, Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
4. *Словарь современного русского литературного языка*. (1962). Т. 13. Издательство Академии наук СССР.
5. *Словарь русского языка*. (1988). Т. 4. Русский язык.
6. *Большой толковый словарь русского языка*. (2000). С. А. Кузнецов (Ред.). Норинт.
7. *Большой академический словарь русского языка*. (2019). Т. 26. Наука. (2024, 14 апреля). <https://nenadict.iling.spb.ru/publications/2629>.
8. Алексеев, А. В. (2022). *Культурная значимость слова как предмет русской исторической лексикологии* [Диссертация ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Москва].
9. Li, X. (2024). Lexical meaning contextualization and semantic changes: The case of the Mandarin Chinese discourse marker *dangran*. *Journal of Pragmatics*, 221, 54–75.

10. Cimmino, D., Vallauri, E. L., & Baranzini, L. (2023). The dynamic contribution of implicit meaning to the context: Variability in real usage. *Journal of Pragmatics*, 217, 1–6.
11. Reber, E., & Jucker, A. H. (2023). Diachronic pragmatics: New perspectives on recent developments of spoken English. *Journal of Pragmatics*, 216, 67–74.
12. Ожегов, С. И. (1975). *Словарь русского языка*. Русский язык.
13. Фасмер, М. (1987). *Этимологический словарь русского языка*. Т. 3. Прогресс.
14. Алексеев, А. В. (2023). Номинация и коннотация в истории слова смерд. В М. Вас. Пименова (Ред.). *Языковые категории и единицы: синтагматический аспект* (с. 61–62). Транзит-ИКС.
15. Колесов, В. В. (2014). *Древнерусская цивилизация. Наследие в слове*. Институт русской цивилизации.
16. Мейе, А. (2011). *Общеславянский язык*. Либроком.
17. *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд*. (1975). О. Н. Трубачев (Ред.). Вып. 2. Наука.
18. *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд*. (1980). О. Н. Трубачев (Ред.). Вып. 7. Наука.
19. *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд*. (1978). О. Н. Трубачев (Ред.). Вып. 5. Наука.
20. Хабургаев, Г. А. (1980). *Становление русского языка*. Высшая школа.
21. Miklosich, F. von. (1886). *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*. W. Braumüller.
22. Львов, А. С. (1975). *Лексика «Повести временных лет»*. Наука.
23. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* (2008). В. Б. Крысько (Ред.). Вып. 28. Наука.
24. Ильинский, Г. (1932). К вопросу о смердах. *Slavia Occidentalis*, 11, 18–22.
25. Черных, П. Я. (1993). *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. Т. 2. Русский язык.
26. *Старославянский словарь*. (1994). Р. М. Цейтлин (Ред.). Русский язык.
27. Дворецкий, И. Х. (1958). *Древнегреческо-русский словарь*. ГИС.
28. *Языкознание: Большой энциклопедический словарь*. (2000). В. Н. Ярцева (Ред.). Большая Российская энциклопедия.
29. Срезневский, И. И. (1912). *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. Т. 3. Издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук.
30. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* (1981). Ф. П. Филин (Ред.). Вып. 8. Наука.
31. Алексеев, А. В. (2022). От мужа к мужику: трансформация сословного наименования. В С. А. Васильев (Ред.). *Русистика и компаративистика* (с. 131–144). Книгодел.

References

1. *Dictionary of the Russian Academy of Sciences*. (1794). Part 5. Imperatorskaya Akademiya nauk. (In Russ.).
2. *RNC: Russian national corpus*. (2023). (2024, April 14). (In Russ.). <https://ruscorpora.ru/new/>
3. *Explanatory dictionary of the Russian language*. (1940). D. N. Ushakov (Ed.). Vol. 4. Gosudarstvennyj nauchnyj institut «Sovetskaya enciklopediya», OGIz, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej. (In Russ.).

4. *Dictionary of the modern Russian literary language*. (1962). Vol. 13. Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russ.).
5. *Dictionary of the Russian language*. (1988). Vol. 4. Russkij yazyk. (In Russ.).
6. *A large explanatory dictionary of the Russian language*. (2000). S. A. Kuznetsov (Ed.). Norint. (In Russ.).
7. *A large academic dictionary of the Russian language*. (2019). Vol. 26. Nauka. (2024, April 14). (In Russ.). <https://nenadict.iling.spb.ru/publications/2629>
8. Alekseev, A. V. (2022). *The cultural significance of the word as a subject of Russian historical lexicology* [Dissertation for D. Sc. (Philology): 10.02.01. Moscow]. (In Russ.).
9. Li, X. (2024). Lexical meaning contextualization and semantic changes: The case of the Mandarin Chinese discourse marker dangran. *Journal of Pragmatics*, 221, 54–75.
10. Cimmino, D., Vallauri, E. L., & Baranzini, L. (2023). The dynamic contribution of implicit meaning to the context: Variability in real usage. *Journal of Pragmatics*, 217, 1–6.
11. Reber, E., & Jucker, A. H. (2023). Diachronic pragmatics: New perspectives on recent developments of spoken English. *Journal of Pragmatics*, 216, 67–74.
12. Ozhegov, S. I. (1975). *Dictionary of the Russian language*. Russkij yazyk. (In Russ.).
13. Fasmer, M. (1987). *Etymological dictionary of the Russian language*. Vol. 3. Progress. (In Russ.).
14. Alekseev, A. V. (2023). Nomination and connotation in the history of the word *smerd*. In M. Vas. Pimenova (Ed.). *Language categories and units: a syntagmatic aspect* (pp. 61–62). Transit-X. (In Russ.).
15. Kolesov, V. V. (2014). *The ancient Russian civilization. The legacy is in the word*. Institut russkoj civilizacii. (In Russ.).
16. Meyer, A. (2011). *The common Slavic language*. Librocom. (In Russ.).
17. *Etymological dictionary of Slavic languages: Proto-Slavic lexical fund*. (1975). O. N. Trubachev (Ed.). Issue 2. Nauka. (In Russ.).
18. *Etymological dictionary of Slavic languages: Proto-Slavic lexical fund*. (1980). O. N. Trubachev (Ed.). Issue 7. Nauka. (In Russ.).
19. *Etymological dictionary of Slavic languages: Proto-Slavic lexical fund*. (1978). O. N. Trubachev (Ed.). Issue 5. Nauka. (In Russ.).
20. Khaburgaev, G. A. (1980). *The formation of the Russian language*. Vysshaya shkola. (In Russ.).
21. Miklosich, F. von. (1886). *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*. W. Braumüller.
22. Lvov, A. S. (1975). *The vocabulary of the «Tale of bygone years»*. Nauka. (In Russ.).
23. *Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries*. (2008). V. B. Krysko (Ed.). Issue 28–24. Nauka. (In Russ.).
24. Ilyinsky, G. (1932). To the question of *smerds*. *Slavia Occidentalis*, 11, 18–22. (In Russ.).
25. Chernykh, P. Ya. (1993). *Historical and etymological dictionary of the modern Russian language*. Vol. 2. Russkij yazyk. (In Russ.).
26. *Old Slavonic dictionary*. (1994). R. M. Zeitlin (Ed.). Russkij yazyk. (In Russ.).
27. Dvoretzky, I. H. (1958). *Ancient Greek-Russian dictionary*. GIS. (In Russ.).
28. *Linguistics: A large encyclopedic dictionary*. (2000). V. N. Yartseva (Ed.). Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya. (In Russ.).
29. Sreznevsky, I. I. (1912). *Materials for the dictionary of the ancient Russian language on written monuments*. Vol. 3. Izdanie Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii nauk. (In Russ.).

30. *Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries*. (1981). F. P. Filin (Ed.). Issue 8. Nauka. (In Russ.).
31. Alekseev, A. V. (2022). From husband to man: the transformation of the class name. In S. A. Vasiliev (Ed.). *Russian studies and comparative studies* (pp. 131–144). Knigodel. (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the author

Александр Валерьевич Алексеев — доктор филологических наук, доцент, профессор департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ, профессор кафедры общего языкознания имени И. Г. Добродомова Московского педагогического государственного университета, профессор кафедры славянской филологии Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Alexander V. Alekseev — D. Sc. (Philology), Docent, Professor of the Department of Philology at the Institute of Humanities of Moscow City University, Professor of the Department of General Linguistics named after I. G. Dobrodomov at Moscow Pedagogical State University, Professor of the Department of Slavic Philology at St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 811.161.1'1

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.08

КОНЦЕПТ «РАДОСТЬ» И ЕГО ЯЗЫКОВЫЕ ВОПЛОЩЕНИЯ

Девятова Надежда Михайловна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

deviatovan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-003-1591-364>

Аннотация. В статье рассматриваются языковые воплощения концепта *радость* — синтаксические конструкции, включающие в себя однокоренные слова словообразовательного гнезда: *радость* (в разных падежных формах), *радостный*, *радостно*, *радоваться* и др., — и их особенности в представлении соответствующего состояния.

Самыми богатыми возможностями обладают модели с существительным, которые, привлекая эпитеты и метафоры, тонко нюансируют такие значимые смыслы, как интенсивность проявления состояния, его направленность вовне, количество признака и др. Как выражение высокой степени проявления состояния, рассматриваются и фразеологически связанные модели *Радости-то*, *Вот радость так радость*.

Модели с прилагательным *радостный* позволяют очертить границы приложения радости — все то, что может быть причиной радости и пространством ее проявления.

Различие в значении синонимичных моделей мы связываем с характером видовременного значения разнообразных синтаксических конструкций.

Предложения с глаголом *радоваться* выражают длящееся состояние — передают имперфективный признак, тогда как с прилагательным *рад* — результативный признак. Выявленное различие может быть представлено как имперфективно-процессуальное значение или значение перфектное. Ту же оппозицию можно наблюдать и при сопоставлении моделей с наречием *радостно* и падежной формой *с радостью*.

Ключевые слова: концепт, радость, диктум, состояние длящееся, состояние результативное.

Для цитирования: Девятова, Н. М. (2024). Концепт «радость» и его языковые воплощения. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(54), 108–119. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.54.2.08>

Original article

UDC 811.161.1'1

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.08

RADOST' / JOY CONCEPT AND LINGUISTIC EMBODIMENTS**Nadezhda M. Devyatova**Moscow City University,
Moscow, Russia,deviatovan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-003-1591-364>

Abstract. The article considers the linguistic embodiments of *radost' / joy* concept, namely the syntactic constructions that include the same-root words of the word-formation nest: *radost', radostnyi, radostno, radovat'sia / joy, joyful, joyfully, rejoice*, etc. as well as the ways of representing the corresponding state.

They have the richest possibilities with the noun, which, by attracting epithets and metaphors, subtly hints on such significant meanings as the intensity of state manifestation, its outward orientation, the «quantity» of the sign, etc. Representing a high degree of state manifestation, phraseologically related models are also considered (*Radosti-to / That's joy. Vot radost tak radost / Such joy*).

Models containing the adjective *radostnyi / joyful* help to outline the reasons for rejoicing — everything that can bring joy.

We associate the difference in the meaning of synonymous models with the nature of the species-temporal meaning of various syntactic constructions. Models with different parts of speech represent the temporal meaning of a sentence in different ways. A sentence with the verb *radovat'sia / to rejoice*, represents a lasting state whereas the adjective *glad* emphasizes result. The difference can be represented as an imperfective-procedural value and a perfect value.

The same opposition can be observed when comparing models with the adverb *radostno / joyfully* and the prepositional form *s radosti / with joy*.

Keywords: concept, dictum, joy, lasting state, productive state.

For citation: Devyatova, N. M. (2024). *Radost' / joy* concept and linguistic embodiments. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(54), 108–119. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.54.2.08>

Теперь, когда много лет прошло и я все испытал,
я думаю, что не горе дает нам понимание жизни всей
во всем родстве... все-таки радость.

М. М. Пришвин

Введение

Современная лингвистика ориентирована на фигуру говорящего и ставит ее в центр языковой системы. Человек живет в языке, выражает себя в языке, и сам язык многое говорит нам о человеке. Проявления языковой личности многообразны. Человек в языке — это человек действующий, мыслящий, чувствующий. Он может выступать как предмет изображения —

субъект диктума — субъект действия, состояния, качества и др. — или как субъект изображающий — модусный субъект. О модусе как категории предложения и текста существует значительная литература, см., например, (Балли, 1955; Орехова, 2011) и др. В настоящей работе речь идет о такой реализации человека, как субъект радости — чувства и состояния. Подобный субъект выступает в предложении как субъект диктума.

Концепт «радость» исследовался в лингвистике в связи с проблемой семантического представления эмоций (Апресян, В. Ю., Апресян, Ю. Д., 1993) в проекте интегрального описания языка, проблем толкования языка эмоций и семантических примитивов, связей языка и национального характера (Вежбицкая, 1996), возможностей когнитивного подхода при описании эмоций и др. Много работ посвящено сравнительному изучению концепта в разных языках (Заяц, 2006; Арсланбекова, 2022) и др.

В настоящей работе мы ограничимся описанием разнооформленных синтаксических конструкций, содержащих предикат *радость* в его разных морфологических формах.

Целью статьи является исследование концепта *радость* и его отдельных составляющих: *радовать/ся, рад, радостно, радостный, радость* в разных падежных формах. Наша задача — описать многообразие синонимичных синтаксических конструкций, включающих в себя разные морфологические формы, указать их сходства и различия, продемонстрировать возможности каждой из моделей.

Синтаксический подход предполагает анализ отдельных синтаксических реализаций концепта как конструкций, организующих синонимический ряд.

Материал исследования составили синтаксические конструкции, имеющие в своем составе предикат *радость*: падежные формы, глаголы, прилагательные.

Новизна работы — в предьявлении особенностей отдельной синтаксической конструкции как члена синонимического ряда, обладающей своими уникальными характеристиками.

Особенности синтаксической реализации концепта *радость*

Антонимом радости в языке является печаль. В свою очередь, радость и печаль являются реализациями более общих состояний — счастья и горя (об истории слова *печаль* от X–XI века до настоящего времени речь идет в статье А. В. Алексеева (Алексеев, 2014).

Радость — это одно из проявлений счастья. Человек, испытывающий радость, человек счастливый. О концепте счастья см., например, (Воркачев, 2004; Девятова, 2018) и др. О взаимопроникновении концептов радости и счастья см.: (Геймбух, 2019, с. 62; Казмирчук, 2010, с. 153) и др.

Сама радость — это чувство, активно проявляющееся, увлекающее в свою сферу действия других; чувство, обращенное вовне. Радость служит источником приятного и для самого человека, и для тех, кто находится рядом с ним. Это чувство, примиряющее человека с жизнью, дающее ему силы. Радость — это и дар, и подарок. Разные выражения радости имеют особую ценность для человека.

О значимости и самого чувства, и стоящего за ним языкового концепта говорит богатство его языковых воплощений. Радость имеет богатое словообразовательное гнездо: *рад, радость, радостный, радостно, безрадостный, радовать и радоваться, на радостях*.

Словарь С. И. Ожегова дает такое определение: радость — 1. Веселое чувство, ощущение большого душевного удовлетворения. *Испытывать радость, доставить радость. Вне себя от радости (очень рад). С радостью помогу* (очень охотно, с полной готовностью) (Ожегов, 1991, с. 638).

Будучи отвлеченным существительным, *радость* имеет только форму единственного числа. Форма множественного числа представляет отдельное значение слова: «То, что (тот, кто) вызывает такое чувство. *Радости жизни*» (Ожегов, 1991, с. 638). Слово имеет значение «то, что доставляет радость человеку»: *маленькие радости, женские радости*.

Среди моделей самыми частотными и выразительными являются модели с существительным *радость*. Оно организует множество синтаксических конструкций, в которых, как и другие единицы словообразовательного ряда, выступает в качестве предиката — обозначает приписываемый лицу признак. Богатство смыслов, передаваемых с участием существительного, создается его сочетаемостью, номинативными и художественными метафорами. На богатство выражаемых смыслов работает и вся морфологическая парадигма имени.

Парадигма существительного позволяет тонко дифференцировать смыслы, заложенные в единице, метафоризируя грамматические значения отдельных падежных форм. В выражении предикативного признака могут участвовать все падежные формы. Например: Им. п. *Первая радость и облегчение от перемирия отошли — как не бывало* (М. Метлицкая. И все мы будем счастливы). Именительный падеж существительного может употребляться и в качестве обращения: *Вышел парень, поклонился кучерявой головой: «Ты прощай ли, моя радость, я женюсь на другой»* (С. Есенин. Хороша была Танюша...). Род. п. *Была без радости любовь, разлука будет без печали* (М. Ю. Лермонтов. Договор); *Радости не было*. Дат. п. Ода «К радости» (Бетховен – Шиллер). Вин. п. *Ему все в радость; на радость — Возьми на радость из моих ладоней немного солнца и немного меда* (О. Мандельштам. Возьми на радость из моих ладоней...) — метафоризируются локативные значения падежных форм. Твор. п. *Она отдала бы всю свою жизнь, отдала бы с радостью со слезами умиления* (А. П. Чехов. Душечка) (НКРЯ)¹ — метафоризируется инструментальное падежное значение.

¹ Большая часть примеров взята из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) (ruscorpora.ru). Дата обращения: январь – декабрь 2023 г.

Предл. п. — *в радости и в печали, в горе и радости* — метафоризируется локативное значение падежной формы.

Анализируя модели с существительными со значением состояния, Н. Я. Козел выделяет, например, такую особенность модели В + Предл. п., как интенсивность состояния (Козел, 2007). С. Н. Цейтлин, в свою очередь, отмечает такой значимый признак, как «погруженность в состояние, поглощенность состоянием» (Цейтлин, 1976, с. 178), представляющую метафору локативного значения падежной формы — «нахождение внутри состояния».

Синтаксическими синонимами мы вслед за Г. А. Золотовой будем называть предложения с общим типовым значением, различающиеся способом оформления ключевых опор предложения — субъекта и предиката и других компонентов предложения (Золотова, Онипенко, Сидорова, 2019, с. 189).

Отвлеченное существительное *радость* в силу своего лексического значения обозначает признак и выступает в предложении в качестве предиката. Однако в силу своей морфологии — существительное не имеет предикативных категорий наклонения, времени и лица — для выражения соответствующих значений модели с существительным привлекают глаголы. Такие глаголы, являясь глаголами-компенсаторами (они организуют вместе с существительным описательные предикаты), не имеют полноценного лексического значения. Создавая метафоры состояния, они не только поддерживают существительное своими морфологическими категориями, но и часто привносят дополнительные смыслы. Как подчеркивали Дж. Лакофф, М. Джонсон (Лакофф, Джонсон, 2004), для представления положительных состояний привлекаются метафоры света и цвета. Метафоры света реализуются в сочетаниях: *радость вспыхнула, глаза загорелись от радости, лучистая радость*. Например: *Он видел, как вспыхивали градовские глаза. Вспыхнули от радости, загорелись, ожили* (М. Метлицкая. Плохой хороший день); *Шлет им лучистую радость во мглу / Светлая Дева в иконном углу* (С. Есенин. К теплому свету, на отчий порог...); *До сего времени, просыпаясь вместе с птичками, ты вместе с ними веселилась утром, и чистая, радостная душа светила в глазах твоих, подобно как солнце светится в каплях росы небесной, но теперь ты задумчива, и общая радость природы чужда твоему сердцу* (Н. М. Карамзин. Бедная Лиза).

Метафора цвета реализуется в сочетаниях: *Как цветет его радость...* (Б. Ахмадулина. Лишь июнь Сортавальские воды согрел...); *Нет, не пейзаж влечет меня, / Не краски жадный взор подметил, / А то, что в этих красках светит: / Любовь и радость бытия* (И. А. Бунин. Еще и холоден и сыр...); *О радость красок! Снова, снова / Лазурь сквозь яркий желтый сад / Горит так дивно и лилово, / Как будто ангелы глядят* (И. А. Бунин. О радость красок!).

Радость притягивает и звуковые метафоры: *звонкая радость, веселая радость: Под брюхом жеребенка / В глухую ночь не спать / И радостию звонкой / Лесов не оглашать* (С. Есенин. Прощай, родная пуца...); *Весела твоя радость*

короткая / с громкой песней весной на лугу (С. Есенин. Русь); *Радость запоет* (Е. Евтушенко. Присяга простору).

Хорошее, приятное, положительное, как отмечали Дж. Лакофф и М. Джонсон, передается и ориентационной метафорой — движения вверх (Лакофф, Джонсон, 2004, с. 35). Например: *Как белка на ветке, у солнца в глазах / Запрыгала радость* (С. Есенин. Пропавший месяц); *Радость, как лифт, поднималась в нем от живота к горлу* (В. Токарева. Стрелец).

Частотной является и метафора жидкости: *прилив радости, радость плещется, струится* и др. Например: *В глазах ее плескалась радость и даже счастье* (М. Метлицкая. Гуся); *Меня облила освежающая волна радости — такое огромное, мощное чувство!* (М. Горький. Мои университеты); *Такая радость на душе струится* (Н. Рубцов. Поэзия); *Утолить твою радость и страх* (Б. Кенжеев. Послания). Такие модели выражают внешнее проявление чувства и вовлеченность говорящего в состояние, «захваченность состоянием».

Радость сопровождается и другими состояниями и чувствами: *счастье, восторг, веселье*. Например: *По величавой реке Москве с зелеными берегами ходили смешные и ловкие речные трамвайчики — все радость, восторг* (М. Метлицкая. И все мы будем счастливы). Радость имеет эмоциональные проявления — *бурная радость, радость плещется в глазах; ей весело, радостно*. Радость обнаруживает себя, проявляется как активное состояние, ее трудно скрыть (*неприкрытая радость*), менее характерна скрытая радость. Радость выступает в ряду со счастьем и мыслится как одно из проявлений счастья: счастье и радость. Она по-прежнему, по-детски, счастливо и радостно, беззаботно и наивно, почти безоглядно была влюблена в этот город (М. Метлицкая. И все мы будем счастливы); *Мама вернулась из Ялты накануне и была радостной, возбужденной, счастливой — отдых оказался сказочным* (М. Метлицкая. Три женщины в городском пейзаже).

Состояние может быть разной степени интенсивности. *Радость привлекает для этого свои эпитеты и метафоры: тихая радость, бурная радость, буйная радость, скрытая радость, неприкрытая радость, радость нетленная, большая радость, маленькая радость, сумасшедшая радость, рад до одури*. Признак интенсивности может быть связан и с определенной фазой признака. В организации этого значения участвуют и метафоры тепла, движения: *радость не остыла, долго ли длилась их радость, для кого приходит радость, все прошло: и грусть, и злость, и радость; радость неслышно ушла с тобой*. Интенсивность состояния передается и через идею непрерывности: *сплошная радость*. Например: *Римские каникулы... Сплошная радость и счастье, море и белый песок, безделье и ожидание, и прочая вера, что все — конечно же, все лучшее впереди* (М. Метлицкая. Осторожно, двери закрываются).

Как можно заметить, именно модели с существительным обладают способностью нюансировать тонкие смыслы.

Для передачи длительности состояния, количества радости употребляются временные метафоры. Радость, как и счастье, мыслится как состояние непродолжительное. Радость — это праздник, поэтому он не может длиться долго. Отсюда момент радости: *Но радость, как известно, долгой не бывает, на то она и радость* (М. Метлицкая. Девять дней в октябре). Малое «количество» радости (отсутствие других радостей) передается через частицу *одна*: *Теперь у меня одна радость — грустно усмехалась Ольга Иванова, — длинные ногти и маникюр! То, чего я была лишена всю свою жизнь* (М. Метлицкая. Три женщины в городском пейзаже).

Признаки интенсивности и количества часто выступают вместе. Для передачи такого симбиоза употребляются и другие средства. Например: *Живите тут, а с меня и флигеля довольно. Радость-то господи!* (А. П. Чехов. Душенька); фразеологическая синтаксическая модель: *Вот радость так радость!* Модель передает значение высокой степени признака.

Радость можно принести, подарить — донативная метафора указывает на внешний источник радости. Подлежащее или субъект в таких предложениях выступают как субъект-причина. В подобных контекстах радость — это дар, награда: *подарить радость, принести / не принести радость: Да ничего им и не стоило вытаскивать из заглашника рублей тридцать-сорок и подарить детям радость* (М. Метлицкая. И все мы будем счастливы); *Но этот май радости не приносил* (Там же).

Производное прилагательное *радостный* выражает разные проявления состояния. Оно сочетается с разными существительными, очерчивая «пространство» радости. Как писал Ю. С. Степанов, концепт радости распределен «между материальным объектом, средой и внутренним состоянием человека» (Степанов, 1997, с. 307).

Радость проявляется во внешнем облике человека: *радостная улыбка, радостное лицо, радостный облик, радостный румянец, радостный взгляд*. Например: *Спустя лет десять она случайно встретила Лилю на улице — была середина декабря, город готовился к Рождеству, сиял и сверкал, утопал в елках и рождественских базарах. Приближались рождественские каникулы. А лица у людей были озабоченными и радостными* (М. Метлицкая. И все мы будем счастливы).

Радость может дополнять другие состояния: *радостные слезы, радостный голос, смех, радостное молчание* — молчание, вызванное радостью.

Среди радостных состояний назовем: *радостное нетерпение, возбуждение, предвкушение, впечатление, изумление, удивление, радостное веселье* и др.

Существительное при прилагательном может называть причину, вызывающую радость. Существительное называет событие: *новость, случай, фраза, воспоминание, встреча*. Как можно видеть, сочетания с прилагательным создают чаще полипропозитивные конструкции, в которых существительное называет причину вызывающего состояния, выраженного прилагательным.

Прилагательное сочетается и с конкретными существительными: *радостная картина, радостное место*. Существительное называет пространство, связанное с событиями, которые вызывают состояние радости.

Отношения, соединяющие эти пропозиции, могут быть разными: радостное нетерпение — нетерпение, сопровождающееся радостью; предвкушение радости — ожидание, что будет радость; радостное молчание — молчание, которое доставляет радость; радостная новость — новость, являющаяся причиной радости, и т. п. М. Л. Ковшова (Ковшова, 2021) среди синтаксических особенностей подчеркивает невозможность употребляться с интенсификаторами *совершенно, абсолютно, совсем* и др., что объясняется тем, что «радость — эмоция недолговременная, возникающая в ответ на определенные “стимулы”» (Ковшова, 2021, с. 192).

Модель с глаголом обозначает проявление соответствующего состояния, однако его сочетаемость небогата. Глагол вступает в связь с существительным в Дат. п., называющим причину состояния: *радоваться чему? — квартире, покупкам, успехам, жизни*. Например: *А как родители радовались этой квартире-клетушке. Все, что отец заслужил за долгую службу* (М. Метлицкая. И все мы будем счастливы); *А как она ему радовалась! Димулька пришел! Лучший друг* (М. Метлицкая. Миленький ты мой). Если причина в человеке, этот смысл может оформляться как *радоваться за кого: Любка обиделась насмерть. Иван пытался ей объяснить, что надо радоваться за дочь, просто научиться быть счастливыми* (М. Метлицкая. В тихом городке у моря).

Причина может оформляться как *за кого, за что*: — *Ну да, и ее можно понять. За что ей было меня любить и чему радоваться?* (М. Метлицкая. В следующем году — обязательно). Беспричинная радость бывает редко. Причина называется и фразеологическим сочетанием *чего радоваться или за кого? Радоваться за мать. Радоваться на что — радовался я на вскопанные грядки* (С. Дрожжин. Под черемухой).

Причина может называться в окружающем контексте и представлять придаточное предложение. Например: *Хорошая была свадьба. Свекровь, Вера Самсоновна, искренне радовалась, когда они отправились в кафе* (М. Метлицкая. И все мы будем счастливы). Причина радости — возможность отметить свадьбу в кафе. Или: *Я умею теперь только желать ежеминутно Вам счастья и радоваться, если Вы счастливы* (А. И. Куприн. Гранатовый браслет). Глагол передает дящееся состояние. Радость должна быть уместной, поэтому радость не к месту не приветствуется.

Глагол радоваться может распространяться наречием, передающим характер проявления чувства: *искренне, неискренне, притворно радоваться*. Действие, названное глаголом, часто имеет наблюдателя, который отмечает искренность/неискренность проявления чувства. Человек радующийся хочет разделить с кем-то свою радость, поэтому субъект радости может быть неединичный: *радоваться вместе с нами, вместе радоваться*.

Человек по-разному может проявлять свою радость, поэтому можно *тихо радоваться, радоваться от души, сердечно радоваться* (это большая степень проявления состояния), радоваться вслух. Интенсивность проявления признака выражается с помощью сравнения: *радоваться как ребенок, как дитя*. Сравнения, представляющие состояние радости, немногочисленны. Частотное сравнение *как ребенок, как дитя* актуализует такие признаки эталона сравнения, как непосредственность, искренность, чистота чувства. (О значении и грамматическом устройстве отдельных сравнительных конструкций см.: Девятова, 2011). Например: *Она была такая счастливая, что мне стало смешно! Радовалась, как малый ребенок* (М. Метлицкая. Миленький ты мой); *Был у них дачный участок — тесть получил на работе. Радовался, как дитя*. (М. Метлицкая. Осторожно, двери закрываются).

Наречие и слово категории состояния *радостно* может создавать монопропозитивное высказывание или обозначать сопровождающее основной признак состояние: *радостно произнес, радостно ответил, радостно уступить, радостно дружить, радостно улыбалась*. Радость вступает в связь с разными глаголами — со значением действия, межличностных отношений (*радостно дружить, радостно уступить женщине*), состояния. Например: *Мне так просто и радостно снилось: / Ты стояла одна на крыльце / И рукой от зари заслонялась, / А заря у тебя на лице* (В. Набоков. Мне так просто и радостно снилось...); *Теперь все время принадлежит ему, и идет он неторопливо, теперь вся земля принадлежит ему, и ступает он твердо, как повелитель, как царь, как тот, кто беспредельно и радостно в этом мире одинок* (Л. Андреев. Иуда Искариот).

Сопровождающее состояние выражает и синтаксема *с радостью*. *Радостно* и *с радостью*, как правило, не встречаются в одинаковых контекстах. Различие мы связываем с таким признаком, как характер передаваемого видовременного значения. *Радостно* передает наблюдаемое состояние, сопровождающее действие или другое состояние лица. Наречие, как и глагол *радоваться*, передает длящееся состояние. При этом состояние *радостно* мыслится в имперфективной функции — в качественно-характеризующем значении. О текстовых функциях видовременных форм см.: (Золотова, Онипенко, Сидорова, 2019, с. 27–28). Например: *Папа приносил ей цветы — обычные, полевые: васильки, ромашки. И мама радостно улыбалась* (М. Метлицкая. Миленький ты мой). Ср.: **с радостью улыбалась*. Наречие *радостно* обозначает разворачивающееся во времени состояние.

Первичной функцией синтаксемы *радостно* является употребление в контексте репродуктивного регистра. Такой текст предполагает наблюдателя, на глазах которого разворачивается ситуация. Например: *Ника быстро оделась, примирительно чмокнула Илью в щеку и радостно выскочила на улицу* (М. Метлицкая. Я тебя отпускаю). ** с радостью выскочила на улицу*.

Как наречие не допускает замены на *с радостью*, так и последнее не заменяется наречием: *Все ее поддержали: и мать — та вообще с радостью, —*

и друзья, и Катерина (М. Метлицкая. В следующем году — обязательно). Отличие свернутой пропозиции *с радостью* мы видим в его перфективном значении: *с радостью согласилась* — испытала радость, когда согласилась. С радостью представляет результат соответствующего состояния. Приведем встречающиеся примеры: *с радостью согласилась, с радостью выходит замуж, приняли с радостью, с радостью посещать школу, вспоминается с радостью, помогали им с радостью, дал согласие с радостью, с радостью вышлем деньги на дорогу, простился с радостью* и др.

Наречие, как можно заметить, не соединяется с глаголами в будущем времени, чему препятствует их «имперфективный» смысл.

Заключение

Анализ синтаксических конструкций, передающих концепт *радость* в русском языке, позволил выявить их оригинальные смыслы, отражающиеся в их сочетаемости, языковых и художественных метафорах и эпитетах, подтверждающих мысль о национальной специфичности концепта.

Разнообразие синтаксических реализаций дает возможность тонко нюансировать разные проявления эмоционального состояния.

Глагол *радоваться* и наречие *радостно* передают непосредственно разворачивающееся состояние, которое выражается в определенных действиях. Их синтаксическое своеобразие обнаруживается в том, что значение соответствующих моделей опирается на имперфективно-характеризующее значение. *Рад* и *с радостью* выражают перфектный признак — результат соответствующего состояния.

Интенсивность чаще выражается моделями с существительным, для чего используются разные метафоры — размера, движения вверх, света, жидкости и др. Существительное за счет своей падежной парадигмы может передавать тонкие оттенки смысла. Можно говорить о концептуализации отдельных падежных форм: *на радость, в радости* и др.

Прилагательное *радостный* очерчивает пространство радости — все то, что вызывает радость, становится ее причиной.

Радость осознается человеком как дар, как проявление счастья. Человек, испытывающий радость, счастливый человек.

Список источников

1. Балли, Ш. (1955). *Общая лингвистика и вопросы французского языка*. Издательство иностранной литературы.
2. Орехова, Е. Н. (2011). *Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции* [Диссертация... д-ра филол. наук: 10.02.01. Москва].
3. Апресян, В. Ю., & Апресян, Ю. Д. (1993). *Метафора в семантическом представлении эмоций. Вопросы языкознания*, 3, 27–35.
4. Вежицкая, А. (1996). *Язык. Культура. Познание*. Русские словари.

5. Заяц, И. Г. (2006). *Языковая репрезентация эмоциональных концептов «радость» и «горе» в средневерхненемецком языке* [Диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.04. Санкт-Петербург].
6. Арсланбекова, Н. Э. (2022). *Концепт радость в тексте художественного произведения* [Диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.20. Джалал-Абад].
7. Алексеев, А. В. (2014). Символические значения в истории слова *печаль*. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», 3(15), 45–51.*
8. Воркачев, С. Г. (2004). *Счастье как лингвокультурный концепт*. Монография. Гнозис.
9. Девятова, Н. М. (2018). Счастье и блаженство в русской языковой картине мира. *Kalba ir kontekstai* (pp. 181–187). Litvos edukologijos universiteto leidykla.
10. Геймбух, Е. Ю. (2019). Лексико-семантическое поле «счастье» в композиционно-речевой структуре одноименной миниатюры В. П. Астафьева (к 95-летию со дня рождения). *Русский язык в школе, 80(2), 62–66.*
11. Казмирчук, О. Ю. (2010). *Творчество раннего Пастернака и поэтика символизма* [Диссертация ... канд. филол. наук: 10.01.01. Москва].
12. Ожегов, С. И. (1991). *Словарь русского языка: 70 000 слов*. Н. Ю. Шведова (Ред.). 23-е изд., испр. Русский язык.
13. Козел, Н. Я. (2007). *О способах выражения субъекта в предложении: именительный и косвенные падежи*. *Русский язык в школе, 8, 58–64.*
14. Цейтлин, С. Н. (1976). Синтаксические модели со значением психического состояния и их синонимика. В *Синтаксис и стилистика* (с. 161–181).
15. Золотова, Г. А., Онипенко, Н. К., & Сидорова, М. Ю. (2019). *Коммуникативная грамматика русского языка*. Институт русского языка РАН.
16. Лакофф, Дж., & Джонсон, М. (2004). *Метафоры, которыми мы живем*. Едиториал УРСС.
17. Степанов, Ю. С. (1997). *Константы. Словарь русской культуры*. Академический Проект.
18. Ковшова, М. Л. (2021). Прилагательное «радостный»: значение и формы употребления. *Родной язык, 1, 186–198.*
19. Девятова, Н. М. (2011). Сходство как сравнительный смысл и его языковые репрезентации. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология, 2, 7–13.*

References

1. Bally, S. (1955). *General linguistics and questions of the French language*. Izdatel'stvo inostrannoj literatury. (In Russ.).
2. Orekhova, E. N. (2011). *Subjective modality of utterance: form, semantics, functions* [Dissertation ... Doctor of Philological Sciences: 10.02.01. Moscow]. (In Russ.).
3. Apresyan, V. Yu., & Apresyan, Yu. D. (1993). Metaphor in the semantic representation of emotions. *Voprosy Jazykoznanija, 3, 27–35.* (In Russ.).
4. Vezhbitskaya, A. (1996). *Language. Culture. Cognition*. Russkie slovari. (In Russ.).
5. Zayats, I. G. (2006). *Linguistic representation of the emotional concepts of «joy» and «sorrow» in the Middle High German language* [Dissertation for the PhD (Philology): 10.02.04. Saint-Petersburg]. (In Russ.).

6. Arslanbekova, N. E. (2022). *The concept of joy in the text of a work of art* [Dissertation for the PhD (Philology): 10.02.20. Jalal-Abad]. (In Russ.).
7. Alekseev, A. V. (2014). Symbolic meanings in the history of the word *sadness*. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(15), 45–51. (In Russ.).
8. Vorkachev, S. G. (2004). *Happiness as a linguistic and cultural concept*. Monograph. Gnosis. (In Russ.).
9. Devyatova, N. M. (2018). Happiness and bliss in the Russian language picture of the world. In *Kalba ir kontekstai* (pp. 181–187). Litwos edukologijos universiteto leidykla. (In Russ.).
10. Geimbukh, E. Yu. (2019). Lexico-semantic field «happiness» in the compositional and speech structure of the miniature of the same name by V. P. Astafiev (to the 95th anniversary of his birth). *Russkij yazyk v shkole*, 80(2), 62–66. (In Russ.).
11. Kazmirchuk, O. Yu. (2010). *The work of early Pasternak and the poetics of symbolism* [Dissertation for the PhD (Philology): 10.01.01. Moscow]. (In Russ.).
12. Ozhegov, S. I. (1991). *Dictionary of the Russian language: 70,000 words*. N. Y. Shvedova (Ed.). 23rd ed., revised. Russkij yazyk. (In Russ.).
13. Kozel, N. Ya. (2007). On the ways of expressing the subject in a sentence: nominative and indirect cases. *Russkij yazyk v shkole*, 8, 58–64. (In Russ.).
14. Tseitlin, S. N. (1976). Syntactic models with the meaning of a mental state and their synonymy. In *Syntax and stylistics* (pp. 161–181). (In Russ.).
15. Zolotova, G. A., Onipenko, N. K., & Sidorova, M. Yu. (2019). *Communicative grammar of the Russian language*. Institut russkogo yazyka RAN. (In Russ.).
16. Lakoff, J., & Johnson, M. (2004). *Metaphors that we live by: Translated from English*. Editorial URSS. (In Russ.).
17. Stepanov, Yu. S. (1997). *Constants. Dictionary of Russian Culture*. Akademicheskij Proekt. (In Russ.).
18. Kovshova, M. L. (2021). The adjective «joyful»: the meaning and forms of use. *Rodnoj yazyk*, 1, 186–198. (In Russ.).
19. Devyatova, N. M. (2011). Similarity as a comparative meaning and its linguistic representations. *Bulletin of Moscow State Regional University. Series «Russian Philology»*, 2, 7–13. (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the author

Надежда Михайловна Девятова — доктор филологических наук, доцент, профессор департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Nadezda M. Devyatova — D. Sc. (Philology), Docent, Professor of the Department of Philology at the Institute of Humanities of Moscow City University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Теория языка. Linguistic Theory.
Теория Cross-Cultural
межкультурной Communication
коммуникации Theory

Научная статья

УДК 81:008:069

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.09

КОГНИТИВНЫЕ, СЕМИОТИЧЕСКИЕ И АКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МУЗЕЯ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА

Карасик Владимир Ильич

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина,
Москва, Россия,

vkarasik@yandex.ru, orcid.org/0000-0001-8306-5317

Аннотация. В статье предлагается описание музея как лингвокультурного феномена, включающее его когнитивные, семиотические и акциональные признаки. Первые состоят в объяснении концепта «музей», имеющего понятийные, образные и ценностные характеристики; вторые сводятся к выделению семантических, прагматических и синтаксических особенностей этого объекта, при этом прагматические признаки соотносятся с ценностными концептуальными признаками и могут быть представлены как его эмблематические, аллегорические и символические описания; третьи состоят в формулировке предписаний поведения в музее. Используются методы идентификации словарных дефиниций, контекстуальный и интерпретативный анализ. Музей как городская локация в понятийном плане представляет собой культурный центр для экспозиции предметов искусства, истории и науки, его образно-перцептивные характеристики сводятся к целям, разновидностям и особенностям его функционирования, его ценностные характеристики акцентируют важность этого учреждения для цивилизации, хотя в некоторых афоризмах проводится идея о том, что эта важность сомнительна и специфична для разных типов людей. В поэтических текстах музей символически ассоциируется с вечностью, поскольку он обеспечивает связь времен. Резко осуждается вандализм по отношению к музеям

и библиотекам как преступление против культуры, говорится о беззащитности музеев. Акциональные характеристики музеев выражены в правилах поведения для посетителей, эти правила вариативны и включают в себя как жесткие запреты, так и рекомендации поведения с их объяснениями. Правила поведения в музеях имеют некоторую этнокультурную специфику, обусловленную ориентацией на определенных посетителей.

Ключевые слова: музей, концепт, эмблема, аллегория, символ.

Для цитирования: Карасик, В. И. (2024). Когнитивные, семиотические и акциональные характеристики музея как лингвокультурного феномена. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(54), 120–135. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.54.2.09>

Original article

UDC 81:008:069

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.09

COGNITIVE, SEMIOTIC AND ACTIONAL FEATURES OF MUSEUM AS A LINGUISTIC AND CULTURAL PHENOMENON

Vladimir I. Karasik

Pushkin State Russian Language Institute,
Moscow, Russia,

vkarasik@yandex.ru, orcid.org/0000-0001-8306-5317

Abstract. The article offers a description of museum as a linguistic and cultural phenomenon, including its cognitive, semiotic and actional features. The first consist in explaining the concept of «museum», which has conceptual, figurative and value-based characteristics, the second highlight its semantic, pragmatic and syntactic features, while the pragmatic features correlate with the value-based conceptual features and can be presented as its emblematic, allegorical and symbolic descriptions, the third consist in the formulation of instructions for behavior in the museum. Methods of identifying dictionary definitions, contextual and interpretive analysis are used. A museum as a city location in conceptual terms is a cultural center for the exhibition of objects of art, history and science, its figurative and perceptual characteristics are explained as objectives, varieties and features of its functioning, its evaluative characteristics emphasize the importance of this institution for civilization, although in some aphorisms this idea is presented as questionable and specific to different types of people. In poetic texts, the museum is symbolically associated with eternity, because it provides a connection between times. Vandalism against museums and libraries is sharply condemned as a crime against culture, and the defenselessness of museums is in focus. The action characteristics of museums are exemplified through the behavior rules for visitors; these rules are variable and include both strict prohibitions and recommendations with their explanations. Rules of conduct in museums have some ethnocultural specificity, due to their focus on certain visitors.

Keywords: museum, concept, emblem, allegory, symbol.

For citation: Karasik, V. I. (2024). Cognitive, semiotic and actional features of museum as a linguistic and cultural phenomenon. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(54), 120–135. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.54.2.09>

Введение

Осмысление местности является одним из базовых условий освоения реальности. Такое осмысление зиждется прежде всего на противопоставлении своего и чужого пространства, своего обитания и неосвоенной местности. В сознании оседлых народов противопоставляются город и деревня. В свою очередь, внутри города и деревни выделяются различные локации, функционально используемые для разных целей, — жилые постройки, общественные здания, места отдыха и т. д.

Можно выделить три лингвистически релевантных подхода к освоению реальности: когнитивный, семиотический и акциональный.

Осмысление любого объекта в когнитивном плане представляет собой его концептуализацию, т. е. уточнение этого объекта в понятийном, образно-перцептивном и ценностном аспектах. Лингвокогнитивное моделирование реальности соотносится с лингвокультурным: в первом случае определяются значимые фрагменты осваиваемого мира и способы их знаковой фиксации, во втором анализируются особенности картины мира, присущие тому или иному сообществу. Эти взаимодополнительные подходы к концептуализации реальности множественно и вариативно отражены в исследованиях, выполненных в рамках когнитивной лингвистики (Болдырев, 2002; Верещагин, Костомаров, 2005; Демьянков, 2007; Ковшова, 2016; Красных, 2002; Лихачев, 1997; Шмелев, 2002) и лингвокультурологии (Воркачев, 2014, 2016; Воробьев, 1997; Дементьев, 2013; Карасик, 2002; Корнилов, 2003; Красавский, 2001; Куссе, 2022; Леонтович, 2022; Пименова, 2007; Романова, 2019; Слышкин, 2004; Степанов, 1997; Шаклеин, 2012).

В семиотическом плане традиционно противопоставляются семантические, прагматические и синтаксические характеристики тех или иных знаков (Моррис, 2001), т. е. их отношения к обозначаемым объектам, участникам общения и другим знакам. Прагматика знака коррелирует с модусом высказывания, т. е. с оценкой, модальной и статусной квалификацией некоторого содержания, представляющего собой диктум, изложение некоторого факта. С иных позиций можно уточнить прагматику сообщения как уточнение характеристик участников коммуникативной ситуации, т. е. их эмблематику, во-первых; характеристику способа подачи информации в прямом либо непрямом выражении, т. е. аллегорический потенциал сообщения, во-вторых; и культурную и личностную значимость этой информации для коммуникантов, т. е. символический смысл, в-третьих.

В акциональном плане прагматические характеристики объекта можно объяснить как систему предписаний, связанных с этим объектом, т. е. принятые в обществе правила поведения, включая запреты и рекомендации, обусловленные

его природой. То или иное явление может оцениваться как опасное, либо полезное, либо приятное, либо интересное и т. д. Эти оценки могут сочетаться. Из таких предписаний вытекают типичные сценарии поведения: во время стихийного бедствия люди ищут спасения; приходя в гости, общаются; посещая музей, осматривают экспонаты.

Концептуализация городских локаций была предметом научных исследований (Левинг, 2004; Щукин, 2015). В городе детально концептуализируется пространство обитания (дом, двор), властных структур и правопорядка (дом правительства, полиция), образования (школа, университет), здравоохранения (больница, поликлиника), передвижения (автобусные остановки, станции метро, вокзалы и аэропорты), культуры и отдыха (театр, цирк, музей, стадион, клуб, парк), торговли (магазин, базар, ярмарка) и др. Каждое из этих мест может быть описано как концепт в единстве понятийных, образно-перцептивных и ценностных характеристик, и как знак, в содержании которого выделяются эмблематические, аллегорические и символические признаки.

Когнитивные признаки в осмыслении музея

Музей заслуживает внимания как лингвокультурная локация. Культурологическому описанию музея посвящены труды многих исследователей (Биктагиров, Биктагирова, 2012; Викулова, Герасимова, Макарова, 2017; Калугина, 2005; Сапанжа, 2009). Вместе с тем музей как концепт, по нашим данным, еще не был предметом специального изучения.

Понятийные характеристики этого концепта уточняются по словарным дефинициям:

Музей — учреждение, занимающееся собиранием, хранением и выставкой для обозрения памятников истории, искусств, различных научных коллекций и т. п.; помещение этого учреждения (ССРЛЯ).

Museum — a building where important cultural, historical, or scientific objects are kept and shown to the public (LDCE).

Уточняются разновидности музеев и функционально близких локаций — картинные галереи и выставки.

Образно-перцептивные характеристики музея видны в описаниях этой локации. Используются тексты из «Национального корпуса русского языка» и Британского национального корпуса (British National Corpus).

Обычно музей выделяется своим особым внешним видом:

Одного взгляда на сам музей, напоминающий русский терем, украшенный традиционной рязанской домово́й резьбой, на зимнюю галерею музея, похожую на деревянный крепостной вал славянского кремля, достаточно, чтобы понять: здесь бережно хранят традиции предков и последовательно собирают все лучшее, что создается в Школе (Ю. Симонова).

И этой зрительной доминантой должен был стать памятник-музей, возведенный в виде ротонды с колоннами (тогда в нашей архитектуре было сильным влияние стиля классицизма) (И. Архипова).

В ряде случаев музей создается в том доме, где жил известный человек:

Furnished as it was in Cook's time it's now a museum containing many artefacts connected with Cook and his voyages. — Обставленный так же, как и во времена Кука, теперь это музей, в котором находится множество артефактов, связанных с Куком и его путешествиями.

Уточняется специализация музея:

А за углом — Морской музей, с его бесчисленными макетами кораблей, старинных и современных (А. Карабаш).

Оказывается, в Москве есть общественный музей оригами, который собрал образцы этого искусства из двух десятков стран (В. Николаев).

Именно в Майнце овладевал своей профессией первопечатник Иоганн Гутенберг, и редкий турист не заглянет в местный Музей печатного искусства (В. Гаков).

Wildlife is the focus of an exhibition which opened at the Grosvenor Museum, Chester, yesterday. — Дикая природа находится в центре внимания выставки, открывшейся вчера в музее Гросвенор в Честере.

Музейные коллекции обычно являются весьма представительными:

The Museum has an extensive collection of books, archives, photographs and posters. — Музей располагает обширной коллекцией книг, архивов, фотографий и плакатов.

The City Museum and Art Gallery houses the world's finest collection of Pre-Raphaelite art. — В Городском музее и художественной галерее хранится лучшая в мире коллекция произведений искусства прерафаэлитов.

Иногда музеем называют собрание любых предметов:

Домашний музей Галины Хамченко — это 2165 заварочных чайников, оккупировавших скромную двухкомнатную хрущевку (Е. Чулкова).

Люди приходят в музей, чтобы испытать особое чувство приобщения к культуре:

Меня потрясло это здание в центре Москвы — такую красоту надо открывать раз в неделю, как музей, чтобы люди ходили на экскурсии (С. Спивакова).

Experience the underground atmosphere of a real Victorian mine in this exciting museum devoted to the history and practice of ironstone mining in East Cleveland. — Почувствуйте захватывающую атмосферу настоящей викторианской шахты в этом подземном музее, посвященном истории и практике добычи железной руды в Восточном Кливленде.

A visit to the Museum in an unexpected delight and an absorbing pleasure. — Посещение музея — это необычное и захватывающее удовольствие.

Вещи, которые хранятся в музее, являются его экспонатами, т. е. их показывают публике. Музейный статус экспоната определяется его значимостью как культурного феномена:

— *Фамильная вещь, —дохнул старик. — Венецианское стекло. В музей бы его* (Ю. Домбровский).

За сто с лишним лет своего существования музей пережил угрозу изъятия коллекций в революционные годы, масштабную перестройку, но в итоге значительно расширил свою экспозицию и стал одним из крупнейших по численности музейного собрания (Н. Кузьмина).

The attack began when incendiary bombs went off on two floors of a museum in Shrewsbury Castle, Shropshire — causing 250,000 damage and destroying many irreplaceable relics. — Атака началась, когда зажигательные бомбы были сброшены на два этажа замка Шрусбери, в Шропшире, нанеся ущерб на 250 000 фунтов и уничтожив много невозможных экспонатов.

Музеи обычно представляют собой помещения с большими залами:

В квартире, поразившей Глебова гигантскими размерами — коридоры и залы напоминали музей, — продолжался настрой дурашливости и молодецких проделок (Ю. Трифонов).

Музеи существуют для того, чтобы их посещали:

Но музей не пользовался большой популярностью и вскоре закрылся (С. Ястребова).

Уточняется время работы музеев:

A visit to the fascinating museum can be enjoyed either before lunch or after the tour at the convenience of the visitor. — Посещение замечательного музея можно совершить либо до обеда, либо после экскурсии, когда это будет удобно.

Обычно посещение музея требуется оплатить:

А для туристов, оказавшихся во Франции, это еще и повод увидеть Лувр: знаменитый музей 14 июля открыт для бесплатного посещения (А. Коваленко).

Price includes: free entrance to the magnificent National Museum, return scheduled flights to Florence or Pisa, hotel transfer on arrival in Florence. — Цена билета включает бесплатный вход в великолепный Национальный музей, обратный вылет по графику во Флоренцию или в Пизу, трансфер к отелю во Флоренции.

В наши дни уделяется особое внимание инвалидам, посещающим музеи:

Facilities for the Disabled. Ramps and chair lifts provide access to most of the Museum. Wheelchairs may be borrowed at the entrances to the Museum. — Удобства для инвалидов. Пандусы и кресельные подъемники обеспечивают доступ к большей части музея. Инвалидные коляски можно взять напрокат у входа в музей.

В приведенных примерах охарактеризованы функции музеев, их разновидности, описаны особенности их работы и условия их посещения.

Ценностные характеристики концептов обычно выражаются в специальных текстах, создаваемых для назидания: мифах, легендах, притчах, сказках, пословицах, афоризмах, девизах, шутках и анекдотах, — а также в повествованиях с поучительным сюжетом. Пословицы выражают назидания, вызванные к жизни людьми, занимающимися практической деятельностью, прежде всего крестьянами и ремесленниками. Осмысление роли музеев в жизни вряд ли могло войти в коммуникативную практику этих людей. Но в речи интеллектуалов этот концепт появляется. Обратим внимание на следующие высказывания.

Музеи — это концентрат духовности:

Страна, в которой мало музеев, бедна и материально, и духовно... Музеи, как и театры и библиотеки, открывают путь к свободе (В. Бекетт).

Настоящие музеи — это место, где время превращается в пространство (О. Памук).

Музей — это место, где нужно задавать вопросы, а не просто выставлять вещи напоказ (У. Торселл).

Мы живем в мире копий и бываем очарованы, когда сталкиваемся с оригиналом, например, в музее (С. Зонтаг).

Музеи открывают возможность для роста:

Когда ты находишься в музее, иди медленно, но не стой на месте (Г. Стайн).

Если на миллион посетителей найдется один, для которого искусство что-то значит, этого достаточно, чтобы существовали музеи (П.-О. Ренуар).

Большинство преступников — это люди, которых в детстве не сводили в музей (П. Рудник).

Вместе с тем не следует переоценивать значимость музеев:

Музеи — это кладбища искусства (А. Ламартин).

В музее в Гаване хранятся два черепа Христофора Колумба — Колумба-мальчика и Колумба-мужчины (Марк Твен).

Если вы проживете свою жизнь, посещая чей-то музей, вы так и не узнаете, Рембрандт вы или нет (А. Каролла).

В музее каждый проявляет свою сущность:

Картина в музее слышит больше глупостей, чем кто бы то ни было в мире (Ж. Гонкур).

Для охранника музея главная характеристика экспоната — инвентарный номер (Д. Квиллар).

Люди в наши дни меньше читают, реже ходят в музеи, реже посещают концерты... Это больше не доставляет нам удовольствия? Это упадок... Это потому, что мы стали жить быстрее (Ф. Партной).

Разрушение музея есть разрушение страны. Будем помнить это во всех смыслах (Н. Рерих).

В этих высказываниях мы видим не только ориентиры для осмысления важных вопросов бытия, роли искусства в жизни человечества и отдельного человека, но и жизненные позиции, которые можно считать эмблемами для выделения типов людей. Музей в этом плане представляет собой зеркало, в котором отражается душа человека.

Символические признаки в осмыслении музея

Для установления символического осмысления музеев обратимся к ассоциативному потенциалу использования слов «музей» и «музейный» в поэтическом тексте, т. е. в тексте, предназначенном для проявления «видового отличия человека», по И. Бродскому.

Музей в стихотворении Георгия Шенгели символически ассоциируется с вечностью:

*Так хорошо уйти от голосов людей, / От стукотни колес и въедливого лая /
На отдаленный холм, где, полночи внимая, / Свой портик мраморный вознес
к луне музей. /*

*Спиною чувствуя прохладу старых плит, / Прилечь на лестнице и взгляды-
ваться в небо, / Где Веги пламена и нежный огонь Денеба / Светло проплавили
индиговый зенит.*

Музей — это храм, который беседует с космосом. Неслучайно упоминаются яркие звезды Вега и Денеб из созвездий Лиры и Лебеда.

Иная цепь ассоциаций возникает в образе горящего музея в стихотворении Георгия Иванова «Пылающий Лувен»:

*Они пришли. Столетних стен / Не жаль разнуданным вандалам, / И древний
озарен Лувен / Сияньем дымчатым и алым.*

*Горят музеи и дворцы, / Ровесники средневековья, / И в медных касках наглицы /
Соборы обагрят кровью.*

*И библиотека в огне, / Которой в мире нету равной... / Но как, Лувен, завиден
мне / Твой горький жребий, жребий славный.*

*Известие, что ты сожжен, / С вандалов новых сняло маски, / И мир,
злодейством поражен, / Нетерпеливо ждет развязки.*

*И пред судилищем веков / Твои развалины святые / И храмы, кровью зали-
тые, / Красноречивей будут слов.*

Этот текст написан в годы Первой мировой войны, он посвящен трагедии бельгийского города Лувен, пострадавшего от оккупантов. Символ горящих храмов, музея и библиотеки, «которой нету в мире равной», становится знаком преступления перед историей и культурой. К сожалению, подобные преступления постоянны в истории человечества. Была сожжена великая библиотека в Александрии, основанная более 2000 лет назад Александром

Македонским и открытая всем желающим. Известна легенда о калифе, приказавшем сжечь все свитки в ней, но современные исследователи полагают, что к уничтожению рукописей приложили руку многие завоеватели. Отметим, что в 2002 году состоялось открытие восстановленной Александрийской библиотеки. Положительно оценивая этот факт, подчеркнем, что сожженные рукописи, к сожалению, вернуть невозможно. Преступления против культуры продолжаются и в наши дни: фанатиками были взорваны храмы античной Пальмиры в Сирии; в 2015 году в результате преступной халатности произошел пожар в библиотеке ИНИОН в Москве; в 2023 году сгорела картинная галерея в Батуми.

Идея незащитности музея ярко выражена в верлибре современного поэта Вячеслава Куприянова:

Египетские пирамиды / бункеры для державных мумий / на случай мировых потрясений бедняги / они не знают / что любознательные потомки / давно их выставили / в незащитных музеях.

Вопрос о том, насколько этично демонстрировать мумии в музеях, неоднозначен. Но музеи, действительно оказываются незащитными перед вандалами и грабителями. Незащитность музеев и тех шедевров, которые там хранятся, символически свидетельствует о том, что человечеству потребовались десятки тысяч лет, для того чтобы пройти путь от дикости к цивилизованности, но обратное движение происходит в считанные минуты.

Заслуживает внимания ассоциативное развитие идеи музея как среды нашего обитания, оригинально выраженное в стихотворении Геннадия Алексева:

Подходя к музею, я замечаю толпу людей, которые живут. / Блуждая по музею, я гляжу на лица людей, / которые жили когда-то. / Выходя из музея, я думаю о людях, / которым еще предстоит жить. / Покинув музей, я вспоминаю о людях, / которых трудно заставить жить — их упрямство неодолимо.

Музей является символом связи времен.

Акциональные признаки в осмыслении музея

Акциональные характеристики музеев включают правила поведения в этих местах и типичное описание такого поведения. Приведем примеры подобных инструкций на русском языке, размещенных в Интернете (орфография и пунктуация сохранены. — В. К.):

Правила поведения в музее¹

Посещение музея начинается с гардероба. В нем созданы все условия, чтобы оставить не только верхнюю одежду, но и сумки, пакеты, зонты.

Чтобы расширить свой кругозор, не стоит пробежать по всей экспозиции. Постарайся прослушать сообщения экскурсовода. Выбери определенный зал или часть

¹ URL: <http://trgmus.ru/pravila-povedeniya-v-muzee/>

экспозиции. Так можно будет узнать нужную информацию, получить много интересной информации.

В музее принято вести себя тихо, не беспокоить других посетителей. Если около произведения искусства кто-то уже стоит, не мешайте ему. Не стоит загромождать ему обзор.

Не разговаривайте громко. Неприемлем и громкий смех. Даже если Вам не интересно, это не значит, что другим тоже все равно.

Экспонаты руками в музее трогать нельзя!

Если возникли вопросы, то обратитесь к специалисту музея, а не соседу, отвлекая его.

Кстати, вопросы экскурсоводу стоит задавать во время паузы, а не перебивая других.

В стенах музея стоит быть осторожнее с критикой. Не стоит всем доносить свое пренебрежительное мнение. А высмеивать произведение искусства — неприлично. Да, предметы на выставке могут быть непонятными. Но истинный ценитель искусства не выражает шумно своих восторгов или негатива в адрес произведений.

Итак, в музее следует вести себя следующим образом:

- 1) не мешаем окружающим, становясь перед ними или громко высказывая свое мнение;
- 2) не перебиваем экскурсовода и внимательно выслушаем то, о чем он будет рассказывать;
- 3) заранее продумаем, что именно непременно надо посетить на выставке, а не будем осматривать экспонаты «на скорость»;
- 4) и уж точно отключим звук своего мобильного телефона.

Обратим внимание на тональность предписаний: в этих нормах сформулированы запреты, советы и объяснения правил поведения, при этом доминирует непринужденная доверительная манера вежливого общения учителя с учащимися. Подобные предписания могут быть сформулированы в более жесткой манере²:

Для посещения Музея посетители объединяются в группы от 10 до 25 человек во главе с руководителем группы — ответственным лицом.

Группа учащихся посещает Музей в сопровождении двух руководителей.

Посетители проходят в Музей без сумок, портфелей, пакетов, которые следует оставить в гардеробной комнате.

В Музее запрещено курить, вносить с собой упаковки с водой, едой, мороженое, употреблять жевательную резинку.

Руководители группы несут ответственность за соблюдение порядка и чистоты в залах, неприкосновенность экспонатов.

Посетители Музея проходят по экскурсионному маршруту в сопровождении смотрителя.

Посетители не должны шуметь, кричать и громко разговаривать в залах Музея, перебивать экскурсовода, спорить друг с другом и сотрудниками Музея.

² Правила поведения в музее // Муниципальное бюджетное учреждение культуры г. Новоалтайска: официальный сайт. URL: http://novoaltmuzei.altai.muzkult.ru/pravila_muzei

Посетители не должны мешать друг другу при осмотре экспонатов, загроживать друг другу вид, тесниться у одного экспоната.

Запрещается трогать экспонаты руками, трогать и открывать витрины, заходить за ограждения, заходить в административную часть помещения.

Запрещается толкаться, бегать по залам, наносить удары по стеклам.

Громко разговаривать или кричать, подзывая знакомого или друга, а также пользоваться мобильным телефоном в музее недопустимо.

Признаком дурного тона также считается громкое обсуждение или критические замечания.

Для того чтобы ознакомиться с каким-либо экспонатом, не нужно вставать перед другим посетителем. Лучше всего дожидаться, когда он, закончив осмотр, освободит место.

Трогать руками музейные экспонаты строго воспрещается.

Руководители и члены группы во время проведения экскурсии должны соблюдать правила техники безопасности, противопожарной безопасности.

Руководители группы несут полную ответственность за выполнение посетителями Музея правил поведения и инструкции по технике безопасности жизни посетителей.

Посетители и руководители групп несут ответственность:

За правонарушения, совершенные во время пребывания в Музее, — в пределах, установленных действующим административным, уголовным и гражданским законодательством Российской Федерации.

За причинение материального ущерба — в пределах, установленных действующим трудовым законодательством Российской Федерации.

В приведенном тексте видна контаминация обиходных рекомендаций и принятых юридических формулировок. Можно заметить, что этот текст адресован в первую очередь руководителям групп, сопровождающим туристов.

Правила поведения в музее для носителей англоязычной культуры по своей сути похожи на аналогичные предписания на русском языке, но немного отличаются от них по своей тональности³.

Do not touch works of art. Your touch may not seem like much, but even the slightest contact can damage the surface of a painting, discolor stone, and even rust metal. — Не трогайте произведения искусства. Ваше прикосновение может показаться незначительным, но даже малейшее прикосновение может повредить поверхность картины, обесцветить камень и даже вызвать ржавчину металла (здесь и далее перевод наш. — В. К.).

Keep a safe distance between you and each work of art. This helps to avoid accidental touching or bumping. — Держите безопасную дистанцию между вами и каждым произведением искусства. Это помогает избежать случайного прикосновения или удара.

Use only pencils. If an accident should occur, a pencil mark is easier to remove than a pen mark. Members of the security and visitor services staff are happy to provide a pencil if you would like to write or draw during your museum visit. Be careful not to point with your pencil or other objects; this can endanger works of art. — Используйте только

³ URL: <https://hoodmuseum.dartmouth.edu/visit/museum-rules>

карандаши. Если произошел несчастный случай, пометку карандашом удалить легче, чем пометку ручкой. Сотрудники службы безопасности и обслуживания посетителей будут рады предоставить вам карандаш, если вы захотите писать или рисовать во время посещения музея. Будьте осторожны, не указывайте карандашом или другими предметами; это может поставить под угрозу произведения искусства.

No leaning on walls or cases (either to write or for physical support). This helps keep works of art hung on the walls or displayed in cases safe. Feel free to sit on the benches or the floor as you talk, write, or draw. — Не опирайтесь на стены или шкафы (ни для письма, ни для физической поддержки). Это помогает сохранять произведения искусства на стенах или в шкафах в безопасности. Не стесняйтесь сидеть на скамейках или на полу, пока разговариваете, пишете или рисуете.

No food, drink, or gum is allowed in the galleries. The art in the museum will provide plenty of food for thought as well as a feast for the eyes! — В галереях запрещено есть, пить или жевать жевательную резинку. Искусство в музее даст много пищи для размышлений и улады для глаз!

Coats: Visitors are allowed to wear coats in the museum, but the coats must remain on, never carried, at all times for the safety of the art. Coats may also be left in the coat room. — Верхняя одежда: Посетителям разрешено быть в пальто в музее, но его следует всегда носить на себе, а не в руках, в целях безопасности предметов искусства. Пальто также можно оставить в гардеробной.

Running, pushing, and roughhousing are not allowed in the museum. Appropriate museum behavior is necessary to avoid accidentally bumping into and damaging works of art. — В музее запрещено бегать, толкаться и хулиганить. Должное поведение в музее необходимо, чтобы избежать случайного столкновения с произведениями искусства и их повреждения.

Photography: We welcome visitors to photograph or videotape works of art owned by the Hood Museum of Art (Trustees of Dartmouth College) for personal use only. No flash, please! Please be aware that occasionally a «no photography» symbol on a label adjacent to a work of art or at the entrance to an exhibition indicates that photography is prohibited for that work or exhibition. — Фотография: Мы приглашаем посетителей фотографировать или снимать на видео произведения искусства, принадлежащие Художественному музею (попечители Дартмутского колледжа) только для личного использования. Без вспышки, пожалуйста! Имейте в виду, что иногда символ «фотографировать запрещено» на этикетке рядом с произведением искусства или на входе на выставку указывает на то, что фотографирование данного произведения или выставки запрещено.

Различия в тональности предписаний для посетителей музея в российском городе и в музее при престижном колледже в США объясняются прежде всего эмблематическими характеристиками адресатов: студентам не сообщают о том, что нельзя кричать или высмеивать произведения искусства, ничего не сказано о противопожарной безопасности. Вместе с тем нельзя не заметить беглого упоминания о том, что фотографировать экспонаты можно только для личного пользования, а не для осуществления того или иного бизнес-проекта. Обратим внимание и на указание относительно того, что нельзя носить в руках снятое пальто, по-видимому, это продиктовано возможностью маскировки оружия

или каких-либо средств, которые могут нанести вред экспонатам. В музее можно делать записи только карандашом. Разрешается сидеть на полу, в нашей стране это не принято.

Таким образом, эмблематика посетителей музеев имеет определенную лингвокультурную специфику.

Заключение

Возможная модель для лингвистически релевантного описания городских локаций включает в себя когнитивные, семиотические и акциональные признаки соответствующих мест. Первые состоят в объяснении локации как концепта, имеющего понятийные, образные и ценностные характеристики; вторые сводятся к выделению семантических, прагматических и синтаксических особенностей объекта, при этом прагматические признаки соотносятся с ценностными концептуальными признаками и могут быть представлены как эмблематические, аллегорические и символические описания локации; третьи состоят в формулировке предписаний поведения в том или ином месте. Музей как городская локация в понятийном плане представляет собой культурный центр для экспозиции предметов искусства, истории и науки, его образно-перцептивные характеристики сводятся к его целям, разновидностям и особенностям функционирования, его ценностные характеристики акцентируют важность этого учреждения для цивилизации, хотя в некоторых афоризмах проводится идея о том, что эта важность сомнительна и специфична для разных типов людей. В поэтических текстах музей символически ассоциируется с вечностью, поскольку он обеспечивает связь времен. Резко осуждается вандализм по отношению к музеям и библиотекам как преступление против культуры, говорится о незащитности музеев. Акциональные характеристики музеев выражены в правилах поведения для посетителей, эти правила вариативны и включают в себя как жесткие запреты, так и рекомендации поведения с их объяснениями. Правила поведения в музеях имеют некоторую этнокультурную специфику, обусловленную ориентацией на определенных посетителей.

Список литературы

1. Биктагиров, Р. Р., & Биктагирова, Г. Ф. (2012). Виртуальный музей как средство приобщения к культурному наследию в информационно-образовательном пространстве. *Успехи современного естествознания*, 5, 39–40.
2. Болдырев, Н. Н. (2002). Языковые механизмы оценочной категоризации. *Реальность, язык и сознание* (с. 360–369). Международный межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2. Издательство ТГУ им. Г. Р. Державина.
3. Верещагин, Е. М., & Костомаров, В. Г. (2005). *Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы*. Ю. С. Степанов (Ред.). Индрик.

4. Викулова, Л. Г., Герасимова, С. А., & Макарова, И. В. (2017). Виртуальное образовательное пространство: музей И. С. Тургенева во Франции. *КАНТ*, 3(24), 24–29.
5. Воркачев, С. Г. (2014). *Воплощение смысла: conceptualia selecta*. Монография. Парадигма.
6. Воркачев, С. Г. (2016). Порядочность: понятие, слово и образ. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, 1(21), 55–59.
7. Воробьев, В. В. (1997). *Лингвокультурология (теория и методы)*. Монография. Издательство Российского университета дружбы народов.
8. Дементьев, В. В. (2013). *Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике*. Глобал ком.
9. Демьянков, В. З. (2007). «Концепт» в философии языка и в когнитивной лингвистике. *Концептуальный анализ языка: современные направления исследования* (с. 26–33). Сборник научных трудов. ИП Кошелев А. Б.
10. Калугина, Т. П. (2005). Музей как высшая и конечная стадия человеческой цивилизации. Глобализация и музей. *Глобализм в системе категорий современной культурологической мысли* (с. 400–420). Коллективная монография. Янус.
11. Карасик, В. И. (2002). *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Перемена.
12. Ковшова, М. Л. (2016). *Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры*. 3-е изд. URSS.
13. Корнилов, О. А. (2003). *Языковые картины мира как производные национальных менталитетов*. 2-е изд., испр. и доп. ЧеРо.
14. Красавский, Н. А. (2001). *Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах*. Монография. Перемена.
15. Красных, В. В. (2002). *Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология*. Курс лекций. Гнозис.
16. Куссе, Х. (2022). *Культуроведческая лингвистика*. Гнозис.
17. Левинг, Ю. (2004). *Вокзал – Гараж – Ангар: Владимир Набоков и поэтика русского урбанизма*. Издательство Ивана Лимбаха.
18. Леонтович, О. А. (2022). *Слово и образ в поисках друг друга*. Монография. ПринТерра-Дизайн.
19. Лихачев, Д. С. (1997). Концептосфера русского языка. *Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология* (с. 80–287). Academia.
20. Моррис, Ч. У. (2001). Основания теории знаков. *Семиотика: Антология* (с. 45–97). 2-е изд., испр. и доп. Академический Проект.
21. Пименова, М. В. (2007). *Концепт сердце: Образ. Понятие. Символ*. Монография. КемГУ.
22. Романова, Т. В. (2019). *Идеологемы и аксиологемы русского языкового сознания как отражение констант и динамики национальной ментальности*. Монография. Деком.
23. Сапанжа, О. С. (2009). Развитие представлений о музейной коммуникации. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, 103, 245–252.
24. Слышкин, Г. Г. (2004). *Лингвокультурные концепты и метаконцепты*. Монография. Перемена.
25. Степанов, Ю. С. (1997). *Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования*. Школа «Языки русской культуры».

26. Стернин, И. А. (2008). Описание концепта в лингвоконцептологии. *Лингвоконцептология* (с. 8–20). Вып. 1. Истоки.
27. Шаклеин, В. М. (2012). *Лингвокультурология: традиции и инновации*. Флинта: Наука.
28. Шмелев, А. Д. (2002). *Русская языковая модель мира*. Материалы к словарю. Языки славянской культуры.
29. Щукин, В. Г. (2015). Вокзал как книга и здесь-пространство. *Лабиринт*, 3, 6–21.

References

1. Biktagirov, R. R., & Biktagirova, G. F. (2012). Virtual museum as a means of introducing cultural heritage within information and educational space. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya*, 5, 39–40. (In Russ.).
2. Boldyrev, N. N. (2002). Language mechanisms of evaluating categorization. *Reality, language and cognition* (pp. 360–369). International university collected articles. Issue 2. Izdatel'stvo TGU im. G. R. Derzhavina. (In Russ.).
3. Vereshchagin, E. M., & Kostomarov, V. G. (2005). *Language and culture. Three linguistic and cultural concepts: vocabulary background, speech and behavioral patterns and sapientheme*. Yu. S. Stepanov (Ed.). Indrik. (In Russ.).
4. Vikulova, L. G., Gerasimova, S. A., & Makarova, I. V. (2017). Virtual educational space: I. S. Turgenev Museum in France. *KANT*, 3(24), 24–29. (In Russ.).
5. Vorkachev, S. G. (2014). *The embodiment of meaning: conceptualia selecta*. Monograph. Paradigma. (In Russ.).
6. Vorkachev, S. G. (2016). Honesty: concept, word and image. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 1(21), 55–59. (In Russ.).
7. Vorob'ev, V. V. (1997). *Linguistic and cultural studies (theory and methodology)*. Monograph. Izdatel'stvo Rossijskogo universiteta druzhby narodov. (In Russ.).
8. Dement'ev, V. V. (2013). *Communicative values of Russian culture: category of personality in lexis and linguistic pragmatics*. Global kom. (In Russ.).
9. Dem'yankov, V. Z. (2007). «Concept» in the philosophy of language and cognitive linguistics. *Conceptual language analysis: modern research fields* (pp. 26–33). Collected articles. IP Koshelev A. B. (In Russ.).
10. Kalugina, T. P. (2005). Museum as the ultimate stage of human civilization. Globalization and museum. *Global perspective in the matrix of modern cultural studies categories* (pp. 400–420). Collected monograph. Yanus. (In Russ.).
11. Karasik, V. I. (2002). *Language circle: personality, concepts, discourse*. Peremena. (In Russ.).
12. Kovshova, M. L. (2026). *Linguistic and cultural methods in phraseology: culture codes*. Issue 3. URSS. (In Russ.).
13. Kornilov, O. A. (2003). *Language pictures of the world as derived from national mentalities*. СHeRo. (In Russ.).
14. Krasavskij, N. A. (2001). *Emotional concepts in German and Russian linguistic cultures*. Monograph. Peremena. (In Russ.).
15. Krasnyh, V. V. (2002). *Ethnic psycholinguistics and linguistic cultural studies*. Lectures. Gnozis. (In Russ.).
16. Kusse, H. (2022). *Cultural studies linguistics*. Gnozis. (In Russ.).

17. Leving, Yu. (2004). *Railway station – garage – hangar: Vladimir Nabokov and Russian urban studies poetics*. Izdatel'stvo Ivana Limbaha. (In Russ.).
18. Leontovich, O. A. (2022). *Word and image searching for each other*. Monograph. PrinTerra-Dizajn (In Russ.).
19. Lihachev, D. S. (1997). Russian language conceptual sphere. Russian philology. *From fundamental philology to text structure: anthology* (pp. 280–287). Academia. (In Russ.).
20. Morris, Ch. U. (2001). Sign theory fundamentals. *Semiotics: Anthology* (pp. 45–97). Yu. S. Stepanov (Ed.). Issue 2. Akademicheskij Proekt. (In Russ.).
21. Pimenova, M. V. (2007). *Concept 'heart': Image. Concept. Symbol*. Monograph. KemGU. (In Russ.).
22. Romanova, T. V. (2019). *Ideologemes and axiologemes in Russian language consciousness as a reflection on constants and dynamics of national mentality*. Monograph. Dekom. (In Russ.).
23. Sapanzha, O. S. (2009). Developing views on museum communication. *Izvestia: Herzen university journal of humanities & sciences*, 103, 245–252. (In Russ.).
24. Slyshkin, G. G. (2004). *Linguistic and cultural concepts and metaconcepts*. Monograph. Peremena. (In Russ.).
25. Stepanov, Yu. S. (1997). *Constants. Russian culture dictionary. Research distillation*. Shkola «Yazyki russkoj kul'tury». (In Russ.).
26. Sternin, I. A. (2008). Concept as described in linguistic conceptology. *Linguistic conceptology* (pp. 8–20). Issue 1. I. A. Sternin (Ed.). Istoki. (In Russ.).
27. Shaklein, V. M. (2012). *Linguistic cultural studies: traditions and innovations*. Flinta: Nauka. (In Russ.).
28. Shmelev, A. D. (2002). *Russian language model of the world*. Dictionary appendices. Yazyki slavyanskoj kul'tury. (In Russ.).
29. Shchukin, V. G. (2015). Railway station as a book and herein-space. *Labirint*, 3, 6–21. (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the author

Владимир Ильич Карасик — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина.

Vladimir I. Karasik — D. Sc. (Philology), Professor, Professor of the Department of General and Russian Linguistics at the Pushkin State Russian Language Institute.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 81.373.5

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.10

ДРУЖЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ОТРАЖЕНИИ РУССКОЙ, НЕМЕЦКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОСИСТЕМ

Лызлов Алексей Игоревич^{1*},
Сулейманова Ольга Аркадьевна²

¹ Военная академия войсковой противовоздушной обороны Вооруженных Сил Российской Федерации им. Маршала Советского Союза А. М. Василевского, Смоленск, Россия,

² Московский городской педагогический университет, Москва, Россия,

¹ aleksej-lyzlov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2626-0874>

² souleimanovaoa@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4972-0338>

Аннотация. В статье исследуются фразеологические единицы (ФЕ), репрезентирующие концепт «друг» в русском, английском и немецком языках с когнитивных позиций.

Такие ФЕ широко распространены во фразеологическом тезаурусе английского, немецкого и русского языков и несут аксиологическую нагрузку. Эмпирическая база работы основывается на данных, взятых из современных русских, английских и немецких словарей, материалом исследования послужили текстовые корпусы.

Авторы анализируют когнитивные модели этих фразеологизмов, учитывается аксиологический элемент в значениях русских, английских и немецких фразеологизмов с концептом «друг».

В работе применялись методы когнитивного моделирования, дискурсивного анализа и элементы сравнительного анализа. Исследование началось с анализа ФЕ в современных лексикографических источниках: выявлена их семантика и построены когнитивные модели, первая из которых является субъектно-ориентированной, вторая — объектно-ориентированной, и, наконец, ситуационно-ориентированные модели. Затем из русского, английского и немецкого корпусов были собраны высказывания, содержащие фразеологизмы, концептуализирующие дружбу. Исследование выявило специфику употребления ФЕ в современной художественной литературе и средствах массовой информации в целях выделения фразеологизмов, активно применяемых в русском, английском и немецком языках; и, соответственно, фразеологизмов, которые по тем или иным причинам не используются современными и классическими авторами.

Собранные данные позволили авторам объективно оценить аксиологическую емкость концепта «друг».

Ключевые слова: фразеологизм, оценка, модель, дискурс, концепт «дружба».

Для цитирования: Лызлов, А. И., Сулейманова, О. А. (2024). Дружеские отношения в отражении русской, немецкой и английской фразеосистем. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(54), 136–150. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.54.2.10>

Original article

UDC 81.373.5

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.10

FRIENDSHIP AS REPRESENTED IN RUSSIAN, GERMAN AND ENGLISH PHRASEOLOGY

Alexei I. Lyzlov^{1*},

Olga A. Suleimanova²

¹ Russian Federation Armed Forces Army Air Defense Military Academy
named after Marshal of the Soviet Union A. M. Vasilevsky,
Smolensk, Russia,

² Moscow City University,
Moscow, Russia,

¹ aleksej-lyzlov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2626-0874>

² souleimanovaoa@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4972-0338>

Abstract. The paper researches into phraseological units (PhU) representing concept «friend» in Russian, English and German from the cognitive perspective. These PhU are widely spread in the phraseological thesaurus of English, German and Russian languages and are axiologically charged. The empirical base was built on the data taken from modern Russian, English and German dictionaries, the text corpora also served as the material of the research.

The authors analyze the cognitive models of the given phraseological units, the axiological shift in the meanings of Russian, English and German phraseologisms with the concept «friend» is taken into account.

The methods applied in the research are cognitive modeling, discourse analysis and elements of comparative analysis. The research started with the analysis of the PhU in modern lexicographic sources: their semantics, and cognitive models are constructed, the first one being subject-oriented, the second model is object-oriented, and, finally, situation-oriented models. Then the utterances containing the phraseological units conceptualizing friendship were collected from the Russian, English and German corpora. The research revealed specifics of PhU when used in modern fiction and media sources aiming to single out phraseological units actively applied in the Russian, English and German languages; and correspondingly, phraseological units which for some reason or other are not used by modern and classical authors.

The data collected enabled the authors to objectively assess the axiological capacity of the concept «friend».

Keywords: phraseologism, evaluation, model, discourse, concept «friendship».

For citation: Lyzlov, A. I., Suleimanova, O. A. (2024). Friendship as represented in of Russian, German and English phraseology. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(54), 136–150. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.54.2.10>

Введение

Дружба в словарных источниках определяется как вид устойчивых, индивидуально-избирательных межличностных отношений, характеризующихся взаимной привязанностью участников, усилением стремления быть в обществе других, взаимными ожиданиями ответных чувств и предпочтительности (Кондрашов, 2008). Дружба может быть рассмотрена как социальное понятие, когда речь идет о взаимоотношениях не столько отдельных личностей, сколько групп лиц, представителей разных культур. Причем этот диалог может носить как очный, так и заочный характер. Диалог — это речевое взаимодействие контрагентов, целью которого является понимание; он будет успешен только в том случае, если контрагенты готовы уважать позицию другого, ориентированы на положительное, конструктивное, дружеское взаимодействие.

В рамках нашей работы будут рассмотрены механизмы реализации концепта «друг» в английском, немецком и русском языках на материале фразеологизмов в сопоставляемых языках; механизмы его реализации исследуются на примере текстов художественной и публицистической литературы, взятых из корпусных источников.

Концепт — один из основных элементов инструментария когнитивной лингвистики, весьма сложный, причем многоуровневый продукт ментальной (когнитивной) деятельности человеческого сознания. Рождаясь как абстрактный феномен, он, пройдя обработку в сознании человека, наделяется способностью отражать в языке конкретные структурированные явления (Красных, 2003, с. 96; Cruse, 2004, p. 32; Croft, Cruise, 2004, p. 48; Методология современных семантических исследований, 2018). Отражая базовые элементы мыслительной деятельности человека и общества, он не может не отражать культурную специфику этой деятельности.

В линвокультурологии язык и культура дефинируются как антропологические конструкты в их диалектическом взаимодействии (Бенвенист, 1974). К сфере культуры Э. Бенвенист относит созданную индивидом среду, выступающую неотъемлемой частью человеческого общества. Культура объективно включает в себя аксиологический аспект, чрезвычайно важный для человека и общества, она пропитывает сознание человека и служит тем вектором, который определяет поведение индивида во всех сферах деятельности. Современные авторы (Викулова, 2021; Карасик, 2021; Караулов, 2003; Тер-Минасова, 2020; Взаимодействие языков и культур, 2021) системно изучают взаимодействие языка и культуры, отраженное в различных линвокультурах. В. Н. Телия отмечает, что культура репрезентируется в картине мира, т. е. начинает осознаваться как отдельно взятым человеком, так и целыми языковыми сообществами как набор духовных ценностей (Телия, 1999, с. 13), получающих отражение в том числе во фразеосистемах языков. Как указывают исследователи, фразеологические единицы (ФЕ) обладают отчетливо выраженным аксиологическим потенциалом (Бредис, Ломакина, 2020; Лызлов, 2017; Сулейманова, Фомина, 2017), что заставляет обратиться

к его изучению как в сопоставительном плане, так и применительно к семантическим микрополям ФЕ, одно из которых представлено выбранным для данного исследования микрополем дружбы. В концептуализации этого микрополя значимыми оказываются как семантические закономерности, так и особый синтаксис ФЕ (Dobrovol'skij, 2023; Podoliuc, 2021; Козеренко, Крейдлин, 2021).

Фразеология как зеркало, объективно отражающее культурные и языковые процессы, дает возможность оценить лингвокультурологическую релевантность отдельно взятого концептуального феномена. Сопоставление фразеологизмов в различных языках — в данном случае — в английском, немецком и русском языках — позволяет найти точки соприкосновения рассматриваемых лингвокультур, выявить неизбежно имеющиеся лакуны, поскольку лингвокультуры не идентичны. Анализ на основе когнитивного моделирования (Карасик, 2021; Сулейманова, Гулиянц, 2022; Langlotz, 2006) ценностно маркированных положений дел, фиксируемых в культуре в виде определенных речевых жанров (фольклористики, афористики, фразеологии и т. д.), своего рода кратких нарративов, с использованием компьютерной обработки данных, когда модель реализована в виде компьютерной системы и функционирует в составе более широкой системы анализа и синтеза текстов (Богуславский, 2021), способствует и усовершенствованию корпусного анализа современных текстовых данных.

Методология исследования

Фразеологизмы в работе изучаются следующим образом.

Основным методом анализа фразеологизмов в настоящей статье выступает метод когнитивного моделирования. Фразеологизмы, в значении которых исследуемый концепт представлен как его семантическая основа, сводятся в единую базу данных. В рамках статьи анализируются ФЕ, атомарным элементом которых служит концепт «дружба». Он принадлежит к числу феноменов универсального типа, иными словами, присутствует в различных языковых системах и, что важно для нашей работы, активно объективируется в разного рода фразеологических образованиях.

После этого осуществляется анализ содержательной стороны ФЕ в целях построения соответствующих когнитивных моделей. Значения фразеологизмов как образований сентенционального типа строятся по конечному числу моделей, что позволяет осуществлять операции сравнительно-сопоставительного типа в рамках одной языковой системы (группируя значения различных фразеологизмов вокруг конечного числа моделей) и межъязыковые сопоставительные операции.

Когнитивные модели дискретны, т. е. их значения разложимы на более простые поддающиеся анализу элементы, и, что немаловажно, анализ данных моделей дает возможность определить аксиологический потенциал всего фразеологического высказывания (Kövecses, 2006, p. 8; Сулейманова, Фомина, 2021, с. 23).

На первом этапе работы концепт «друг» исследуется на базе языкового материала из словарей с применением метода когнитивного моделирования: выделяются субъектно-ориентированные и объектно-ориентированные репрезентации дружбы. На втором этапе фразеологизмы рассматриваются в речи с применением контекстного анализа и его современного проявления — корпусного анализа. Изучаются аксиогенные ситуации, которые реализуют оценочный потенциал фразеологизмов английского, немецкого и русского языков с концептом «друг».

Исследуемый концепт может быть выражен словоформой, выступающей в качестве субъекта высказывания (в рамках субъектно-ориентированной модели), — это лицо или предмет, выполняющий действие, ср.: *друг дал мне книгу*.

Также исследуемый концепт может входить в высказывание, в котором объективирующая его словоформа являет собой лицо или предмет, претерпевающий воздействия иных предметов или лиц, таким образом, реализующий функции объекта высказывания, например: *я дал другу книгу*.

Существует значительное количество высказываний, в которых объективирующая концепт словоформа не выполняет ни одной из указанных ранее функций: не относится ни к субъекту, ни к объекту высказывания. Таким образом может быть реализована атрибутивная функция: *эта книга о дружбе*.

Таким образом, модели, репрезентированные в содержании фразеологизмов, относительно их ключевого компонента могут носить субъектный, объектный и ситуативный характер, как это видно из примеров, приведенных ранее.

Далее анализируемые ФЕ рассматриваются в отражении произведений английской художественной литературы и англоязычных публицистических текстов. Исследование показало, что такие единицы служат частью современного лексикона и отражают релевантные проблемы современной картины мира.

Завершающим этапом работы будет сопоставительный анализ единиц английского, немецкого и русского языков в целях выявления превалирующего типа содержательных моделей того или иного языка.

Ход исследования

Рассмотрим ФЕ английского языка, реализующие модели субъектного типа. К их числу принадлежит, например, модель «дружба важнее денег». Она репрезентирована в единице *a friend in court is better than a penny in purse*¹ (WDP), где сопоставлены духовные и материальные ценности. При этом духовная сторона описывается как более ценная, чем материальная.

Субъектная модель «предательство должно быть подвергнуто осуждению» объективируется в нескольких английских ФЕ. Корыстная мотивация неискренней дружбы отражена в единицах *a fair-weather friend*² (ODP), *false friends are worse than bitter enemies*³ (ODP).

¹ Друг в суде лучше, чем пенни в кошельке (здесь и далее перевод наш. — А. Л., О. С.).

² друг в хорошую погоду

³ Ненадежные друзья хуже злейших врагов.

Данная единица встроена в контекст в целях негативной оценки политики США на Ближнем Востоке: «*Failure in Iraq would have a direct impact on American national security, and perpetuation of the perception among reformers in the region that America is a fair-weather friend, not to be depended on*»⁴ (СОСА).

Модель «преданная дружба не будет прежней» принадлежит к объектному типу. Она отражена в ФЕ *broken friendship may be soldered but it will never be sound*⁵ (WDP), в которой для описания нарушения законов дружбы используется глагольная метафора, задействующая идею разрушения, слома. Данная ФЕ цитируется в стихотворном произведении У. Блейка: «*It is easier to forgive an enemy than to forgive a friend*»⁶ (СОСА).

Модель «враги могут причинить меньший вред, чем друзья» также принадлежит к объектному типу. Она отражается в единице *God defend me from my friends and I will keep from my enemies*⁷ (WDP).

К числу ситуативных относится модель «вражда и дружба имеют относительный характер», она позволяет сопоставить антагонистические концепты, к которым принадлежат концепты «друг» и «враг».

Однако существуют реалии, когда антитеза положительной и отрицательной оценки концептов «друг» и «враг» перестает быть безотносительной ценностью. Цитата, приписываемая Аристотелю, *a friend to all is a friend to none*⁸ (WDP), отражает идею о том, что невозможно быть хорошим всегда и для всех.

В отрывке из статьи Пола Браун в издании «*Ethnology*» от 1990 года используется трансформированная ФЕ *a friend to all is a friend to none*⁹ (WDP): *he was a friend to all but enemy to none. ...He had influence over the people*¹⁰ (СОСА). В данном контексте ФЕ употребляется для позитивно-оценочной характеристики персонажа, причем посредством замены исходного компонента friend на его антоним enemy. Возникшая антитеза усиливается контрастом других компонентов, имеющих в исходной ФЕ — «все» и «никто». Таким образом, происходит разложение исходного значения ФЕ, при этом оценочный модус меняется с минуса на плюс, и в статье речь идет об уважаемом человеке, который не ссорится ни с кем и дружен со всеми.

Ситуативная модель «дружба нуждается в проверке» объективирована во фразеологической единице *a friend in need is a friend indeed*¹¹ (ODP). Считается, что автор приведенной сентенции — Еврипид. Эта ФЕ употребляется современными журналистами чрезвычайно часто: она цитируется в случае,

⁴ Неудача в Ираке оказала бы прямое влияние на американскую национальную безопасность и закрепила бы среди реформаторов в регионе представление о том, что Америка — ненадежный друг, от которого нельзя зависеть.

⁵ Разбитая дружба может быть спаяна, но она никогда не будет прочной.

⁶ Легче простить врага, чем друга.

⁷ Боже, защити меня от моих друзей, и я буду держаться подальше от своих врагов.

⁸ Друг для всех — это не друг никому.

⁹ Друг для всех — это не друг никому.

¹⁰ Он был другом всем, но не врагом никому. ...Он имел влияние на людей.

¹¹ Друг познается в беде.

если необходимо дать негативную оценку описываемой в речи ситуации: «*There is an old saying that a “friend in need is a friend indeed”. We see now that the Chinese government is not our friend at all*»¹² (COCA). В данном контексте из газеты конца XX века «Хьюстон Кроникл» описывается ситуация, в которой указывается на отсутствие дружеских отношений между китайской и американской сторонами.

Рассмотрим ФЕ немецкого языка, реализующие исследуемые в работе модели. Немецкая фразеология характеризуется употреблением ряда единиц, построенных по моделям субъектного типа.

Дружба в немецкой картине мира — одна из величайших ценностей, «соль жизни». Подобные представления объективирует немецкая единица *Freundschaft ist des Lebens Salz*¹³ (DS). Так, в газете *Thüringer Allgemeine* от 22.11.2008 рассматриваемая единица становится заголовком статьи: *Die Freundschaft ist des Lebens Salz* (DWDS).

В немецком языке, так же, как и в английском, положительную оценку получают старые друзья, реализуясь в модели «старые друзья — ценность», представленной в единице: *die alte Freunde die besten*¹⁴ (DS).

В ряде случаев в публицистических контекстах употребляется лишь часть ФЕ: *Die alten Freunde aus seinem Heimatdorf Hinterschmieding lehnt er deshalb sehr bald ab, er strebt nach Besserem und vor allem höheren Kreisen*¹⁵ (DWDS). В цитируемой статье порицается деревенский карьерист, забывший старых друзей, стремящийся войти в высшее общество.

Идея противопоставления друга и врага встречается как в английской, так и в немецкой картине мира. Модель «преданная дружба не будет прежней» репрезентируется во фразеологизме, дословно представляющем ее: *Die nächsten Freunde, die ärgsten Finde*¹⁶ (DS). В отрывке из газеты *Landshuter Zeitung* от 01.10.2020 приводится следующий контекст: «*Er kann sich vom ärgsten Feind zum besten Freund wandeln*», *so die Volkshochschule in ihrer Ankündigung dieses informativen Abends*¹⁷ (DWDS). В приведенном фрагменте текста наблюдается расширение компонентного состава исследуемой единицы, добавляется глагольный элемент, изменяется лицо и число подлежащего, что говорит об объективной заинтересованности языкового общества в этой единице.

Идея о ценности дружеской помощи в тяжелой ситуации универсальна. Фразеологизмы, построенные по модели «помощь друга в сложной ситуации —

¹² Есть старая поговорка, что «друг познается в беде». Теперь мы видим, что китайское правило нам совсем не друг.

¹³ Дружба — это соль жизни.

¹⁴ Старые друзья самые лучшие.

¹⁵ Поэтому он очень скоро отказывается от старых друзей из своей родной деревни Хинтершмидинг, он стремится к лучшему и, прежде всего, к высшим кругам.

¹⁶ самые близкие друзья, самые злые враги

¹⁷ Он может превратиться из злейшего врага в лучшего друга, говорится в сообщении Volkshochschule на этом познавательном вечере.

большая ценность», встречаются в различных языках. Подобная идея объективирована в ФЕ *Freund in der Not, Viele Freunde und wenig Nothelfer*¹⁸ (DS).

В Германии единица *Freund in der Not*¹⁹ давно употребляется в письменной речи. В этой стране в начале XIX века на исходе наполеоновских войн появилось «Общество друзей в беде», помогавшее жертвам войны, преимущественно калекам и сиротам. Название организации использует описываемую ФЕ. Предлагаемый далее отрывок из статьи в газете *Thüringer Allgemeine* напоминает читателям некоторые факты из истории благотворительной организации: *Im Oktober wird es sich zum 25. Mal jähren, dass er sich gründete und damit die «Gesellschaft der Freunde in der Not» wieder ins Leben rief, mit der sich der Sozialpädagoge und Schriftsteller Johannes Daniel Falk ab 1813 in Weimar um obdach- und elternlose Kinder gekümmert hatte*²⁰ (DWDS).

Модель «действия друзей — это действия, направленные нам во благо» предстает в нескольких фразеологизмах; она объективирует положительную оценку дружеских действий в виде образов, связанных с любовью или Божественной помощью, что отражают единицы *Freundes Schlage, liebe Schlage, Freundes Stimme, Gottes Stimme*²¹ (DS). В качестве примера описания положительной оценки дружеских проявлений чувств с аллюзией на рассмотренную ранее ФЕ приведем отрывок из *Münchner Merkur: Sein Handschlag mit gewissem Druck, sein freundlicher Schlag auf die Schulter hat es in sich*²² (DWDS).

В немецком языке встречаются разнообразные фразеологизмы, которые построены на основе модели ситуативного типа.

Интересны фразеологизмы, реализующие сравнительную оценку. Они представляют собой оригинальные оценочные сентенции, когда предикаты или обстоятельственные конструкции могут моделировать значения фразеологизмов, меняя ценностную нагрузку субстантивов.

Модель «друг лучше брата, если он находится рядом, а брат — далеко» объективируется во фразеологизмах *ein Freund in der Nähe ist besser als ein Bruder in der Ferne u besser Freund in den Ferne als Feind in der Nähe*²³ (DS).

Анализ корпусных источников позволяет установить, что в современном немецком языке чаще употребляется не вся ФЕ, а лишь ее часть, таким образом, в ряде контекстов имеет место аллюзия на ФЕ. Данная модель весьма частотна, насчитывается более 50 случаев ее употребления в письменных контекстах. Так,

¹⁸ Друг в беде, много друзей и мало помощников в чрезвычайных ситуациях.

¹⁹ Друг в беде.

²⁰ В октябре исполнится 25 лет со дня его основания и возрождения «Общества друзей в беде», с которым социальный педагог и писатель Йоханнес Даниэль Фальк заботился о детях, оставшихся без крова, и детях, оставшихся без попечения родителей, начиная с 1813 года в Веймаре.

²¹ Если друг бьет, то бьет любя, голос друга, голос Бога.

²² Его рукопожатие с определенным нажимом, его дружеское похлопывание по плечу имеют значение.

²³ «Друг рядом лучше, чем брат на расстоянии», и «лучше друг на расстоянии, чем враг рядом».

можно встретить контекст, постулирующий идею о том, что друг всегда придет на помощь: *Es ist irgendwie immer ein Freund in der Nähe*²⁴ (DWDS).

В газете *Rhein-Zeitung* (19.08.2002) говорится о том, что приятно найти общий язык с другом, который постоянно рядом: *Da war man schon froh, einen Freund in der Nähe zu wissen, mit dem man gemeinsam den Weg finden konnte*²⁵ (DWDS).

Модель ситуативного типа «жить без друзей невозможно/трудно» лежит в основе содержания немецких фразеологизмов *Ohne Bruder kann man leben, nicht ohne Freund, wer ohne Freund ist, lebt nur halb*²⁶ (DS). Приведенный далее пример демонстрирует случай неполной цитации ФЕ, когда упоминается элемент «друг», но теряется сопоставляемый элемент «брат». Таким образом, меняется логика фразы, и из сопоставительной она становится номинативной: «*Ohne Freunde kann man nicht leben*», *ergänzt er*²⁷ (DWDS).

Рассмотрим несколько примеров употребления самой частотной фразеологической единицы немецкого языка *Freund in der Not*²⁸ в письменных источниках, зафиксированных в корпусе.

В предлагаемой далее цитате раскрывается позиция немецкой политики второй половины XX века, когда немцы с благодарностью принимают помощь других государств, оказанную разгромленной Германией после Второй мировой войны: *Voll Dankbarkeit gedenkt unser Volk dieser Hilfe, die die Weisheit bestätigt, daß manden guten Freund in der Not erkennt*²⁹ (DWDS).

Интересен также пример, в котором раскрывается этика межличностных отношений, необходимость помощи другу в тяжелой ситуации: *um einem zu helfen, sich für den Freund in der Not einzusetzen oder sich nach Kräften für eine gute Sache einzusetzen*³⁰ (DWDS).

Немецкие фразеологизмы порицают стремление быть другом для всех, что отражает модель «быть другом для всех невозможно». Данная модель объективирована в ФЕ *Jedermans Freund, jedermans Nar, Jedermans gesell ist niemands Freund*³¹ (DS).

В единице *Besser ein sauersehender Freund als ein susslachelnder Feind*³² (DS) реализуется модель «дружба является безотносительной ценностью». В ней присутствует две пары аксиологически маркированных элементов «кислый»/«сладкий» и «друг»/«враг». Первые элементы пар в языке имеют положительную

²⁴ Каким-то образом рядом всегда есть друг.

²⁵ Было приятно узнать, что рядом есть друг, с которым можно найти общий язык.

²⁶ Ты не можешь жить без брата, ты не можешь жить без друга, тот, кто без друга, живет только наполовину.

²⁷ «Ты не можешь жить без друзей», — добавляет он.

²⁸ Друг в беде.

²⁹ Наш народ с благодарностью вспоминает эту помощь, подтверждающую мудрость того, что люди узнают хорошего друга в трудную минуту.

³⁰ Чтобы помочь человеку, поддержать друга в беде или сделать все возможное, чтобы сделать доброе дело.

³¹ Друг для всех, для всех глупец, товарищ каждого — никому не друг.

³² Лучше кислый взгляд друга, чем смех врага.

оценку, вторые — отрицательную. При этом предикат положительно оцениваемого субъекта несет отрицательную оценку, тогда как предикат отрицательно оцениваемого субъекта — положительную. Такое несоответствие маркеров сопоставляемых феноменов усиливает иллюкативный эффект данной единицы.

Объектные модели также употребляются в различных ФЕ немецкого языка: например, идея ценности старых друзей, или совет остерегаться новых людей, представлена во фразеологизмах, построенных по моделям объектного типа, — «старые друзья являются ценностью»: *Alte Freunde, alten Weins und alter Schwerter soll mann sich trösten, Neuem Freund und altem Haus ist nicht viel zu trauen*³³ (DS).

Ситуация несчастья, неудачи воплощена в ряде немецких ФЕ, реализующих объектную модель «дружба нуждается в проверке». Например, *Glück macht Freunde, aber Not bewährt Sie, Glück macht Freunde, Unglück prüft sie*³⁴ (DS).

Проанализируем русские ФЕ, реализующие оценочные значения концептом «друг», и начнем с модели «старые друзья являются ценностью». Она объективирована в русской ФЕ старый друг лучше новых двух (СППРН) и в английской модели — *old friends and old wines are the best*³⁵ (WDP).

Отметим, что в английской фразеологической традиции концепт «дружба» сопоставляется с гастрономической реалией, тогда как в русской ФЕ наблюдается количественная градация в сочетании с временной маркированностью. Маркер «старый» в рассматриваемой аксиогенной ситуации более предпочтителен. Фразеологизм старый друг лучше новых двух (СППРН) используется в письменных источниках с середины XIX века, например в 1862 году А. Н. Островский издал пьесу, название которой воспроизводило данную единицу (НКРЯ).

Современные психологи учат нас объективно относиться к старым друзьям, особенно если вы давно не общались: со временем люди меняются, другими становятся их ценностные приоритеты, которые могут не совпадать с нашими. Следует быть терпимыми, уважать чужое мнение, уметь давать людям объективную оценку: «*Старый друг лучше новых двух. Вы не виделись сто лет, тому было множество причин, а когда встретились, оказалось, что говорить почти не о чем*» (НКРЯ).

Модель «дружба нуждается в проверке» имеет субъектный характер как в отношении английской единицы *a friend in need is a friend indeed*³⁶ (ODP), так и в отношении ФЕ русского языка *друг познается в беде* (СППРН).

Русская ФЕ *друг познается в беде* близка по значению к английской единице (в английской ФЕ аксиогенная ситуация задействует понятие нужды, необходимости, а русская более экспрессивно маркирована, в ней речь идет

³³ Старые друзья, старое вино и старые мечи должны утешать человека, новому другу истарому дому особо доверять нельзя.

³⁴ Удача заводит друзей, но нужда проверяет их. Удача заводит друзей, неудача проверяет их.

³⁵ Старые друзья и старые вина — самые лучшие.

³⁶ Друг познается в беде.

уже о беде, несчастье). Приведем пример употребления данной единицы в литературе: *«Мой друг Сева всегда говорил пламенно и убедительно: — Друг познается в беде! И к счастью, а может, наоборот, к сожалению, я неоднократно имел возможность в этом убедиться»* (НКРЯ).

К числу объектных моделей относится модель «создавать дружеские отношения более важно, чем делать деньги». Она реализуется во фразеологизме *«не имей сто рублей, а имей сто друзей»* (СППРН). В рассматриваемой аксиогенной ситуации равное количество сопоставляемых объектов не обладает равной ценностью.

Исследуемая ФЕ фиксируется в письменных источниках конца XIX века: Н. Н. Златовратский в рассказе «Красный куст» (1881) воспроизводит в предлагаемом далее отрывке устную речь, которая изобиловала в то время фразеологическими высказываниями: *«— Спасибо, не забываешь старика... — Зачем забыть!.. Сказано — не имей сто рублей, а имей сто друзей»* (НКРЯ).

Переосмысление описываемого фразеологизма происходит и уже во второй половине XX века. В 1972 году выходит в свет произведение А. Гладина «Прогноз на завтра»: *«“Жизнь прожить — не поле перейти”?* Туманно. *“Не имей сто рублей, а имей сто друзей”?* Не то. *“Без труда не вытащишь и рыбку из пруда”?* Мелко» (НКРЯ). Герой произведения настроен крайне пессимистично, он отвергает мудрость народа, отраженную во фразеологизмах.

Известный автор В. Пьецух в произведении «Сравнительные комментарии к пословицам русского народа» рассуждает о пословицах в пессимистическом ключе, отмечая столкновение наивной и современной картины мира, анализирует механизмы реализации противоречий: *«пословица выродилась в дурацкую остроуту и лозунг на злобу дня. ... “Не имей сто рублей, а имей сто друзей” ... когда у нас было по одному грамотею на село, человек испытывал острую потребность в этических формулах, в кодексе моральных норм на все случаи жизни — теперь не то»* (НКРЯ).

Примером ситуативных моделей, объективированных в русском языке и при этом не встречающихся ни в английском, ни в немецком языке, служит модель «служба (долг) важнее дружбы». Она подчеркивает безусловный характер официальных отношений, продиктованных воинской службой, и отношений неофициальных, дружеских. Ее реализует фразеологизм «дружба дружбой, а служба службой» (СППРН).

Рассматриваемая единица попадает в поле зрения авторов весьма рано. Так, датируемый 1830 годом роман М. Н. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году» дословно цитирует исследуемую единицу, объективирует ее буквальное значение: *«Прошу не погневаться! ... дружба дружбой, а служба службой»* (НКРЯ).

Отечественную войну 1812 года сменяет Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Отношение к фразеологической мудрости не меняется: так, В. П. Катаев в известном произведении «Сын полка» детально описывает реалии фронтового быта солдат: *«Немало воды выпили они из одной походной фляжки. Однако ни малейшей поблажки по службе друг другу не делали, хорошо помня поговорку, что дружба дружбой, а служба службой»* (НКРЯ).

Современные контексты подтверждают незыблемость истины, отраженной в рассматриваемой единице. В интервью бард А. Розенбаум дает нелестную характеристику современной эстраде, своим коллегам, несмотря на свою принадлежность к когорте современных исполнителей: «*Меня просто не устраивает то, чем живет и чем занимается сегодня российская эстрада. ... дружба дружбой, а служба службой*» (НКРЯ).

Заключение

Проведенное исследование, посвященное анализу концептуального феномена «друг», который представлен в содержании фразеологизмов, показало, что аксиологическая (эвалюативная) составляющая в значении данных единиц играет важную роль. Иными словами, эвалюативный потенциал этих единиц весьма значителен. Концепт «дружба» в содержательной составляющей изученных в работе фразеологизмов обладает возможностью выражать оценочные значения как мелиоративного, так и пейоративного спектра; таким образом, значения исследуемого концепта амбивалентны.

В английском языке наблюдается превалирование отрицательных аксиогенных ситуаций, реализуемых во фразеологизмах с концептом «друг». Анализ моделей содержания фразеологизмов говорит о скептическом отношении английской картины мира к дружбе, отрицательной оценке предательства. В русской культурной традиции наблюдается больше положительно оцениваемых аксиогенных ситуаций, во фразеологизмах русского языка дружба рассматривается как ценность, причем долг выше дружбы, но дружба дороже денег. Общими для двух языков выступают аксиогенные ситуации, которые говорят о том, что друг познается в беде, и призывают нас ценить старых друзей выше новых.

В английском языке исследуемые фразеологизмы объективируют модели субъектного и объектного типов. Русские ФЕ, базовым элементом значения которых служит концепт «дружба», также характеризуются превалированием моделей субъектного типа. Отметим, что как в английском, так и в русском языке ситуативные модели для фразеологизмов с концептом «друг» наименее частотны.

Немецкие единицы, анализируемые в настоящей статье, также способны представлять модели трех типов: субъектного, объектного и ситуативного. Чаще всего исследуемые немецкие единицы реализуются в моделях ситуативного типа.

Список источников

Литература

1. Кондрашов, В. А., Чекалов, Д. А., & Копорулина, В. П. (2008). *Новейший философский словарь*. Феникс. https://gufo.me/dict/philosophy_dict/%D0%94%D1%80%D1%83%D0%B6%D0%B1%D0%B0
2. Красных, В. В. (2003). «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? Гнозис.
3. Cruse, A. (2004). *Meaning in Language: An Introduction to Semantics and Pragmatics*. Oxford University Press.

4. Croft, W., & Cruise, D. (2004). *Cognitive Linguistics*. Cambridge University Press.
5. *Методология современных семантических исследований в развитии и перспективе*. (2018). Флинта.
6. Бенвенист, Э. (1974). *Общая лингвистика*. Прогресс.
7. Викулова, Л. Г., Серебренникова, Е. Ф., & Черкашина, Е. И. (2021). Аксиология *château* как код продвигающего текста. В Л. Г. Викулова (Ред.). *Маркетинговая лингвистика в цифровую эпоху* (с. 22–30). Языки Народов Мира.
8. Карасик, В. И. (2021). *Языковая пластика общения*. Гнозис.
9. Караулов, Ю. Н. (2003). *Русский язык и языковая личность*. УРСС.
10. Тер-Минасова, С. Г. (2020). *Язык и межкультурная коммуникация*. Слово.
11. *Взаимодействие языков и культур: от диалога к полилогу*. (2021). ВКН.
12. Телия, В. Н. (1999). *Фразеология в контексте культуры*. Наука.
13. *Паремология без границ*. (2020). М. А. Бредис, О. В. Ломакина (Ред.). РУДН.
14. Лызлов, А. И. (2017). Относительность оценки в языковом сознании на примере английских фразеологизмов о правде и неправде. *Когнитивные исследования языка*, 29, 327–333.
15. Сулейманова, О. А., & Фомина, М. А. (2017). Верификационный потенциал семантического эксперимента. *Современные лингвистические и методико-дидактические исследования*, 2(34), 15–28.
16. Dobrovolskiĭ, D. (2023). Between lexicon and grammar: on the syntax of idioms. *Research on Language and Social Interaction* (pp. 85–99). <https://doi.org/10.21638/11701/9785288063183.06>
17. Podoliuc, T. (2021). The functions of idioms in a sentence. *Intertext. Research on Language and Social Interaction*, 2, 90–97. <https://doi.org/10.54481/intertext.2021.1.10>
18. Козеренко, А. Д., & Крейдлин, Г. Е. (2021). Фразеологические обороты как показатели некооперативного поведения участников диалога. *Вопросы языкознания*, 2, 53–65. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2021.2.53-65>
19. Сулейманова, О. А., & Гулиянц, А. Б. (2022). Методика лингвистического исследования как актуальный раздел современной научной публикации. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 4(48), 88–101. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2022.48.4.07>
20. Langlotz, A. (2006). *Idiomatic Creativity: A Cognitive-linguistic Model of Idiom-representation and Idiom-variation in English*. John Benjamins Publishing.
21. Богуславский, И. М. (2021). Семантический анализ с опорой на умозаключения в функциональной модели языка. *Вопросы языкознания*, 1, 29–56. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2021.1.29-56>
22. Kövecses, Z. (2006). *Language, Mind, and Culture. A Practical Introduction*. Oxford University Press.
23. Сулейманова, О. А., & Фомина, М. А. (2021). Категория оценки в идеализированной модели. *Когнитивные исследования языка*, 3(46), 85–88.

Источники

24. WDP: Apperson, G. L. (2006). *The Wordsworth dictionary of proverbs*. Wordsworth editions Ltd. Hertford-London.
25. ODP: Speakes, J. (2008). *The Oxford dictionary of proverbs*, 5th edition, Oxford University Press.
26. COCA: *Corpus of Contemporary American*. <https://corpus.byu.edu/coca>

27. DS: Simrock, K. (2011). *Die Deutschen Sprichwörter*; Recalm GmbH & Co. KG.
28. DWDS: *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*. <https://www.dwds.de>
29. СППРН: Даль, В. И. (1989). *Сборник пословиц и поговорок русского народа*. В 2 т. Т. 1. Художественная литература.
30. НКРЯ: *Национальный корпус русского языка*. <http://www.ruscorpora.ru>

References

Literatura

1. Kondrashov, V. A., Chekalov, D. A., & Koporulina, V. P. (2008). *The latest philosophical dictionary*. Feniks. (In Russ.). https://gufo.me/dict/philosophy_dict/%D0%94%D1%80%D1%83%D0%B6%D0%B1%D0%B0
2. Krasnyh, V. V. (2003). *At home with strangers: myth or reality?* Gnozis. (In Russ.).
3. Cruse, A. (2004). *Meaning in Language: An Introduction to Semantics and Pragmatics*. Oxford University Press.
4. Croft, W., & Cruise, D. (2004). *Cognitive Linguistics*. Cambridge University Press.
5. *Methodology of modern semantic research in development and perspective*. (2018). Flinta. (In Russ.).
6. Benvenist, E. (1974). *General linguistics*. Progress. (In Russ.).
7. Vikulova, L. G., Serebrennikova, E. F., & Cherkashina, E. I. (2021). The axiologeme château as a code for a promotional text. In L. G. Vikulova (Ed.). *Marketing linguistics in digital era* (pp. 22–30). Yazyki Narodov Mira. (In Russ.).
8. Karasik, V. I. (2021). *Linguistic plasticity of communication*. Gnozis. (In Russ.).
9. Karaulov, Yu. N. (2003). *Russian language and language personality*. URSS. (In Russ.).
10. Ter-Minasova, S. G. (2000). *Language and intercultural communication*. Slovo. (In Russ.).
11. *Interaction of languages and cultures: from dialogue to polylogue*. (2021). VKN. (In Russ.).
12. Teliya, V. N. (1999). *Phraseology in the context of culture*. Nauka. (In Russ.).
13. *Paremiology without borders*. (2020). In M. A. Bredis, O. V. Lomakina (Eds.). RUDN. (In Russ.).
14. Lyzlov, A. I. (2017). Relativity of evaluation in linguistic consciousness on the example of English phraseological units about truth and untruth. *Cognitive Studies of Language*, 29, 327–333. (In Russ.).
15. Suleimanova, O. A., & Fomina, M. A. (2017). Verification potential of semantic experiment. *Modern Linguistic and Methodical-and-Didactic Researches*, 2(34), 15–28. (In Russ.).
16. Dobrovol'skij, D. (2023). Between lexicon and grammar: on the syntax of idioms. *Research on Language and Social Interaction* (pp. 85–99). <https://doi.org/10.21638/11701/9785288063183.06>
17. Podoliuc, T. (2021). The functions of idioms in a sentence. *Intertext. Research on Language and Social Interaction*, 2, 90–97. <https://doi.org/10.54481/intertext.2021.1.10>
18. Kozerenko, A. D., & Krejdlin, G. E. (2021). Phraseological units as markers of non-cooperative behavior of dialogue participants. *Voprosy Jazykoznanija*, 2, 53–65. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2021.2.53-65>
19. Suleimanova, O. A., & Guliyants, A. B. (2022). Linguistic research methods as essential part of academic publication. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics*.

Linguistic Education, 4(48), 88–101. (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2022.48.4.07>

20. Langlotz, A. (2006). *Idiomatic Creativity: A Cognitive-linguistic Model of Idiom-representation and Idiom-variation in English*. John Benjamins Publishing.

21. Boguslavsky, I. M. (2021). Semantic analysis supported by inference in a functional model of language. *Voprosy Jazykoznanija*, 1, 29–56. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2021.1.29-56>

22. Kövecses, Z. (2006). *Language, Mind, and Culture. A Practical Introduction*. Oxford University Press.

23. Suleimanova, O. A., & Fomina, M. A. (2021). The category of evaluation in an idealized model of the world. *Cognitive Studies of Language*, 3(46), 85–88. (In Russ.).

Istochniki

24. WDP: Apperson, G. L. (2006). *The Wordsworth dictionary of proverbs*. Wordsworth editions Ltd. Hertford-London.

25. ODP: Speakes, J. (2008). *The Oxford dictionary of proverbs*. 5th edition. Oxford University Press.

26. COCA: *Corpus of Contemporary American*. <https://corpus.byu.edu/coca>

27. DS: Simrock, K. (2011). *Die Deutschen Sprichwörter*. Recalm GmbH & Co. KG.

28. DWDS: *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*. <https://www.dwds.de>

29. SPPRN: Dal', V. I. (1989). *Collection of proverbs and sayings of the Russian people*. In 2 vols. Vol. 1. Hudozhestvennaya literatura. (In Russ.).

30. NKRYA: National Corpus of the Russian Language. (In Russ.). <http://www.ruscorpora.ru>

Информация об авторах / Information about the authors

Алексей Игоревич Лызлов — доктор филологических наук, доцент, старший преподаватель 16 кафедры иностранных языков Военной академии войсковой противоздушной обороны Вооруженных Сил Российской Федерации имени Маршала Советского Союза А. М. Василевского.

Aleksei I. Lyzlov — D. Sc. (Philology), Docent, Senior Lecturer of the Foreign Languages Department 16 of the Russian Federation Armed Forces Army Air Defense Military Academy named after Marshal of the Soviet Union A. M. Vasilevsky.

Ольга Аркадьевна Сулейманова — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания и переводоведения Института иностранных языков МГПУ.

Olga A. Suleimanova — D. Sc. (Philology), Professor, Professor of the Department of Linguistics and Translation Studies at the Institute of Foreign Languages of Moscow City University.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Научная статья

UDC 811.161.1'373.46'06

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.11

ОБОЗНАЧЕНИЕ ЦВЕТА КАК ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАКА В ТЕКСТЕ РУССКИХ ЛЕЧЕБНИКОВ

Пименова Марина Васильевна

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых,
Владимир, Россия,

pimenova-vgpu@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4117-9273>

Аннотация. Статья посвящена анализу функционирования лексико-семантической группы единиц с корневым элементом «цвет» в рукописных лечебниках XVII–XVIII веков, выявленных методом сплошной выборки. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью в диахронии зависимости семантики лексических единиц от жанрово-текстовой принадлежности и прагматической направленности того или иного памятника. Естественно-научный медицинский текст лечебника отражает стремление к единообразию, которое приводит к вычленению абстрактного цветового признака, включающего в себя множество оттенков, существующих в действительности, поэтому понятия тона, насыщенности и светлоты цветообозначения для текста лечебника не важны, в отличие от текстов, например, народного травника. Найденный абстрактный признак неподвижно закреплен за объектом в функции определения в составе связанных сочетаний в терминологическом значении, при котором цветовой признак номинации нивелируется и цветковые прилагательные как обозначения цвета не воспринимаются. Данные терминологически связанные сочетания с цветовым компонентом встречаются в тексте лечебника при определении видовой принадлежности целебных трав (*белый – черный*), характеристике конкретного заболевания (*желтый, зеленый, синий, черленый, черный*), описании течения болезни и качества немощи (*желтость, зеленость, черленость*), представлении здорового состояния человека (*белый, светлый, одноцветный*) и т. п. В составе включенных в лечебник народных заговоров цветообозначения *белый, черный, синий* используются в функции фольклорных эпитетов и воспринимаются синкретично с определяемым словом, прилагательное *золотой* повышает магическую ценность заговорной формулы. Рассмотренный материал подтверждает, что конкретная практическая направленность и жанрово-тематические особенности текста предопределяют семантику лексических единиц с корневым элементом «цвет» и их функционирование в прямом (цветовом), терминологически связанном или синкретично фольклорном значении.

Ключевые слова: цветообозначения, лексико-семантическая группа, семантика, функционирование, рукописи, лечебники.

Для цитирования: Пименова, М. Вас. (2024). Обозначение цвета как терминологического знака в тексте русских лечебников. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(54), 151–162. [https://doi.org/ 10.25688/10.25688/2076-913X.2024.54.2.11](https://doi.org/10.25688/10.25688/2076-913X.2024.54.2.11)

Original article

UCD 811.161.1'373.46'06

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.11

COLOR NOMINATION AS A TERMINOLOGICAL SIGN IN RUSSIAN HEAL BOOKS (LECHEBNICS) TEXTS

Marina Vas. Pimenova

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs,
Vladimir, Russia,

pimenova-vgpu@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4117-9273>

Abstract. The article aims at analyzing the functions of the lexical-semantic group of units with the root element «color» in the XVIIth–XVIIIth century handwritten heal books collected through entire sampling method. The research is relevant due to the insufficient knowledge of the diachronic interrelation of lexical units' semantics, their genre and pragmatics of a particular literary masterpiece. The natural science medical text of a heal book reflects the desire for uniformity, which leads to the isolation of an abstract color feature, which includes many tints that exist in reality, therefore the concepts of tone, saturation and lightness of color designation are not important for the text of a heal book, unlike texts, for example, of a folk herbal. The found abstract feature is fixedly assigned to the object in the attributive function as part of set word combinations in the terminological meaning, in which the color feature of the nomination is leveled and color adjectives are not perceived as color designations. These terminologically related combinations with a color component are found in the text of heal books when determining the species of medical herbs (*white – black*), characterizing specific diseases (*yellow, green, blue, cherleniy (kind of red), black*), describing the course of the disease and the quality of «infirmity» (*yellowness, greenness, cherlenost'*), representing a person's state of health (*white, light, monochromatic*), etc. As a part of folk spells included in a heal book, the color nominations *white, black, and blue* are used as folk epithets and are perceived syncretically with the word being defined. The adjective *golden*, in turn, increases the magical value of a spell formula. The considered material confirms that the specific practical relevance along with genre and thematic features of the text predetermine the semantics of lexical units with the «color» root element and their functioning in direct (color), terminologically related or syncretically folklore meaning.

Keywords: color nomination, lexical-semantic group, semantics, functioning, manuscripts, lechebnik (heal book).

For citation: Pimenova, M. Vas. (2024). Color nomination as a terminological sign in Russian heal books (lechebnics) texts. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistics Education*, 2(54), 151–162. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.54.2.11>

Введение

Русские лечебники — это средневековые медицинские сборники, содержащие различные средства лечения болезней. В. М. Флоринский отмечает, что лечебники представляют собой «стройную систему медицинского учения того времени» (Флоринский, 1879/80, с. 11). В состав сборника могли входить следующие разделы: «Лекарства, кои содержатся в шкатункѣ лекарственной», «Какъ воду изъ травъ дѣлати», «Описание разныхъ вещей силы и действия», «О маслех, которые к чему угодны бывают», «Сказания о немощахъ», «О знаменахъ мороваго повѣтря», «О вхождении банном», «О наукѣ врача Моисея египтянина ко Александру царю Македонскому» и др. Как отмечает В. В. Рождественская, «в XVI в. было переведено несколько лечебников с “немецкого” (т. е. с иностранных языков), раньше всего — с польского, обычно иностранцами, но с помощью русских людей» (Рождественская, 1990, с. 297). А. А. Турилов пишет, что в сборном лечебнике «переводные тексты сменяются русскими дополнениями, медицинские советы — хозяйственными (<...> вплоть до приворотных зелий); восходящие к античности рецепты соседствуют со вполне доморощенными» (Турилов, 2002, с. 368). В. В. Колесов подчеркивает, что «каждый последующий “писатель” дополнял от себя текст, в результате перед нами возникает целостная картина того исходного образа, который лежит в основе постоянно разрастающегося сочинения» (Колесов, 1987, с. 609).

Начиная с XIX века исследователи обращались к изучению русских лечебников. Следует отметить, например, труды П. А. Сырку (Сырку, 1883), Л. Ф. Змеева (Змеев, 1895), В. Ф. Груздева (Груздев, 1946), Н. А. Богоявленского (Богоявленский, 1960), В. С. Тереховой (Терехова, 1965), В. В. Колесова (Колесов, 1987), М. Вас. Пименовой (1987), Л. С. Соболевой (Соболева, 1990), А. А. Турилова (Турилов, 2002), О. В. Трофимовой и А. В. Петрухиной (Трофимова и Петрухина, 2021) и др., однако говорить о всесторонней изученности данных памятников рано, «по крайней мере до тех пор, пока не каталогизированы рукописи, содержащие эти тексты (а счет списков только в хранилищах России будет идти на сотни)» (Турилов, 2002, с. 368).

Данная статья основана на материале рукописных лечебников XVII–XVIII веков, хранящихся в Российской государственной библиотеке (РГБ) и Российской национальной библиотеке (РНБ), а также изданных Н. С. Тихонравовым (Тихонравов, 1863), В. М. Флоринским (Флоринский, 1879/80), А. А. Потебней (Потебня, 1890), В. В. Рождественской совместно с В. В. Колесовым (Домострой, 1990), А. Л. Топорковым (Топорков, 2002), М. Ю. Лахтиным (Лахтин, 2011). Статья посвящена изучению функционирования в тексте лечебника единиц одной из лексико-семантических групп — обозначений цвета, которые извлечены из анализируемых памятников методом сплошной выборки. Целью стало выявление зависимости семантики лексических единиц от жанрово-тематической принадлежности и практической направленности

конкретного текста. Русские переводные лечебники сопоставляются с текстом русских народных травников, содержащих описания лекарственных растений и сведения об их практическом использовании (Пименова, 2007, с. 105–108; 2010).

Цветообозначения при определении видовой принадлежности целебных растений

В отдельных случаях в переводных лечебниках встречаются описания растений, почти полностью совпадающие с народными травниками, в которых обозначения цвета используются в буквальном (в прямом с современной точки зрения) значении. Например, в описании травы маточник: *«а цвѣтъ на ней синь, какъ котелчики, а наверху, как кистокъ цвѣтокъ, а по сторонамъ цвѣтки сини же»* (здесь и далее выделено курсивом и полужирным нами. — М. П.) (Лахтин, 2011, с. 49). В травнике цвет фиолетового венчика этого растения также обозначается при помощи прилагательного *синий*, например: *«Есть трава словоет маточник, растет по старым местам и межам, и по перелогам, собою синя, цвет синь, верху кусточки сини же, как котелняки синь»* (Травник I, л. 1). Близко к тексту травника также описание целебного растения под названием «полша»: *«Есть трава именем полша, на плакун походила, а лист у нея долог, а цвет вишнев, а растет подле реку по лугам, и ты, ту траву вынявши, внеси в дом свой, тогда не внидет при той траве дух злый, добро с нею в люди ходити. <Унд. Л. 145. № 192. Вар. Соболев. С. 80. № 37>»* (Топорков, 2002, с. 382–383). Кроме того, в тексте лечебника при указании на благоприятное время сбора цветков шиповника в цветовом значении используется прилагательное *черлен*: *«Цвет своборинной собою студеностен в первом ступне, а сух во втором. Егда он черлен станет, а не гораздо ростянется, и тогда ево собирем и на соблюдение высушим на ветре, и тако благовоние от них не отходит»* (Домострой, 1990, с. 242).

Однако чаще всего в тексте лечебника отсутствуют описания целебных трав, приводятся только способы их употребления: *«Возьми верониковы травы двѣ гривенки, и разведи въ ней три золотника купоросу <...>, и егда купорось растаетъ и тѣмъ тѣло натираемъ»* (Лечебник I, л. 140 об.); *«взявши корице столкти мелко и смешать ее с преснымъ медомъ и мазать тому челоуьку, у кого под глазами красно или синео»* (Потебня, 1890, с. 57) и т. д. Если в народном травнике указываются особенности венчика, листьев, плодов, корня, то в переводном лечебнике определяются совершенно иные «приметы». Ср.: (Травник): *«Трава капуста синяя растет въ яровом полѣ, цвет красенъ, листы что елки, корень реткой»* (Травник II, л. 14); (Лечебник): *«Синяя капуста естеством она студена и волгостна во второмъ ступнѣ»* (Лечебник I, л. 18).

Обозначения цвета в тексте лечебника используются в большинстве случаев при определении видовой принадлежности целебных трав. Например: *«Двѣ суть черемицы, едина бѣла, а другая черная»* (Лечебник V, л. 29 об.);

«...одна белая, а другая черная» (Лечебник III, л. 97 об.); «**Черныя чемерицы** корение варено въ водѣ, и еще тѣмъ ротъ полощемъ, болѣзнь зубная уймется ... Корень **бѣлыя чемерицы** не пристоишь прятти внутрь, отъ того пряттия омракъ наводитъ главь» (Лечебник I, л. 147–147 об.; Флоринский, 1879/80, с. 106). В данных контекстах прилагательные *белый* и *черный* выступают в нецветовом, терминологическом значении, указывая на различные виды растений семейства лилейных, однако в основе номинации лежит цветовой признак, так как один вид этого растения имеет зеленовато-белые цветы, а другой — черно-красные (Панасенко, 2010, с. 206).

«**Горчица** есть **бѣлая** горяча и волгостна во сторомъ ступнѣ... **горчица черная** горяча и суха есть въ первомъ и четвертомъ ступнѣ» (Лечебник I, л. 30–31; Флоринский, 1879/80, с. 42). В. И. Даль отмечает, что «английскую горчицу зовут бѣлою» (Даль, т. 1, с. 384). Цветовые прилагательные *белый* и *черный*, как и в предыдущем случае, указывают на определенную разновидность растения.

В роли терминов *белый* и *черный* используются и в рекомендациях лечебника по применению растения мак: «**Бѣлый мак** естествомъ есть студень и волгостень, а **черный макъ** студеностень и сухъ» (Лечебник I, л. 13; Флоринский, 1879/80, с. 29). В рецептах лечебника чаще рекомендуется использовать *белый мак*, поскольку «**черный макъ** собою вредителень, для того не даемъ его прятти внутрь, но на верхъ тѣла прикладываемъ» (Лечебник I, л. 12; Флоринский, 1879/80, с. 29).

«**Редка белая** содержитъ въ себѣ такую силу: кто ее на-дще истъ, то велготности и въядмы не бываетъ... **Редка черная** силу имѣеть сицевую: варить ее въ уксусъ и истъ на-дще, кому мало апетиту» (Потебня, 1890, с. 50). Очевидно, что в данном случае прилагательные *белый* и *черный* также указывают на разные сорта растения.

«**Врачи** глаголютъ, что двѣ суть травы чернобыльныя, **бѣлая** и **черная**» (Флоринский, 1879/80, с. 102). Чернобыль — это лекарственное растение полынь, имеющее несколько видов. Полынь обыкновенная обладает одревесневшим стеблем, «черные засохшие листья растения остаются до первого снега, а иногда и всю зиму» (Панасенко, 2010, с. 207). Терминологическое словосочетание *черная чернобыль* обозначает, по-видимому, именно этот вид растения, а *белая чернобыль* указывает на полынь горькую, у которой стебель и листья являются шелковисто-серо-войлочными.

Растение лук репчатый обладает большой луковицей, покрытой красноватыми, белыми и фиолетовыми оболочками, что нашло отражение в терминах, встречающихся в рецептах лечебника: «**Лукъ черной** или **бѣлой**, сыръ, толченой с патокою смѣшенъ и прятто, болезнь всякую из стомаха выведетъ» (Лечебник I, л. 22); «**Къ тому же черной лукъ** смѣшай со уксусомъ виннымъ, мажи тѣмъ» (Лахтин, 2011, с. 44). Словосочетание *лук черленый* (Флоринский 1879/80, с. 36), возможно, является опiskой (вместо «лук черный»), хотя можно предположить указание на вид лука репчатого, луковица которого покрыта красноватыми оболочками.

Довольно часто в лечебниках встречается терминологическое словосочетание *темьянь бѣлый*, которое указывает на растение тмин обыкновенный, имеющее белые цветки: «*Кому голова болитъ, возьми деревяннаго масла и темьянь бѣлый, столки въ ступъ и привяжи къ головѣ*» (Лахтин, 2011, с. 29); «*яичный же бѣлокъ да траву мяту, изсушивъ листвие, да истерти мастику да бѣлый темианъ давати выгѣстъ*» (Тихонравов, 1863, с. 427).

В. И. Даль указывает, что *белой лебедой* называли дикий вид растения, в отличие от садовой *красной лебеды* (Даль, т. II, с. 241). «*Глисты заморивать: белую лободу, посоливши, съ медомъ пить*» (Потебня, 1890, с. 24).

Белый инбирь — это лекарственное растение, имеющее пряный белый корень (Даль, т. II, с. 44): «*Аще у кого голова болитъ безъ престани и шумитъ долго, возьми инберъ бѣлый, да свари в винъ бѣломъ добромъ*» (Лахтин, 2011, с. 28); «*От кашлю: прадати меду, сколько надобно и потрѣбно будетъ, патоки, имберу белого*» (Потебня, 1890, с. 34).

Белым медом называли мед, собранный с цвета липы, в отличие от гречишного *красного меда*: «*Рутяний сокъ с бѣлымъ медомъ въ очи пускати*» (Потебня, 1890, с. 23).

При помощи прилагательного *белый* в терминологическом значении обозначался определенный вид растения также в следующих контекстах: «*Свекла бѣлая собою волгостна есть*» (Лечебник I, 21 об.); «*Перецъ бѣлый нѣкую в собѣ имѣеть волгость*» (Лечебник I, 77 об.; Флоринский, 1879/80, с. 115); «*Бобъ бѣлый мочить в оцтъ моциомъ <...> Лелги бѣлой намочить в горѣлки <...> Взявъ калачиковъ белих и в водѣ оттопить*» (Потебня, 1890, с. 14, 36, 47); «*Аще кому червь родится на тѣлѣ, гребутца бѣлого истолочь листвие и соку того нацѣдити на то место*» (Лахтин, 2011, с. 15).

«*Кто нюхаетъ цветъ белои фиалковой, болезнь главную уимет*» (Лечебник III, 98; Лечебник IV, л. 1), «*Цвѣтъ бѣлый фиалковый*» (Лечебник I, л. 104 об.; Флоринский, 1879/80, с. 96). В данном случае речь идет о растении ночная фиалка, которое имеет белые цветы с сильным запахом. Еще один вид фиалки душистой имеет темно-фиолетовые цветки, что нашло отражение в терминологическом словосочетании *фиалка лазоревая*: «*Фиалки лазоревыи с мукою ячною толченою к вискамъ прикладывать*» (Лечебник II, л. 29 об.). Интересно, что в единственном описании фиалки в тексте народного травника прилагательное *лазоревый* выступает не в терминологическом, а в цветовом значении: «*Трава фьялка собою невелика, цвѣтъ ея лазоревъ*» (Травник III, л. 35 об.).

В целом прилагательное *белый* встречается в тексте лечебника в названиях шестнадцати лекарственных растений, прилагательное *черный* — в семи. Кроме вышеприведенных примеров, слово *черный* используется при определении вида целебной травы буквица: «*взяти травы рамонъ, миллотъ, кропъ, проскурникъ большой, буквицы черныя*» (Лечебник I, л. 172; Флоринский, 1879/80, с. 149). Следует также отметить, что растение полынь в ряде контекстов лечебника именовалось не словом *чернобыль*, а при помощи устойчивого словосочетания *черная трава*, например: «*Аще будетъ рана, возьми черную траву, сотри зѣло,*

измывая рану теплою водою, и присыпай **черную траву**, и тѣми вощинами нальплай наверхъ **черныя травы**, да скоро плоть будетъ» (Лахтин, 2011, с. 22).

Цветобозначения при определении вида заболевания и компонента лечебного препарата

При определении различных болезней в тексте лечебников используются прилагательные *желтый, синий, черный, зеленый, червленый, красный*, а также существительные с «цветовым» корнем — *черленость, зеленость, желтость* и др. Например: «Отъ водяной болѣзни и отъ **желтой немочи**» (Лечебник I, л. 113 об.; Флоринский, 1879/80, с. 103); «На **жолтую хоробу**: з судна золотого albo позлацаного напитокъ заживать» (Потебня, 1890, с. 16); «Аще на кого нападеть **желтость** <...> Отъ водяной болѣзни и отъ **желтой немочи** <...> Немочь печенную и **желтость** отъ тела сгонить» (Лечебник I, 107, 113 об., 137 об.). В данных контекстах слова *желтый, желтость* указывают на реальный нездоровый оттенок кожи человека, страдающего заболеванием печени, а также выступают в терминологическом значении.

«Аще кто кровь плюетъ, или в кого **зеленая болезнь** имеется» (Потебня, 1890, с. 103); «Отъ котова или отъ кошкина укушения бываетъ великая болѣзнь и **зеленость тѣла**» (Лечебник I, л. 51; Флоринский, 1879/80, с. 56); «и **черленую кручину**, коя родится отъ великого горячества, и вредительную мокрость из всего тѣла изгонить» (Лечебник I, л. 100; Флоринский, 1879/80, с. 92); «тогда **черленость** изъ очей изгонитъ» (Лечебник I, л. 135 об., 193; Флоринский, 1879/80, с. 121, 166); «**очи чирвоние** и болящие кто имѣтъ» (Потебня, 1890, с. 9). В приведенных контекстах прилагательные *зеленый* и *черленый* входят в состав терминологически связанных сочетаний *зеленая болезнь, черленая кручина*, а существительные указывают на ненормальность оттенка кожи (*зеленость тела*) или на воспаление, на красноту глаз (*черленость*).

Словосочетание *синяя рана* имеет значение ‘синяк, рана от удара’: «Коли рана **синя** битая, ино возьми белиль да ладану, да олифы немного, да мазати тое **раны синия** <...> Да тѣмъ мазати по **ранѣ синей**» (Лахтин, 2011, с. 21, 59).

Прилагательное *синий* употребляется также как определение в рецептах от болячек, прыщей, коросты, угрей и пр.: «Та вода огненная **синяя надутыя** болячки заживляетъ (Лечебник I, л. 144 об.; Флоринский, 1879/80, с. 127). «А коли будетъ **синяя** короста отъ сего не сойдетъ, и ты къ тому же приложи серу горячую и чаберъ <...> Аще выпрениетъ на тѣле **лихой прыщъ, синь** <...>, и ты семя конопляное сожвавь, приложи» (Лахтин, 2011, с. 54, 59). В аналогичных значениях употребляются и прилагательные *черный* и *черленый*: «Тѣмъ же сокомъ помазуемъ **лишаи черные** <...> **угри черные** и прыщеватые съ лица истребитъ <...> Аще у которого человекъ подъ пазухами, или за щеками, или на шеи **болячка черлена** или **черна**» (Лечебник I, л. 20 об, 142 об., 203; Флоринский, 1879/80, с. 35, 126, 174). В приведенных примерах

прилагательные определяют реальный оттенок пораженного участка тела человека.

Прилагательные *черный*, *зеленый* и *желтый* употребляются в главе «Знамена злыя въ немощахъ»: «*А очи впадутъ и щеки гладки, уши студены и желты и сморщены, и будетъ ли на лицъ кожа истянута и цвѣтъ желтъ по вѣсму тѣлу или зеленъ, или чернъ <...> Аще кровь будетъ черна или зелена*» (Лечебник I, л. 212, 205; Флоринский, 1879/80, с. 161, 175).

Ахроматичность как знак здоровья и красоты

При описании здорового человеческого тела в функции предиката употребляются прилагательные *белый*, *светлый*, *одноцветный* (как указание на результат лечебных/гигиенических действий): «... *тою водою лице умываемъ и руки, тогда тѣло чисто и бѣло станетъ <...> тогда лице свѣтло станет и всякую нечистоту личную и лишаи съ лица згонитъ*» (Лечебник I, л. 27; Флоринский, 1879/80, с. 39); «*и тѣмъ аще лице умываетъ, и станетъ бѣло и свѣтло*» (Потебня, 1890, с. 30); «*и тем, аще кто лице умывает, и лице станет бело и светло*» (Домострой, 1990, с. 241); «*а подѣ вѣками станетъ бѣло*» (Лахтин, 2011, с. 55); «*а будетъ тѣло мягко и одноцветно*» (Флоринский, 1879/80, с. 180); «*а будетъ тѣло едино цвѣтно*» (Лечебник I, л. 212 об.). В приведенных контекстах прилагательное *белый* выступает в значении 'светлый', 'чистый'.

Кроме *белого тела*, признаком здоровья и красоты в лечебниках являются *черные брови* и *черные волосы*: «*А кто хочетъ брови черны имѣти, то саломъ медвѣжимъ помазовати*» (Лечебник I, л. 50 об.; Флоринский, 1879/80, с. 56); «*Аще у кого будутъ волосы желты, журавлиныя яйца мѣшати съ виномъ, и будутъ черны*» (Тихонравов, 1863, с. 427).

Цветобозначения в функции постоянных фольклорных эпитетов

Следует отметить, что в разнородный состав лечебника входили не только научные (для того времени) медицинские сведения, но и народные заговоры, включающие в себя устойчивые сочетания с постоянными цветовыми эпитетами, например: *бѣль латырь камень, на бѣломъ тѣлѣ, синѣ море, красное солницѣ, серой волкъ* и т. п.

Например, заговор «отъ усоевъ», т. е. «от внутреннего воспаления, от колотья» (Даль, т. IV, с. 513): «*Есть море золото, на золотъ моръ золотъ корабль, на золотъ корабль ѣдетъ святой Николае, помогаетъ рабу Божию (имя рекъ) отъ усоевъ: есть моръ золото, на золотъ моръ бѣль камень, на бѣль камени сидитъ красная дѣвица съ палицею желѣзною, терпитъ, обороняетъ, отлучаетъ отъ раба Божия (имя рекъ) усоеви на мхи на болота...*» и т. п. (Лахтин, 2011, с. 41).

В этом длинном заговоре пять раз рефреном повторяется фраза «есть море золото», а всего прилагательное *золотой* упоминается девятнадцать раз. В приведенном контексте отражается фольклорное пристрастие к золотому как к символу красивого, драгоценного, лучшего. Концентрация прилагательного *золотой* объясняется, по-видимому, желанием повысить ценность заговорной формулы.

В заговоре «отъ трясавицы» (против лихорадки) встречается народное имя трясовицы — дочери Ирода — *желтея*: «9-же рече, мне есть имя *желтъя*, *желтъя* же рече, аки *желтый* цветъ въ поле» (Лахтин, 2011, с. 45). Так как в заговорах способность причинять зло определяется по признаку цвета волос, в текст одного из лечебников вошла следующая формула: «от *дъвки простоволоски*, от *краснаго*, от *чернаго* и *рыжаго*, от *плешиваго*» (Лечебник III, л. 2–2 об.).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что заговоры представляют собой инородное тело в тексте лечебника, ориентированного на систему научных взглядов того времени, а не на мифологические формулировки. Заговоры дают пример фольклорного цветовосприятия и обозначения цвета, когда цветовой признак неподвижно закреплялся за определенным объектом. Неподвижности идеального признака в заговорах придавалось магическое значение.

Заключение

Таким образом, в каноническом тексте лечебника цвет — это условный неподвижный знак, отвлеченный от конкретных цветовых признаков, поэтому понятия тона, насыщенности и светлоты в данном памятнике нерелевантны. В большинстве контекстов переводного лечебника цветообозначения эксплицируют признак, закрепленный за объектом как терминологический знак определенной целебной травы, вида заболевания, компонента лекарственного препарата и т. п., т. е. цветовой признак номинации чаще всего нивелируется и «цветовые» прилагательные как обозначение цвета не воспринимаются. В преобладающую часть терминологических сочетаний лечебника входят отвлеченные от прямого значения прилагательные *белый* и *черный*, определяющие, как правило, видовую принадлежность растений. Универсальное обозначение *черный*, наряду с прилагательными *желтый*, *зеленый*, *синий*, *черлений*, используется также при определении вида заболевания как «знамена злыя въ немощахъ». Если для определения заболевания требуется целый ряд цветовых примет, то нормальное, здоровое состояние в этом не нуждается, поэтому «знамена добрыя» — это ахроматические прилагательные *белый*, *светлый*, *одноцветный*.

Терминологически связанные сочетания не допускают вариантов, поэтому списки лечебников почти полностью идентичны. Единообразие приводит к однозначности — при условии знания, что означает данный знак.

Список сокращений

Лечебник I — Лечебник XVIII в. Российская национальная библиотека. Фонд 0.VI.2. 255 л.

Лечебник II — Лечебник начала XVIII в. Российская национальная библиотека. Фонд 0.VI.4. 37 л.

Лечебник III — Лечебник XVIII в. Российская государственная библиотека. Фонд 205. № 219. 144 л.

Лечебник IV — Лечебник XVIII в. Российская государственная библиотека. Фонд 178. № 10944–7. 2 л.

Лечебник V — Лечебник XVIII в. Российская государственная библиотека. Фонд 199. № 607–608. 36 л.

Травник I — Травник XVIII в. Библиотека Академии наук. Фонд 33.15.192. 14 л.

Травник II — Травник середины XVIII в. Российская государственная библиотека. Фонд 218.785.2. 21 л.

Травник III — Травник 1703–1705 гг. Российская государственная библиотека. Фонд 310.1072. 159 л.

Список источников

1. Флоринский, В. М. (1879/80). *Русские простонародные травники и лечебники*. Собрание медицинских рукописей XVI–XVII вв. Типография Императорского университета.

2. Рождественская, В. В. (1990). Комментарии. Лечебник. В В. В. Колесов (Ред.). *Домострой* (с. 297–298).

3. Турилов, А. А. (2002). Народные поверья в русских лечебниках. В А. Л. Топорков, А. А. Турилов (Ред.). *Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков* (с. 367–375). Индрик.

4. Колесов, В. В. (1987). Из лечебников и травников. В Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев (Ред.). *Памятники литературы Древней Руси, Т. 9*, (с. 492–527, 607–613). Художественная литература.

5. Сырку, П. А. (1883). Отрывок малорусского простонародного лечебного травника и два заговора. *Филологические записки, 1*, 1–12.

6. Змеев, Л. Ф. (1895). Русские врачевники. *Исследование в области нашей древней врачебной письменности*. Типография В. Демакова.

7. Груздев, В. Ф. (1946). *Русские рукописные лечебники*. Издательство Военно-морской медицинской академии.

8. Богоявленский, Н. А. (1960). *Древнерусское врачевание в XI–XVIII вв.* Источники для изучения истории русской медицины. Медгиз.

9. Терехова, В. С. (1965). *Лексика народной медицины. По материалам лечебников XVII–XVIII вв.* [Диссертация ... канд. филол. наук. 10.02.01. Ленинград].

10. Пименова, М. Вас. (1987). *Семантика цветообозначений по памятникам древнерусской литературы (на материале травников, лечебников, иконописных подлинников)* [Диссертация ... канд. филол. наук. 10.02.01. Ленинград].

11. Соболева, Л. С. (1990). Рукописный лечебник XVIII в. строгановского крестьянина Василия Демидова. В Д. С. Лихачев (Ред.). *Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма* (с. 75–83).

12. Трофимова, О. В., & Петрухина, А. В. (2021) Лечебники XVII–XVIII вв. из сибирских архивов: структурно-грамматический аспект. *Вестник Волгоградского государственного университета, 2(4)*, 19–35.

13. Тихонравов, Н. С. (1863). Отреченные книги древней Руси: в 2 т. Т. 2. Типография товарищества «Общественная польза».
14. Потебня, А. А. (1890). *Малорусские домашние лечебники XVIII в.* Типография Г. Т. Корчак-Новицкого.
15. *Домострой*. (1990). В. В. Колесов (Ред.). Советская Россия.
16. Топорков, А. Л. (2002). Суеверия в лечебниках XVII–XVIII вв. В А. Л. Топорков, А. А. Турилов (Ред.). *Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков* (с. 376–393). Индрик.
17. Лахтин, М. Ю. (2011). *Старинные памятники медицинской письменности*. Либроком.
18. Пименова, М. Вас. (2007). *Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте*. Издательство Филологического факультета СПбГУ, ВГПУ.
19. Пименова, М. Вас. (2010). К истории названий и описаний растений (на материале «простонародных» травников). О. А. Черепанова (Ред.). *Историческая лексикология и лексикография*, Вып. 8, 118–127.
20. Панасенко, Н. И. (2010). *Фитонимическая лексика в системе романских, германских и славянских языков (опыт ономаσιологического и когнитивного анализа)*. Брама.
21. Даль, В. И. (1955). *Толковый словарь живого великорусского языка*: в 4 т. Т. I–IV. Государственное издательство иностранных и национальных словарей.

List of abbreviations

- Lechebnik I — Lechebnik of the 18th century. Russian National Library. Fund 0.VI.2. 255 p.
- Lechebnik II — Lechebnik of the beginning of the 18th century. Russian National Library. Fund 0.VI.4. 37 p.
- Lechebnik III — Lechebnik of the 18th century. Russian State Library. Fund 205. № 219. 144 p.
- Lechebnik IV — Lechebnik of the 18th century. Russian State Library. Fund 178. № 10944–7. 2 p.
- Lechebnik V — Lechebnik of the 18th century. Russian State Library. Foundation 199. № 607–608. 36 p.
- Herbal I — Herbal of the 18th century. Library of the Academy of Sciences. Fund 33.15.192. 14 p.
- Herbal II — Herbal of the mid-18th century. Russian State Library. Fund 218.785.2. 21 p.
- Herbal III — Herbal of 1703–1705 years. Russian State Library. Fund 310.1072. 159 p.

References

1. Florinsky, V. M. (1879/80). *Russian common herbals and heal books*. A collection of medical manuscripts of the 16th–17th centuries. Tipografiya Imperatorskogo universiteta. (In Russ.).
2. Rozhdestvenskaya, V. V. (1990). Comments. Heal book. In V. V. Kolesov (Ed.). *Domostroy* (pp. 297–298). (In Russ.).
3. Turilov, A. A. (2002). Popular beliefs in Russian heal books. In A. L. Toporkov, A. A. Turilov (Eds.). *Renounced reading in Russia in the 17th–18th centuries* (pp. 367–375). Indrik. (In Russ.).
4. Kolesov, V. V. (1987). From Heal Books and herbals. In L. A. Dmitriev, D. S. Likhachev (Eds.). *Monuments of literature of Ancient Rus', Vol. 9*, (pp. 492–527, 607–613). Hudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
5. Sircu, P. A. (1883). An extract from Russia Minor's folk herbal and two folk spells. *Filologicheskie zapiski*, 1, 1–12. (In Russ.).

6. Zmeev, L. F. (1895). *Russian doctoring books. A study in the field of our ancient medical written language*. Tipografiya V. Demakova. (In Russ.).
7. Gruzdev, V. F. (1946). *Russian handwritten heal books*. Izdatel'stvo Voenno-morskoj medicinskoj akademii. (In Russ.).
8. Bogoyavlensky, N. A. (1960). *Old Russian doctoring in the XI–XVIII centuries. Sources for studying the history of Russian medicine*. Medgiz. (In Russ.).
9. Terekhova, V. S. (1965). *Vocabulary of folk medicine. Based on materials from heal books of the 17th–18th centuries* [Dissertation for the PhD (Philology): 10.02.01. Leningrad]. (In Russ.).
10. Pimenova, M. Vas. (1987). *Semantics of color designations based on monuments of ancient Russian literature (based on the material of herbals, heal books, iconographic originals)*. [Dissertation for PhD (Philology): 10.02.01. Leningrad]. (In Russ.).
11. Soboleva, L. S. (1990). Handwritten heal book of the 18th century by Stroganov's peasant Vasily Demidov. In D. S. Likhachev (Ed.). *Social consciousness, bookishness, literature of the period of feudalism* (pp. 75–83). (In Russ.).
12. Trofimova, O. V., & Petrukhina, A. V. (2021) Heal books of the 17th–18th centuries from Siberian Archives: structural and grammatical aspect. *Science Journal of Volgograd State University*, 2(4), 19–35. (In Russ.).
13. Tikhonravov, N. S. (1863). *Renounced books of ancient Rus'*: in 2 vols. Vol. 2. Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za». (In Russ.).
14. Potebnya, A. A. (1890). *Russia Minor's home heal books of the 18th century*. Tipografiya G. T. Korchak-Novickogo. (In Russ.).
15. *Domostroy*. (1990). V. V. Kolesov (Ed.). Sovetskaya Rossiya. (In Russ.).
16. Toporkov, A. L. (2002). Superstitions in heal books of the 17th–18th centuries. In A. L. Toporkov, A. A. Turilov (Eds.). *Renounced reading in Russia in the 17th–18th centuries* (pp. 376–393). Indrik. (In Russ.).
17. Lakhtin, M. Yu. (2011). *Ancient monuments of medical written language*. Librokom. (In Russ.).
18. Pimenova, M. Vas. (2007). *Krasotoju ukrasy: the expression of aesthetic appreciation in an ancient Russian text*. Publishing house of the Philological Faculty of St. Petersburg State University, VSPU. (In Russ.).
19. Pimenova, M. Vas. (2010). On the history of names and descriptions of plants (based on the material of «common» herbals). In O. A. Cherepanova (Ed.). *Historical lexicology and lexicography, Vol. 8*, 118–127. (In Russ.).
20. Panasenko, N. I. (2010). *Phytonymic vocabulary in the system of Romance, Germanic and Slavic languages (experience of onomasiological and cognitive analysis)*. Brahma. (In Russ.).
21. Dal, V. I. (1955). *Explanatory dictionary of the living Great Russian language*: in 4 vols. Vol. I–IV. Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej. (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the author

Марина Васильевна Пименова — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.

Marina Vas. Pimenova — D. Sc. (Philology), Professor, Head of the Russian Language Department at Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК [821.161.1+821.112.2]-3.09«20»

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.12

СТРАТЕГИЯ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В ЖЕНСКОМ НАРРАТИВЕ (НА ПРИМЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ НЕМЕЦКО-И РУССКОЯЗЫЧНЫХ АВТОРОВ-ЖЕНЩИН)

Нефедова Лилия Амиряновна¹,

Зубенко Яна Валериевна^{2*}

¹ Челябинский государственный университет,
Челябинск, Россия,

² Костанайский региональный университет им. А. Байтұрсынұлы,
Костанай, Казахстан,

¹ lan2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6441-6804>

² janaz75@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6239-1575>

Аннотация. Статья посвящена проблеме стратегии самопрезентации в женском нарративе в рамках литературной коммуникации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения роли женщины-нарратора в художественных произведениях в немецко- и русскоязычной лингвокультурах. Представляется возможным рассмотреть языковых средств, используемых нарратором при представлении своего собственного образа в социальном, культурном и гендерном аспектах. Статья направлена также на выявление тактик, реализующих стратегию самопрезентации немецко- и русскоязычного нарратора. Ведущими методами в исследовании выступили метод лингвистического моделирования, метод лингвокультурологического анализа и метод интерпретации. Выборка исследования включала в себя художественные тексты немецко- и русскоговорящих авторов-женщин, написанные от начала XXI века до наших дней, отмеченные литературными премиями и наградами за уникальный стиль, злободневность и новаторство. В статье выявлено, что стратегия самопрезентации показывает нарратора как личность, демонстрирующую свои стороны характера, отношение к окружающим, профессиональные качества. Основопологающей временной формой стратегии выступают презенс и автореферентные высказывания и реализуется тактиками размышления, противопоставления, отождествления (сравнения) в нарративе представительниц обеих лингвокультур. Отличительными средствами распознавания — индикаторами для стратегии самопрезентации являются местоимения «wir – мы», «ich – я», модальные слова, вводные слова, сравнения, оценочные прилагательные и др. Материалы исследования также позволяют утверждать, что особенности литературной коммуникации в женском нарративе проявляются в немецкоязычном лингвокультурном пространстве в акцентировании межличностных отношений между разными поколениями, а также ориентировании на культурные и моральные ценности; в русскоязычном пространстве — в проблематизации тем, связанных с преодолением физических и моральных трудностей, передачей культурных

ценностей следующим поколениям и поиском в себе причин сложившихся кризисных ситуаций.

Ключевые слова: нарратив, нарратор-женщина, стратегия самопрезентации; тактики размышления, противопоставления, отождествления (сравнения); литературная коммуникация, лингвокультура.

Для цитирования: Нефедова, Л. А., Зубенко, Я. В. (2024). Стратегия самопрезентации в женском нарративе (на примере художественных текстов немецко- и русскоязычных авторов-женщин). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(54), 163–177. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.54.2.12>

Исследование выполнено при поддержке Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ» 2024 г.

Original article

UDC [821.161.1+821.112.2]-3.09«20»

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.12

SELF-PRESENTATION STRATEGY IN FEMALE NARRATIVE (RELYING ON FICTION TEXTS BY GERMAN AND RUSSIAN FEMALE AUTHORS)

Liliya A. Nefedova¹,

Yana V. Zubenko^{2*}

¹ Chelyabinsk State University,
Chelyabinsk, Russia,

² A. Baitursynuly Kostanai Regional University,
Kostanai, Kazakhstan,

¹ lan2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6441-6804>

² janaz75@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6239-1575>

Abstract. The paper deals with the issue of self-presentation strategy in female narrative within the framework of literary communication. The relevance of the study is predetermined by the need to examine the female narrator's role in fiction within the framework of German and Russian linguistic cultures. It seems possible to consider the linguistic means used by the narrator when presenting their own images in social, cultural and gender aspects. The article aims at identifying the tactics that constitute German and Russian narrator's self-presentation strategy. The major research methods applied were linguistic modeling, linguistic and cultural analysis and interpretation. The research sampling included fiction texts ranged from the early 21st century to the present day by German and Russian female literary prize winners for unique style, topicality and innovation. The article reveals that self-presentation strategy presents the narrator as a persona exemplifying their character traits, attitudes and professional qualities. The fundamental temporary forms of the strategy are presence and self-referential statements, while it is implemented via

the tactics of reflection, opposition, identification (comparison) applied to the narrative of both linguistic cultures' representatives. The distinctive means of recognition, namely the indicators for self-presentation strategy are the pronouns «*wir* – we», «*ich* – I», modal words, introductory words, comparisons, evaluative adjectives, etc. The research sources also encourage a supposition that literary communication features in female narrative are manifested in the German linguistic and cultural space via emphasizing interpersonal relationships between different generations, as well as focusing on cultural and moral values; while in the Russian linguistic space through the delineating topics related to overcoming physical and moral challenges, translating cultural values to next generations and searching for the inner causes of current crisis situations.

Keywords: narrative, female narrator, self-presentation strategy; tactics of reflection, opposition, identification (comparison); literary communication, linguistic culture.

For citation: Nefedova, L. A., Zubenko, Ya. V. (2024). Self-presentation strategy in female narrative (relying on fiction texts by German and Russian female authors). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(54), 163–177. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.54.2.12>

The research is financed by the Foundation for Advanced Academic Research with Federal State Budgetary Educational Organization «Chelyabinsk State University» in 2024.

Введение

Литературная коммуникация является собой определенного рода диалог, посредством которого взаимодействуют автор и читатель. Субъективное отношение автора к предмету повествования позволяет выявить особенности коммуникации в литературных произведениях представителей разной национально-культурной принадлежности и установить сходства и различия в их восприятии окружающей действительности.

Диалог между автором и читателем осуществляет нарратор — реальное или вымышленное лицо, рассказывающее историю в художественном произведении; излагает события от первого лица, в которых он может непосредственно участвовать.

Как утверждает Т. И. Попова, нарратив — это широкое понятие, куда входят описание и объяснение событий (рассуждения говорящего по поводу происшедшего) (Попова, 2019, с. 47–48). Под нарративом подразумевается объясняющий рассказ, когда нарратор воспроизводит последовательность событий и в то же время интерпретирует окружающую действительность.

Женский нарратив можно рассматривать как форму представленности феминного нарратора, репрезентирующего упорядоченные реальные или вымышленные события, существенные для женской модели восприятия окружающей действительности. Нарратор-женщина — это феминный нарратор, ведущий повествование о произошедших фактах в ее жизни или в жизни других.

Коммуникация автора с читателем складывается из определенных компонентов — стратегий, выраженных тактиками, которые помогают читателю проследить состояние внутреннего мира нарратора и логику его действий.

В настоящее время наблюдается тенденция к росту интереса лингвистов к проблеме представления личности другим, что воплощается в самопрезентации — ведущей коммуникативно-когнитивной стратегии, направленной на конструирование экспертом собственного имиджа через выбор определенных тактик и языковых средств (Дайнеко, 2011, с. 88).

Проблема стратегии самопрезентации затрагивается исследователями в связи с активностью человека в печатном и виртуальном коммуникативном пространстве, использующего тактики передачи объективной и субъективной информации. Самопрезентация позволяет представить себя в наиболее выгодном положении и обеспечить свое доминирование в обществе посредством коммуникативной стратегии, предполагающей набор речевых действий, оказывающих определенное влияние на создание впечатления о говорящем (Ковригина, 2010, с. 7). Проблему нормы поведения личности в обществе И. С. Черкасова рассматривает в рамках конвергентной и дивергентной стратегии самопрезентации личности (Черкасова, 2006, с. 6–7).

Обращаясь к женскому диалектному дискурсу, Т. А. Демешкина и М. А. Толстова связывают стратегию самопрезентации с понятием самоидентификации и выделяют тактики передачи объективной и субъективной информации о себе (Демешкина, и Толстова, 2020, с. 50–53). В авторских текстах оценки специалистов имеют место две стратегии самопрезентации — эмоционально нейтральная и эмоционально выраженная (позитивная и негативная) (Абуллаева, 2022, с. 46).

В политическом дискурсе параметрами стратегии выступают идеализация, контроль производимого впечатления, драматизация, мистификация и искажение (Мищук, Васильев, и Белова, 2020, с. 454). Цель стратегии — защита своей репутации, формирование собственного положительного имиджа и разрушение репутации оппонента (Каменева, и Потапова, 2021, с. 85). Основной задачей самопрезентации политического деятеля является создание нужного образа, для формирования которого применяется ряд тактик, например самовосхваления, единения и дискредитации (Ахмадеев, 2022, с. 469); отождествления, солидаризации или дистанцирования с адресатом, нейтрализации негативного представления о себе, гипертрофирования «я»-темы, акцентирования положительной информации, эпатирования и насмешки (Виниченко, 2021, с. 31).

В научном дискурсе демонстрируются статусно важные черты — знания, квалификация и научные достижения, т. е. используются рациональные аргументы (Аксенова, 2013, с. 114).

В рамках педагогического дискурса стратегия подразделяется на убеждающую, оскорбительную, защитную и оборонительную и относится к стратегиям эффективной коммуникации, которая обеспечивает установление контакта и взаимопонимания между партнерами (Сорокина, 2014, с. 91).

Исследуя проблему имиджа вуза, Е. Н. Вершинина выделяет тактики, имеющие непосредственное отношение к демонстрированию вузом своих сильных сторон (Вершинина, 2015, с. 160–161).

В деловом дискурсе представители бизнеса согласовывают и позиционируют свою стратегию в соответствии с экономическими, культурными и социальными потребностями (Fischer-Appelt and Dernbach, 2022, p. 85) и используют следующие тактики: 1) персонализации — предназначена для представления компании или организации как единого целого; 2) оппозиционирования — демонстрирует противопоставление «свой — чужие»; 3) создания «своего круга» — поиск единомышленников; 4) подчеркивания качественных показателей; 5) акцентирования положительной информации (Торбик, 2015, с. 172–174). Стратегия самопрезентации в сфере торговли рассматривается в рамках отношений продавца – покупателя (Welte, Badot and Hetzel, 2021).

Методология исследования

В статье применен комплекс специальных методов:

- метод лингвистического моделирования позволяет в ходе изучения процесса коммуникации в рамках литературных произведений выявить языковые характеристики женского нарратива на лексическом и стилистическом уровнях;
- метод лингвокультурологического анализа применяется при рассмотрении текста нарратива как феномена культуры, в процессе выявления культурной информации в языковом знаке и тексте в целом;
- метод интерпретации используется для определения внутреннего содержания художественных текстов немецкоязычных авторов;
- анализ параллельных текстов необходим для сравнения оригинала текста и его перевода.

Материалом для исследования послужили художественные произведения начала XXI века немецкоязычной писательницы К. Гир «Für jede Lösung ein Problem» («Я сказала правду»), 2007; «Ein unmoralisches Sonderangebot» («Непристойное предложение»), 2014, и романы русскоязычных писательниц Т. А. Черемновой «Трава, пробившая асфальт», 2011, и Е. С. Чижовой «Время женщин», 2009. Анализируемые литературные произведения, у которых главная героиня — женщина, повествующая в первом лице о своей жизни и жизни других, отмечены литературными премиями и наградами за новаторство, уникальный стиль и злободневность.

Результаты и дискуссия

Стратегия самопрезентации являет собой социально обусловленное социальное поведение, проявляющееся посредством создания у третьих лиц представления о себе (нарраторе). Стратегия самопрезентации имеет двоякую направленность, первая из которых — Я – Я₁. Нарратор получает новые знания о себе, меняется его сознание, поэтому он уже не Я (Я — персонаж/нарратор), а Я₁. Дистанция между нарратором и объектом описания минимальна. Другая

направленность — Я – ТЫ (ТЫ — коллективный адресат/читатель). В нарративе прослеживается не только внутренняя (автокоммуникация), но и внешняя перспектива. Нарратор вступает в коммуникацию с коллективным адресатом (читателями). Приведем несколько примеров из художественных произведений К. Гир:

«Mein Sternzeichen ist Jungfrau, und wir Jungfrauen sind pragmatische, ordentliche und zuverlässige Menschen. Wenn wir Probleme haben, behalten wir einen kühlen Kopf und gehen die Lösung systematisch an. In der Regel haben wir daher unser Leben viel besser im Griff als sensible Fische, vorsichtige Krebse oder unentschlossene Waagen, um nur ein paar Beispiele zu nennen.

Bevor wir Jungfrauen also “Selbstmord” als die beste Lösung eines Problems ansehen, muss wirklich eine Menge schief laufen in unserem Leben. Damit will ich nur klarstellen, dass wir nicht gleich bei der erstbesten Gelegenheit die Flinte ins Korn schmeißen. Ich hatte meine Probleme, ordentlich wie ich war, in drei übergeordnete Bereiche unterteilt. 1. Liebesleben 2. Arbeitsleben 3. Sonstiges Leben» (Gier, 2007, с. 28).

«По гороскопу я Дева. Мы, Девы, люди прагматичные, аккуратные и надежные. Если мы сталкиваемся с проблемой, то подходим к ее решению рассудительно и взвешиваем все ходы. Как правило, мы намного лучше контролируем ход собственной жизни, чем впечатлительные Рыбы, осторожные Раки, нерешительные Весы и так далее.

Таким образом, очень многое в нашей жизни должно зайти в тупик, прежде чем мы, Девы, придем к выводу, что лучшим решением проблемы станет самоубийство. Говорю это для того, чтобы пояснить: мы отнюдь не склонны пасовать перед трудностями и опускать руки при первой же неудаче. Поэтому я с присущей мне аккуратностью разделила все свои проблемы на три категории. 1. Личная жизнь. 2. Профессиональная сфера. 3. Другое» (перевод М. Наумовой).

В приведенном примере наблюдается совмещение внутренней и внешней перспективы, что является одним из основных признаков стратегии самопрезентации. Для данной стратегии характерны также автореферентные высказывания: «wir Jungfrauen» (мы Девы). Использование личного местоимения «wir» во множественном числе и указание на знак зодиака свидетельствуют о наличии у нарратора определенной дистанции по отношению к себе Я – Я, Я – ТЫ. Женщина по своей природе обращается к нереальному и неосязаемому как к способу ухода от окружающей действительности, она интересуется астрологией в условиях сильных переживаний, и это общее явление, типичное для представительниц многих культур. Данный пример привлекает наше внимание лишь как один из фактов автореферентности — нарратор — представитель определенного знака, выступает элементом множества, указывающего на самого себя: «ich – wir – Jungfrauen». Нарратор упорядочивает себя во множестве и демонстрирует некое расстояние, промежуток между собой и теми, с кем он себя позиционирует.

Характеристика знака зодиака: «Mein Sternzeichen ist Jungfrau, und wir Jungfrauen sind pragmatische, ordentliche und zuverlässige Menschen». (По гороскопу я Дева. Мы, Девы, люди прагматичные, аккуратные и надежные) —

это типичный пример описания его представителей в СМИ, скрытая цитата, указывающая на внешнюю повествовательную перспективу.

В большинстве предложений презенс выступает основополагающей временной формой: «wir Probleme haben, mein Sternzeichen ist, muss ... schief laufen usw».

В примере также присутствуют лингвистические средства повторяемости (wenn wir Probleme haben, ich hatte meine Probleme, die beste Lösung eines Problems), кавычки (“Selbstmord”), обобщения (wir Jungfrauen), что свидетельствует о взгляде на ситуацию со стороны.

Процесс формирования суждения по какому-либо вопросу или проблеме прослеживается в выражениях «die Lösung angehen — взвешивать решение», «die Lösung ansehen — принимать решение». Вводная конструкция «in der Regel — как правило» обозначает действие, которое для кого-то является обычным и установившимся.

Использование фразеологизмов в анализируемом нарративе служит удобным средством компрессии информации и одним из способов повышения эмоциональности высказывания: «etwas im Griff haben — держать под контролем», «einen kühlen Kopf behalten — сохранять хладнокровие», «(nicht) die Flinte ins Korn schmeißen — не сдаваться, не пасовать». Исходя из смыслового содержания в приведенных ранее фразеологизмах, можно сделать вывод, что нарратору свойственна выдержка, самообладание и спокойствие.

В стратегии самопрезентации имеет место четко выраженное повествовающее «я»: «Damit will ich nur klarstellen». В русском переводе ориентация на другого (ТЫ) показана еще более явно: «Говорю это для того, чтобы пояснить...»

У читателя складывается позитивное отношение к нарратору из-за его внутренних положительных качеств, среди которых есть и самоирония. Стратегия самопрезентации реализуется посредством **тактики противопоставления**, где главным языковым средством выступает противопоставление местоимений в единственном и во множественном числе (ich – wir).

Нарратор через личное местоимение «wir – мы» обобщает людей, родившихся под знаком Девы, дает им личностную характеристику, для чего использует качественные прилагательные с положительной оценкой: «zuverlässig — надежный», «ordentlich — аккуратный», «pragmatisch — прагматичный». Углубляясь в размышления о собственных внутренних качествах, нарратор противопоставляет свой знак зодиака другим знакам — Рыбам, Ракам и Весам — посредством оценочных прилагательных: «sensible Fische — впечатлительные Рыбы», «vorsichtige Krebse oder unentschlossene Waagen — осторожные Раки, нерешительные Весы».

Данный пример демонстрирует присутствие имплицитного нарратора, пол которого, в отличие от перевода, в оригинале не представляется возможным выявить при помощи лексических и грамматических средств.

Следующий пример также показывает имплицитного нарратора, который грустно и иронично рассуждает о своем малопривлекательном виде. Нарратор погружен в размышления о самом себе, стратегия самопрезентации имеет

направленность Я – Я₁, что проявляется в частом использовании личного местоимения *ich* (я) и притяжательного местоимения *mein* (мой): «mein Gesicht, auf meiner Stirn».

«Im Spiegel auf der Innenseite der Schranktür betrachtete ich missmutig mein Gesicht. Im Großen und Ganzen sah ich mit dreiunddreißig nicht anders aus als mit dreiundzwanzig. Aber diese drei Querfalten auf meiner Stirn, die waren vor zehn Jahren noch nicht da gewesen. Wahrscheinlich hatte ich sie beim Grübeln vor diesem Kleiderschrank bekommen. Diese ewige Kleiderfrage war aber auch wirklich zum Stirnrunzeln. Ich musste mir unbedingt eine Antifaltencreme zulegen. Allerdings würde die Anschaffung einer Antifaltencreme, die wirklich gegen Falten half, uns endgültig in den finanziellen Ruin treiben. Von neuen Klamotten ganz zu schweigen» (Gier, 2014, с. 12–13).

«Я уныло рассматривала свое отражение в зеркале на внутренней стороне дверцы шкафа. В общем и целом, сказать, что мое лицо в тридцать три года сильно отличалось от него же, но в двадцать три, было, конечно, нельзя. И все же десять лет назад на лбу не было этих трех морщинок. Вероятно, они появились вследствие воскресных размышлений перед платяным шкафом. Во всяком случае, постоянное решение вопроса, что надеть, сыграло здесь не последнюю роль. Непременно надо будет приобрести крем от морщин. Впрочем, приобретение крема, который действительно помогал бы от морщин, скорее всего, разорит нас. О новых шмотках даже и думать не следовало» (перевод Ю. Семина).

Стратегия реализуется посредством тактик, определяющих реакцию нарратора на сложившиеся обстоятельства. Так, тактика размышления показывает, что нарратор сталкивается с проблемой, понятной всем представительницам женского пола, а именно с выбором праздничного наряда. Примером гиперболизированной экспрессии в русском переводе служит общеупотребительное выражение «вечный вопрос»: «ewige Kleiderfrage — вечный вопрос, что надеть».

Модальные слова отражают особенности интерпретационной деятельности сознания нарратора и также выступают индикаторами тактики размышления. Модальность действительности отражена модальным словом «wirklich — действительно, реально», демонстрирующим объективную реальность. Модальные слова «allerdings — действительно, во всяком случае» и «unbedingt — обязательно, непременно» подчеркивают часть высказывания, указывают на действия, происходящие при любых обстоятельствах.

В переводе на русский язык размышление нарратора прослеживается через использование вводных слов: «впрочем, вероятно, во всяком случае, конечно».

Эмоциональное состояние нарратора — легкое раздражение или даже разочарование — передает разговорная лексика: «(neue) Klamotten — (новые) тряпки».

Ироничное размышление нарратора относительно причины изменения во внешности показывает действие, продолжительное по времени, забирающее

силы и время: «beim Grübeln vor diesem Kleiderschrank — размышления перед платяным шкафом».

Следующий пример со стилистической фигурой пролеписис указывает на предположение у нарратора: «Aber diese drei Querfalten auf meiner Stirn, die waren vor zehn Jahren noch nicht da gewesen» — «И все же десять лет назад на лбу не было этих трех морщинок».

Значение предположения представлено примером с кондиционалис 1: «Allerdings würde die Anschaffung einer Antifaltencreme, ..., uns endgültig in den finanziellen Ruin treiben» — «Впрочем, приобретение крема, ..., скорее всего, разорит нас».

Стратегия самопрезентации представлена **тактикой противопоставления**. Нарратор сравнивает свою настоящую внешность с тем, что было десять лет назад: «sah ich mit dreiunddreißig nicht anders aus als mit dreiundzwanzig» (союз «als» используется для сравнения). Отношение противопоставления тому, о чем говорилось ранее, выражено союзом aber: «Aber diese drei Querfalten auf meiner Stirn». — «И все же десять лет назад на лбу не было этих трех морщинок».

Данный пример представлен эксплицитным нарратором, беспокоящимся не столько о морщинах на лице, сколько о внутреннем тревожном чувстве душевного дискомфорта, позволившем женщине обратить на них внимание.

Исходя из вышеприведенных примеров, можно отметить, что стратегия самопрезентации для немецкоязычного нарратора реализуется тактиками противопоставления и размышления, имеющими свои отличительные средства распознавания — индикаторы.

Далее рассмотрим нарратив русскоязычного нарратора в произведении Е. С. Чижовой «Время женщин», в котором героиня пытается создать у окружающих определенное впечатление о себе и представить свой образ в социальном мире. Нарратор опирается на факты из собственной непростой жизни, рассказывает о сложной ситуации с ребенком и хорошо сложившихся отношениях с соседками преклонного возраста.

«У самих — никого. Мужья-дети сгнули, поумирали. И внуков нету. Иди, говорят, работай. Неужто не вырастим втроем?»

Так и повелось: сама на работу, с работы — по магазинам, там отстоять, тут отстоять, и дома вроде прислуги. Постирать на всех, убрать, сготовить. Пенсии у них — слезы. Свои приходится докладывать. Зато дите, как принцесса. Почитай, три няньки на одну — и присмотрена, и причесана. Гуляют, книжки читают. Учат, кому сказать, по-французски. Девка умная — одно слово, городская. Картинки всё рисует. Буквам в четыре года выучилась. Понимает все. Только не говорит. Пять лет, шестой, а все молчком» (Чижова, 2009).

Признаками стратегии самопрезентации является описание действия в настоящем времени: «читают, гуляют, рисует и др.». Местоимение «сам(а)» используется в значении личного местоимения «я»: «сама на работу». «Кому сказать» — усеченный вариант выражения «кому сказать, так не поверят», показывающий чувства матери: «Учат, кому сказать, по-французски».

Стратегия самопрезентации представлена **тактикой размышления**: нарратор рассматривает как преимущества, так и недостатки своей непростой жизненной ситуации. Женщина углубляется в мысли о сложившихся обстоятельствах и приходит к умозаключению: «Девка умная — одно слово, городская». У союза «зато» наблюдается заместительная семантика: «Зато дите как принцесса».

Новое и важное в объекте нарратору позволяет выявить сравнение: «дома вроде прислуги» — предлог «вроде» выступает в значении «подобно чему-то», однако неточно. Нарратор использует гиперболизированное сравнение по отношению к девочке, говорит о ребенке с оттенком ласки и нежности: «дите как принцесса».

О мыслительном процессе, происходящем в сознании нарратора, свидетельствуют характерные для разговорной речи неполные предложения: «Пять лет, шестой, а все молчком», эллиптические предложения: «Пенсии у них — слезы», вопросительные предложения: «Неужто не вырастим втроем?».

Внутренний монолог нарратора отличается просторечием: «дите» — в значении «ребенок», «девка» — в значении «девочка, ребенок», «почитайй», «неужто» и разговорной лексикой: «сгинуть», «повелось», «молчком».

Данный пример представлен эксплицитным нарратором, пол которого проявляется в тексте лексически: лексемы, указывающие на действия, свойственные, прежде всего, женщине («сготовить, убрать, постирать на всех») — и грамматически: «сама на работу» (определяющее местоимение женского рода «сама»).

Автор апеллирует к эмоциональному настроению своей героини, обращается к непростой судьбе молодой женщины («...на работу, с работы..., дома вроде прислуги») и ее пожилых соседок («У самих — никого. Мужья-дети сгнули, поумирали. И внуков нету ... Пенсии у них — слезы»), показывает прошлый опыт через оценку происходящих событий. Положительное впечатление нарратор старается произвести через описание преодоления трудностей и демонстрацию своих материнских качеств — жертвенности ради ребенка.

В анализируемом нарративе имеют место номинации «девка» и «принцесса», указывающие на лиц женского пола. Существительное «принцесса» является в данном случае титулом в переносном смысле, хотя изначально указывает: 1) на титул нецарствующей женщины, появившийся в России в начале XVIII века; 2) наследницу престола; 3) жену или дочь принца; 4) как эпитет по отношению к девушке, женщине. Существительное «девка» служит примером просторечия (в значении: девушка; молодая женщина, не состоящая в браке).

Следующий нарратив представлен эксплицитным нарратором, женщиной, вспоминающей о своем тяжелом детстве и домочадцах, для которых она, в силу своего физического недуга, так и не стала полноценным членом семьи.

«Когда меня сдали в специализированный детский дом для детей с физическими и умственными отклонениями, расположенный в поселке Бачатский Беловского района, близ станции Бочаты, мне было 6 лет и 10 месяцев. И меня — как в бочку законопатили и в яму бросили... И в этом детдоме-яме предстояло провести долгих 12 лет.

Осваиваясь, я быстро поняла, что такое детдомовская жизнь. Хочешь не хочешь, а придется привыкать, а за что-то, возможно, придется и побороться. Но тогда я не знала, что с такой же легкостью, с какой определил меня в детдом, отец уйдет из семьи. И, наверное, в оправдание своему этому поступку возьмет себе в жены хроменькую женщину. А на суде, когда их с матерью будут разводить официально, скажет про жен: “Я одну обидел, вторую обижать не хочу...”» (Черемнова, 2011).

Стратегия самопрезентации осуществляется через **тактику противопоставления**. Нарратор обвиняет в своих бедах свою семью и выбирает позицию «я – они» (Я – ОН): «меня сдали в специализированный детский дом».

Нарратор использует глагол «сдавать» по отношению к себе, что обозначает избавление третьих лиц от чего-то ненужного. Выражение «хочешь не хочешь (а придется)» показывает, что описываемое действие происходит независимо от желания нарратора. Противительный союз «а» демонстрирует противопоставление одного явления другому.

В анализируемом примере также имеет место **тактика отождествления (сравнения)**: этапы привыкания к незнакомой среде описаны через конкретную лексику: «привыкать», «понимать», «бороться». Вводное слово «возможно» не гарантирует, но допускает положительный успех предприятия.

Фраза со сравнительным союзом «как» — «как в бочку законопатили и в яму бросили» — демонстрирует чувство обиды нарратора на родственников; «в этом детдоме-яме» — образное сравнение детского дома с ямой.

Развод родителей является неоднозначным поступком семьи по отношению к нарратору (отец уходит из семьи). Нарратор старается оправдать мотив поведения отца, используя вводное слово «наверное»: «И, наверное, в оправдание своему этому поступку возьмет себе в жены хроменькую женщину».

Прилагательное «хроменькая» (уменьшительное к прилагательному «хромой», разговорная форма) нарратор использует по отношению к избраннице отца, которая с ним «одной крови» — страдает физическим недугом, чем и отличается от остальных людей.

В рамках приведенных примеров стратегия самопрезентации в женском нарративе в русскоязычных художественных произведениях реализуется тактиками отождествления (сравнения) и противопоставления.

Заключение

Стратегия самопрезентации показывает нарратора как личность, демонстрирующую свои профессиональные качества и отношение к окружающим, презентующую себя обществу, упоминающую свои положительные и отрицательные черты характера. Данная стратегия направлена на репрезентацию личностью собственного образа в социальном мире и формирование у окружающих определенного впечатления о себе.

Представительница немецкоязычной культуры рассказывает о себе как о члене семьи и коллектива, рассуждает о своей профессиональной принадлежности, обращает внимание читателя на свой знак зодиака по гороскопу, что объясняется возможной стрессовой ситуацией или потрясением в своей жизни. Проблемы возраста и внешнего вида являются одними из ключевых аспектов внутренних переживаний нарратора.

В немецкоязычных произведениях отмечаем двоякую направленность: Я – Я₁ и Я – ТЫ, — и относим презенс как основополагающую временную форму к лингвистическим средствам выражения. Индикаторами стратегии самопрезентации выступают также часто используемые личное местоимение «ich – я» и притяжательное местоимение «mein – мой». Отношение у читателя к нарратору складывается из его внутренних качеств, отраженных в оценочной лексике и самоиронии нарратора. Модальность реализуется модальными глаголами, модальными словами, оценочной и разговорной лексикой. Лексические повторы, перечисления, обобщения служат средствами репрезентации нарративов немецкоязычного нарратора. Фразеологизмы выступают средствами выразительности речи нарратора, делают ее экспрессивной и образной. Оценочные прилагательные (положительные и отрицательные) выражают суждение нарратора, его оценку окружающим и их действиям.

Русскоязычный нарратор позиционирует себя как человека, который берет на себя ответственность за уход за пожилыми людьми и готов много трудиться ради ребенка. Нарратор демонстрирует природный талант, силу воли и способность приспосабливаться, чтобы выжить и, несмотря на обиды и физический недуг, стремится к людям, хочет быть принятой в обществе и быть с ними на равных.

Исходя из проанализированных примеров, можно отметить, что в собственной характеристике русскоязычного нарратора присутствует нейтральная и отрицательная лексика, а при описании происходящего модальность отражается в использовании вводных слов и вводных конструкций. Сравнения помогают нарратору сопоставить разные предметы или действия.

Языковые средства, используемые в женском нарративе, зависят не столько от особенностей языка, носителем которого является женщина, сколько от ее эмоционального состояния и желания донести до читателя свои мысли и переживания. Речевое поведение женской языковой личности напрямую зависит от степени важности для нее затрагиваемой проблемы.

Перспектива дальнейшего исследования состоит в проведении сравнительно-сопоставительного анализа стратегии самопрезентации в рамках женского нарратива на основе литературного произведения, написанного мужчиной-автором, что позволит выявить вероятные различия в использовании лингвистических средств или опровергнуть мнение о том, что авторы — женщины и мужчины — подходят к решению данной проблемы по-разному.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Gier, K. (2014). *Ein unmoralisches Sonderangebot*. Bastei Lübbe.
2. Gier, K. *Für jede Lösung ein Problem*. Bastei Lübbe.
3. Fischer-Appelta, B., & Dernbach, R. (2023). Exploring narrative strategy: the role of narratives in the strategic positioning of organizational change. *The European Journal of Social Science Research*, 36(1), 85–95. <https://doi.org/10.1080/13511610.2022.2062303>
4. Welte, J.-B., Badot, O., & Hetzel, P. (2021). The narrative strategies of retail spaces: a semio-ethnographic approach. *European Journal of Marketing*, 55(7), 2012–2036. <https://doi.org/10.1108/EJM-03-2019-0250>
5. Абдуллаева, М. М. (2022). Стратегии самопрезентации в авторских текстах специалистов с разным профессиональным опытом. *Национальный психологический журнал*, 4, 42–52.
6. Аксенова, А. В. (2013). Стратегия самопрезентации как средство формирования имиджа в разных видах дискурса. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, 15, 109–114.
7. Ахмадеев, И. Р. (2022). Стратегия самопрезентации в ракурсе политической лингвоперсонологии. *Вестник Башкирского университета. Серия: Филология и искусствоведение*, 27(2), 466–472.
8. Вершинина, Е. Н. (2015). Коммуникативные тактики создания имиджа вуза (на материале газеты «Поиск»). *Сибирский филологический журнал*, 1, 159–164.
9. Виниченко, Л. Г. (2021). Реализация коммуникативной стратегии самопрезентации в предвыборном дискурсе (на материале предвыборных выступлений кандидатов на пост председателя партии ХДС Германии). *Политическая лингвистика*, 5(89), 29–37.
10. Дайнеко, П. М. (2011). *Дискурсивные стратегии самопрезентации в институциональном интернет-общении* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Москва].
11. Демешкина, Т. А., & Толстова, М. А. (2020). Коммуникативная стратегия самопрезентации в женском диалектном дискурсе (на материале автобиографических рассказов). *Текст. Книга. Книгоиздание*, 24, 47–67.
12. Каменева, В. А., & Потапова, Н. В. (2021). Стратегия самопрезентации политика (на материале личного и официального блога в Twitter вице-президента США Камалы Харрис). *Научный диалог*, 11, 82–105.
13. Ковригина, Е. А. (2010). *Коммуникативная стратегия самопрезентации в дискурсе интернет-интервью* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Кемерово].
14. Мищук, О. Н., Васильев, Л. Г., & Белова, Е. В. (2020). К трактовке самопрезентации в политическом дискурсе. *Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология*, 30(3), 454–460.
15. Попова, Т. И. (2019). Нарратив и повествование: соотношение понятий. *Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура*, 2, 46–50.
16. Сорокина, Ю. В. (2014). Стратегия самопрезентации как элемент эффективного речевого воздействия в рамках педагогического дискурса. *Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение*, 6(335), 88, 89–92.
17. Торбик, Е. М. (2015). Стратегия самопрезентации в деловом дискурсе (на материале проектных заявок). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 1(43), 171–175.

18. Черемнова, Т. А. (2011). *Трава, пробившая асфальт*. АСТ.
19. Черкасова, И. С. (2006). *Реализация коммуникативной стратегии самопрезентации личности в русских и немецких объявлениях о знакомстве* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Волгоград].
20. Чижова, Е. С. (2009). *Время женщин*. Астрель.

References

1. Gier, K. (2014). *Ein unmoralisches Sonderangebot*. Bastei Lübbe. (German).
2. Gier, K. *Für jede Lösung ein Problem*. Bastei Lübbe.
3. Fischer-Appelta, B., & Dernbach, R. (2023). Exploring narrative strategy: the role of narratives in the strategic positioning of organizational change. *The European Journal of Social Science Research*, 36(1), 85–95. <https://doi.org/10.1080/13511610.2022.2062303>
4. Welte, J.-B., Badot, O. & Hetzel, P. (2021). The narrative strategies of retail spaces: a semio-ethnographic approach. *European Journal of Marketing*, 55(7), 2012–2036. <https://doi.org/10.1108/EJM-03-2019-0250>
5. Abdullaeva, M. M. (2022). Strategies of self-presentation in author's texts of professionals with different professional backgrounds. *National Psychological Journal*, 4, 42–52. (In Russ.).
6. Aksenova, A. V. (2013). The self-presentation strategy as a means of image formation in different types of discourse. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 15, 109–114. (In Russ.).
7. Ahmadeev, I. R. (2022). The self-presentation strategy from the perspective of political linguistic personology. *Vestnik Bashkirskogo universiteta. Seriya: Filologiya i iskusstvovedenie*, 27(2), 466–472. (In Russ.).
8. Vershinina, E. N. (2015). Communication tactics for creating a university image (based on the newspaper «Poisk»). *Siberian Journal of Philology*, 1, 159–164. (In Russ.).
9. Vinichenko, L. G. (2021). Realization of the communicative strategy of self-presentation in pre-election discourse (based on the material of the pre-election speeches of the candidates for the post of chairman of the CDU party of Germany). *Political Linguistics*, 5(89), 29–37. (In Russ.).
10. Dajneko, P. M. (2011). *Discursive strategies of self-presentation in institutional Internet communication* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.02.19. Moscow]. (In Russ.).
11. Demeshkina, T. A., & Tolstova, M. A. (2020). The communicative strategy of self-presentation in female dialect discourse (based on autobiographical stories). *Tekst. Kniga, Knigoizdanie*, 24, 47–67. (In Russ.).
12. Kameneva, V. A., & Potapova, N. V. (2021). Strategy of self-presentation of a politician (personal and official blogs on Twitter of US Vice President Kamala Harris). *Nauchnyj dialog*, 11, 82–105. (In Russ.).
13. Kovrigina, E. A. (2010). *The communicative strategy of self-presentation in online interview discourse* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.02.19. Kemerovo]. (In Russ.).
14. Mishchuk, O. N., Vasil'ev, L. G., & Belova, E. V. (2020). On treating self-presentation in political discourse. *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*, 30(3), 454–460. (In Russ.).
15. Popova, T. I. (2019). Narrative and recital: the relationship between the concepts. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazyk. Literatura. Kul'tura*, 2, 46–50. (In Russ.).

16. Sorokina, Yu. V. (2014). The self-presentation strategy as an element of effective speech influence within the framework of pedagogical discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Philology. Art history*, 6(335), 88, 89–92. (In Russ.).
17. Torbik, E. M. (2015). The strategy of self-presentation in business discourse (by the material of project application). *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 1(43), 171–175. (In Russ.).
18. Cheremnova, T. A. (2011). *Grass breaking through the asphalt*. AST. (In Russ.).
19. Cherkasova, I. S. (2006). *Realization of the communicative strategy of personality self-presentation in Russian and German dating advertisements* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.02.20. Volgograd]. (In Russ.).
20. Chizhova, E. S. (2009). *It's time for women*. Astrel'. (In Russ.).

Информация об авторах / Information about the authors

Лилия Амирянвна Нефедова — доктор филологических наук, декан факультета лингвистики и перевода, профессор кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации Челябинского государственного университета.

Liliya A. Nefedova — D. Sc. (Philology), Dean of the Faculty of Linguistics and Translation, Professor of the Department of Romance-Germanic Languages and Intercultural Communication of Chelyabinsk State University.

Яна Валериевна Зубенко — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Костанайского регионального университета им. А. Байтурсынұлы.

Yana V. Zubenko — PhD (Philology), Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages of Akhmet Baitursynuly Kostanay Regional University.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Научная статья

УДК 378.8:81

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.13

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА К РАЗРАБОТКЕ ЦИФРОВОЙ ЛИНГВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

**Юнгина Анастасия Николаевна¹,
Евдокимова Мэри Георгиевна²**

¹ Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

² Национальный исследовательский университет «МИЭТ»,
Москва, Россия,

¹ ungina.an307@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-7164-5952>

² me49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8033-1077>

Аннотация. В статье обосновывается актуальность и описывается степень изученности проблемы формирования готовности студента — будущего учителя иностранного языка (ИЯ) к разработке цифровой лингвообразовательной среды. В настоящее время такие факторы, как цифровизация всех сфер жизни человека, в том числе образовательной, изменение статуса взаимодействия учителя и ученика в цифровом пространстве, установки нормативных документов, предъявляют новые требования к профессиональной подготовке учителей ИЯ. Одной из важных установок, указанных в стандарте, является способность выпускника разрабатывать

образовательные программы или их компоненты с применением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в разных образовательных контекстах (формальное, неформальное, информальное образование). Применительно к лингводидактике учитель должен быть готов не только планировать урок, учитывая специфику лингвообразовательной среды, но и разрабатывать методическое наполнение урока в цифровом пространстве, применяя актуальные цифровые лингвообразовательные платформы, сайты, ресурсы, создавая уникальные материалы с помощью ИКТ, обеспечивающие структурированность, мультимедийность и системность обучения ИЯ. Перечисленные умения входят в компетентностный портрет современного «цифрового» учителя ИЯ, обладающего готовностью к разработке лингвообразовательной среды как интегративным качеством своей личности. В целях формирования этой готовности студентам предлагается спроектировать и разработать при помощи доступных цифровых инструментов онлайн-марафон на ИЯ для становления определенных речевых навыков и развития речевых умений в конкретной образовательной ситуации.

Ключевые слова: профессиональный портрет учителя, цифровая лингвообразовательная среда, готовность учителя к разработке цифровой лингвообразовательной среды, профессионально ориентированная задача, проектирование и разработка онлайн-марафона на иностранном языке.

Для цитирования: Юнгина, А. Н., Евдокимова, М. Г. (2024). Проблема формирования готовности будущего учителя иностранного языка к разработке цифровой лингвообразовательной среды. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(54), 178–188. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.54.2.13>

Original article

UDC 378.8:81

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.13

WOULD-BE FOREIGN LANGUAGE TEACHERS' READINESS TO DESIGN DIGITAL LANGUAGE EDUCATION ENVIRONMENT

Anastasia N. Yungina¹,

Mary G. Evdokimova²

¹ Moscow City University,
Moscow, Russia,

² National Research University of Electronic Technology,
Moscow, Russia,

¹ ungina.an307@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-7164-5952>

² me49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8033-1077>

Abstract. The article describes the relevant issue of preparing a would-be foreign language teacher to designing digital language educational environment. There are factors that currently dominate the requirements introduced to regulate the professional training of FL bachelor's students, namely, the digitalization of all spheres of human life, including

education, changing the status of teacher-student interactions within the digital space; The Federal State Educational Standard for Higher Education from 2018. One of the important requirements specified in the standard is the graduate's ability to develop educational programs or their components using ICT in different educational contexts (formal, non-formal, informal education). Regarding linguodidactics, a teacher should now be ready not only to plan the lesson, considering the features of the linguistic educational environment, but also to present the methodological content of the lesson in the digital space, using appropriate digital linguistic educational platforms, websites, resources, creating unique materials using ICT. The above-mentioned skills are essential for the competence portrait of a modern «digital era» teacher. It is precisely about the formation of readiness as an integrative quality of personality, its focus on performing professional activities using ICT. As a way of forming the readiness, students are welcome to apply available digital tools to design an online marathon on a digital platform for advancing speech skills in a specific educational context.

Keywords: professional portrait of a teacher, digital language education environment, teacher's readiness to design digital language education environment, professional oriented task, designing an online marathon in a foreign language.

For citation: Yungina, A. N., Evdokimova, M. G. (2024). Would-be foreign language teachers' readiness to design digital language education environment. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(54), <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.54.2.13>

В связи с быстрым развитием цифровых технологий XXI век характеризуется повсеместным переходом от традиционной модели обучения иностранным языкам (ИЯ) в привычной всеобщей образовательной среде к инновационной. Ученые констатируют появление особой цифровой лингвообразовательной среды (Евдокимова, 2021; Тестов, 2012), которая призвана улучшить эффективность процесса обучения за счет предоставления ученикам большего количества возможностей для самостоятельного и индивидуализированного обучения (Adnana, Zamarib, 2018, с. 51).

Возникновение цифровой лингвообразовательной среды не всегда обусловлено стремлением к улучшению эффективности обучения ИЯ. Технологизация образования также тесно связана с независимым от человека приходом в 2020 году новой эпохи VANI (Brittle — хрупкий, Anxious — тревожный, Nonlinear — нелинейный, Incomprehensible — непостижимый), наступившей после появления коронавируса. Все системы, в том числе образовательная, стали уязвимыми к изменениям, потеряли былую стабильность, линейность, стали характеризоваться перегруженностью цифровыми технологиями (Прохорова, Безукладников, Лизунова, 2022, с. 237).

Произошел вынужденный переход от очного обучения к дистанционному, что изменило качество взаимодействия между учителем и учеником, учениками между собой в новом цифровом пространстве. Возник ряд вопросов, связанных с тем, каким образом эффективно организовать процесс обучения без непосредственного контакта с учащимся. Учителя столкнулись с хаотичностью процесса

обучения в цифровом пространстве, нарушением целостности педагогического взаимодействия из-за наличия отвлекающих факторов, с отсутствием возможности объективного контроля и оценки знаний учащихся из-за доступности интернет-ресурсов. Ученые предлагают решение данных проблем в проектировании и разработке цифровой лингвообразовательной среды, направленной на облегчение реализации педагогического взаимодействия учителя и учащихся, адаптированного под цифровой формат (Сороковых, Абдулмянова, Старицына, 2022, с. 626).

Для актуализации антропоцентрической парадигмы обучения ИЯ в общеобразовательной школе цифровая лингвообразовательная среда, являясь современной реальностью образования, должна обладать рядом характеристик, наличие которых обеспечит автономность обучающегося и возможность выбора и реализации им различных индивидуализированных образовательных траекторий, должна вбирать в себя широкий спектр содержательных элементов, подстраивающихся под быстро меняющиеся потребности учебного процесса и отражающих актуальные тенденции развития общества (Евдокимова, 2021, с. 13).

Как следствие появления потребности в разработке цифровой лингвообразовательной среды новые требования предъявляются к профессиональной подготовке учителя ИЯ. Он должен уметь проектировать и создавать цифровую лингвообразовательную среду, отвечающую вышеописанным характеристикам. Кроме того, ряд нормативных документов (ФГОС ВО, профессиональный стандарт педагога) определяют новые требования к подготовке учителя, готового обеспечить применение цифровых технологий в процессе преподавания (ФГОС; профессиональный стандарт педагога; Бердичевский, Тарева, Языкова, 2021).

Согласно нормативным документам учитель ИЯ должен владеть общепрофессиональной компетенцией, в которую входит умение разрабатывать основные и дополнительные образовательные программы с использованием информационно-коммуникационных технологий (ОПК-2), должен быть готов применять современные образовательные технологии в своей профессиональной деятельности, создавать индивидуальные траектории обучения и воспитания для учащихся, уметь поддерживать активность, инициативность и самостоятельность обучающихся (ФГОС). У вуза возникает потребность в профессиональной подготовке учителя ИЯ, владеющего так называемой новой лингвоцифровой компетенцией, которая включает в себя готовность и способность учителя к обеспечению лингводидактической деятельности в иноязычной цифровой среде (Прохорова, Безукладников и Лизунова, 2022, с. 237). При организации педагогического взаимодействия в виртуальной среде учитель ИЯ должен активизировать не только традиционные компетенции (методическую/лингводидактическую и ИКТ-компетенцию) как отдельные сформированные компоненты профессионального портрета учителя иностранного языка, но и владеть компонентами данных компетенций интегративно, в их тесной взаимосвязи.

Компетентностный портрет «цифрового» учителя иностранного языка, необходимый для реализации педагогического взаимодействия в Сети в настоящее время, включает в себя следующие факторы:

- готовность проводить учебные занятия, опираясь на достижения в области педагогических наук, современных ИКТ, инновационных методик обучения языку и культуре (Тарева, 2018, с. 86);
- знание специфики проектирования лингвообразовательной среды;
- навыки разработки цифрового пространства для организации совместной деятельности по овладению иностранным языком (Сороковых, 2013, с. 80);
- готовность использовать современные способы оценивания в условиях информационно-коммуникационных технологий (Гальскова, 2019, с. 7);
- умение обеспечивать оценивание эффективности цифрового продукта для определенных целей и задач обучения, использовать различные форматы взаимодействия (индивидуальный/групповой чат в мессенджере или на цифровой образовательной платформе) в рамках цифровой лингвообразовательной среды (Сороковых и Старицына, 2021, с. 102);
- владение особым ИКТ-тезаурусом (Михайлова и Кулешова, 2018, с. 57–59);
- другие значимые для современного учителя знания, умения и навыки, позволяющие обеспечивать успешное обучение ИЯ в цифровой среде.

Вслед за рядом ученых, которые занимались вопросами исследования готовности учителя к профессиональной деятельности (Л. А. Харитоновна, О. А. Абдулина, Ю. В. Еремин, А. К. Макарова, В. А. Слостенин), следует говорить о необходимости формировать готовность учителя иностранного языка к разработке цифровой лингвообразовательной среды. Под готовностью предполагается интегративная характеристика личности педагога, комплексное образование, состоящее из особых знаний, умений и навыков, необходимых для успешной профессиональной деятельности в современном мире (Харитоновна и др., 2004).

Разработка учителем цифровой лингвообразовательной среды предполагает следующие этапы:

1. Определение целей и задач обучения иностранному языку, которые должны быть достигнуты с помощью цифровой среды.
2. Выбор подходящих цифровых инструментов, платформы и технологий для реализации задач обучения.
3. Создание контента для цифровой образовательной среды, включая учебные материалы, задания, тесты и другие образовательные ресурсы.
4. Организация структуры и навигации в цифровой среде на иностранном языке для удобства использования учащимися.
5. Поддержка учащихся и мониторинг образовательного процесса в цифровой среде, включая обратную связь и оценку успеваемости.
6. Постоянное обновление и улучшение цифровой образовательной среды на основе обратной связи и результатов обучения.

В свою очередь, готовность к разработке цифровой лингвообразовательной среды предполагает качество личности учителя (направленность личности на осуществление профессиональной деятельности), включающее в себя

определенный набор знаний, умений и навыков, необходимых для проектирования и осуществления эффективного обучения в цифровом пространстве с учетом потребностей целевой аудитории и конкретной задачи на каждом этапе обучения иностранному языку. Характеризуя цифровую лингвообразовательную среду, следует основываться на концепции педагогического дизайна (*Instructional design*), которая приобрела особый статус в зарубежной методике преподавания. Согласно этой концепции проектирование и разработка сетевой лингвообразовательной среды выражается в проектировании учебного процесса в соответствии с анализом потребностей целевой аудитории, создании учебных материалов на доступных цифровых платформах, в адаптации цифровых инструментов к целям, задачам программы обучения, в проведении онлайн-тестирования и оценке знаний студентов в сетевой среде (Gagné, Glaser, Klaus, 1963).

Следует указать на проблемы, которые не полностью решены на данный момент в области формирования готовности учителей ИЯ к проектированию цифровой лингвообразовательной среды. Н. В. Языкова отмечает слабую теоретическую методическую подготовку студентов — будущих учителей ИЯ, недостаточную системность знаний у выпускников, в большей степени эмпирический тип методического мышления, формируемого в вузе; несформированность ключевых интегративных качеств педагога: рефлексии и профессионально-педагогической направленности личности учителя (Языкова, 2009). К сказанному добавляется недостаточная цифровая подготовленность выпускников, обусловленная особенностями современного поколения, которое способно оперативно находить разнообразные учебные материалы в Интернете, но не готово качественно выбирать и анализировать данные учебные материалы и планировать процесс обучения ИЯ с их применением (Михайлова, Кулешова, 2018, с. 26).

Таким образом, сложилось противоречие между недостаточной системностью и комплексностью методической и цифровой подготовки учителей ИЯ, с одной стороны, и социально обусловленными требованиями к уровню их профессиональной деятельности, регламентируемой нормативными документами и лингвообразовательной реальностью, с другой стороны. Возникает необходимость поиска новых решений для улучшения и обеспечения комплексности лингвометодической и цифровой подготовки учителей ИЯ. Необходима разработка новых технологий обучения, которые помогут таким специалистам развиваться профессионально и повысят их конкурентоспособность на рынке труда.

Решение данной проблемы видится в изменении вектора подготовки студентов с узкой предметности при обучении иностранному языку на междисциплинарность. Необходимо обеспечить комплексность/взаимосвязанность развития лингвометодических и цифровых умений учителей с учетом особых функций иностранного языка как инструмента формирования профессиональных компетенций будущего учителя.

Одной из форм организации обучения ИЯ в цифровой лингвообразовательной среде (например, на специализированной платформе в Интернете или в социальной сети) является онлайн-марафон на ИЯ. При его подготовке и реализации учитель разрабатывает и представляет учащимся ряд учебных материалов по определенной теме, затем серию электронных упражнений и заданий соревновательного характера для выполнения обучающимися в ограниченные сроки (неделя, месяц, полгода). Лингводидактический потенциал данного формата обучения обеспечивается за счет модульной организации процесса обучения (по темам), выполнения участниками условно-речевых и речевых упражнений в электронном формате, преобладающего удельного веса самостоятельной деятельности учащихся. Разработка студентами онлайн-марафона на ИЯ может служить средством комплексного развития их цифровых и лингвометодических умений (Михайлова, Юнгина, 2023, с. 6–7).

Студент, разрабатывая формат онлайн-марафона для предполагаемых обучающихся, осваивает и/или развивает собственные лингвометодические и цифровые компетенции. Он определяет интенсивность обучения (сроки достижения цели и задач обучения в цифровой среде), ставит цели и задачи курса в соответствии с индивидуальными потребностями учащихся, актуальностью курса для целевой аудитории и с методическими принципами обучения. Кроме того, организатор онлайн-марафона занимается содержательной стороной обучения: он продумывает, какие темы и в какой последовательности будут изучаться, какие упражнения на тренировку речевых навыков, творческие, игровые задания будут включены в марафон; сколько времени на выполнение каждого задания предусматривается для достижения запланированных образовательных результатов; как будет организована система поощрения для поддержания мотивации; каким образом необходимо осуществить обратную связь с участниками, обеспечить оценку и контроль знаний (в том числе с помощью цифровых инструментов) и автономность учащихся, которая проявляется в общей рефлексии в течение марафона и после прохождения обучения.

Развитие у будущих учителей ИЯ цифровой компетенции происходит благодаря способности оценивать рынок современных цифровых платформ, анализировать доступный инструментарий и выбирать ту площадку, которая обладает функционалом, отвечающим требованиям конкретного курса обучения в соответствии с определенными образовательными условиями (Михайлова, Юнгина, 2023, с. 6–7).

Разрабатывая онлайн-марафон на ИЯ, студент проявляет новые педагогические компетенции: он становится разработчиком образовательного контента, педагогическим дизайнером, куратором и тьютором обучающихся, организует модерацию и техническую поддержку марафона, занимается образовательным предпринимательством, PR-деятельностью по продвижению своего образовательного продукта (Там же). Решение целого спектра лингвометодических задач поможет сформировать у студентов готовность к самостоятельному прогнозированию и решению сложных педагогических кейсов с применением цифровых

технологий и иностранного языка. Тем самым разработка онлайн-марафона выступает в качестве профессионально ориентированной задачи, которая ставится перед студентами педагогических направлений подготовки в языковом вузе.

Несмотря на накопленный опыт исследования лингвометодической и цифровой подготовки учителя иностранного языка, на существование ряда моделей формирования готовности учителя ИЯ к использованию цифровых технологий, далеко не все вопросы, связанные с данными аспектами, полноценно рассмотрены и приняты во внимание при повышении качества подготовки будущих учителей иностранного языка. В частности, не полностью определены сущностные характеристики, компоненты, структура, специфика цифровой лингвообразовательной среды с учетом доступного учителю ИЯ цифрового инструментария; не представлено определение понятия «готовность к разработке цифровой лингвообразовательной среды»; не описаны требования к формированию соответствующей готовности студентов — будущих учителей ИЯ; не обоснован методический потенциал проектирования и создания онлайн-марафона на ИЯ для формирования готовности студентов к разработке цифровой лингвообразовательной среды. Таким образом, проблема формирования готовности будущего учителя ИЯ к разработке цифровой лингвообразовательной среды в формате организации и реализации онлайн-марафона на ИЯ требует особого исследовательского внимания как в теоретическом, так и в практическом ключе.

Список источников

1. Евдокимова, М. Г. (2021). Перспективы эволюции учебника иностранного языка для неязыкового вуза. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 192, 7–15.
2. Тестов, В. А. (2012). Переход к новой образовательной парадигме в условиях сетевого пространства. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, 4(1), 50–56.
3. Adnana, A. H., & Zamarib, Z. M. (2018). Computer-aided self-access language learning: views of Indonesian. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 67, 49–60.
4. Прохорова, А. А., Безукладников, В. К., & Лизунова, Л. Р. (2022). Исследование понятия и структуры лингвоцифровой компетенции студента. *Язык и культура*, 58, 236–260.
5. Сороковых, Г. В., Абдулмянова, И. Р., & Старицына, С. Г. (2022). Адаптация педагогического взаимодействия педагога и учащихся к реалиям цифровой лингвообразовательной среды. *Педагогика. Вопросы теории и практики*, 6, 624–631.
6. Приказ Минтруда России от 18.10. 2013 № 544н (с изм. от 05.08. 2016) «Об утверждении профессионального стандарта “Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)”». (Зарегистрировано в Минюсте России 06.12.2013 № 30550). https://edu.mcito.ru/uploads/static/files/docs/1._pricaz_544.pdf
7. Приказ Министерства образования и науки РФ от 22 февраля 2018 г. № 121 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — бакалавриат по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое

образование» (с изменениями и дополнениями). [https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS VO 3++/Bak/440301_V_3_15062021.pdf](https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS_VO_3++/Bak/440301_V_3_15062021.pdf)

8. Бердичевский, А. Л. (2021). *Профессиограмма современного учителя иностранного языка*. Флинта.
9. Тарева, Е. Г. (2018). Цифровая эпоха и педагогические профессии. *Вестник МГПУ. Серия: Философские науки*, 3(27), 85–90.
10. Сороковых, Г. В. (2013). Проектирование креативной иноязычной образовательной среды вуза как научная проблема. *Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки*, 4, 79–82.
11. Гальскова, Н. Д. (2019). Современное лингвообразование в социокультурном и аксиологическом измерениях. *Иностранные языки в школе*, 8, 4–10.
12. Сороковых, Г. В., & Старицына, С. Г. (2021). Родительский онлайн-форум как модель успешного взаимодействия триады «учитель – ученик – родитель». *Лингво-методическое обеспечение инклюзивного иноязычного образования*, 100–105.
13. Михайлова, С. В., & Кулешова, А. В. (2018). Интегрирование ИКТ в практику преподавания иностранных языков: предпосылки и результаты. *Преподавание иностранных языков и новые подходы к академическому сотрудничеству в эпоху интернета* (с. 53–59). Сборник научных трудов и материалов международной научно-практической конференции.
14. Харитоновна, Л. А. (2005). *Формирование готовности будущих учителей иностранного языка к использованию информационных технологий в профессиональной деятельности* [Диссертация ... канд. пед. наук: 13.00.08. Чебоксары].
15. Gagne, R. M. (1963). *Psychological principles in system development*. Holt, Rinehart and Winston.
16. Gagne, R. M. (1970). *The conditions of learning*. Holt, Rinehart and Winston.
17. Glaser, R., & Klaus, D. J. (1963). Proficiency measurement: Assessing human performance. *Psychological principles in system development*, 419–474.
18. Языкова, Н. В. (2009). Компетентностный подход к целеполаганию в системе профессиональной подготовки будущих учителей иностранных языков. *Подготовка педагогических кадров в системе столичного образования* (с. 134–136). Материалы городской научно-практической конференции. МГПУ.
19. Михайлова, С. В., & Кулешова, А. В. (2018). Вызов цифровой эпохи: новый формат подготовки учителей французского языка. *Теоретические и практические предпосылки подготовки полилингвальных специалистов в вузе* (с. 24–29). Материалы IV Международного научно-практического онлайн-семинара (вебинара). Могилевский государственный университет им. В. А. Кулешова.
20. Михайлова, С. В., & Юнгина, А. Н. (2023). Лингвообразовательный онлайн-марафон в социальной сети как игровая технология. *Иностранные языки в школе*, 6, 55–61.

References

1. Evdokimova, M. G. (2021). Prospects for the evolution of a foreign language textbook for a non-linguistic university. *Tambov University Review. Series: Humanities*, 192, 7–15. (In Russ.).
2. Testov, V. A. (2012). Transition to a new educational paradigm in the network space. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*, 4(1), 50–56. (In Russ.).

3. Adnana, A. H., & Zamarib, Z. M. (2018). Computer-aided self-access language learning: views of Indonesian. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 67, 49–60.
4. Prokhorova, A. A., Bezukladnikov, V. K., & Lizunova, L. R. (2022). Study of the concept and structure of a student's linguistic and digital competence. *Yazyk i kul'tura*, 58, 236–260. (In Russ.).
5. Sorokovykh, G. V., Abdulmyanova, I. R., & Staritsyna, S. G. (2022). Adaptation of pedagogical interaction between teacher and students to the realities of the digital linguistic educational environment. *Pedagogy. Theory & Practice*, 6, 624–631. (In Russ.).
6. Order of the Ministry of Labor of Russia dated October 18. 2013 N 544n (as amended on August 5, 2016) «On approval of the professional standard “Teacher (pedagogical activities in the field of preschool, primary general, basic general, secondary general education) (educator, teacher)”». (Registered with the Ministry of Justice Russia 06.12.2013 N 30550). https://edu.mcito.ru/uploads/static/files/docs/1._pricz_544.pdf (In Russ.).
7. Order No. 121 of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated February 22, 2018 «On approval of the federal State educational standard of higher education – Bachelor's degree in the field of training 44.03.01 Pedagogical education» (with amendments and additions). https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS_VO_3++/Bak/440301_B_3_15062021.pdf (In Russ.).
8. Berdichevsky, A. L. *Profesiogram of modern foreign language teacher*. Flinta. (In Russ.).
9. Tareva, E. G. (2018). Digital era and pedagogical professions. *MCU Journal of Philosophical Science*, 3(27), 85–90. (In Russ.).
10. Sorokovykh, G. V. (2013). Designing a creative foreign language educational environment at a university as a scientific problem. *Vestnik of Sholokhov Moscow State University for the Humanities: Philology Series*, 4, 79–82. (In Russ.).
11. Galskova, N. D. (2019). Modern linguistic education in sociocultural and axiological dimensions. *Foreign Languages at School*, 8, 4–10. (In Russ.).
12. Sorokovykh, G. V., & Staritsyna, S. G. (2021). Parent online forum as a model of successful interaction of the «teacher – student – parent» triad. *Linguistic and methodological support for inclusive foreign language education*, 100–105. (In Russ.).
13. Mikhailova, S. V., & Kuleshova, A. V. (2018). Integrating ICT into the practice of teaching foreign languages: prerequisites and results. *Teaching foreign languages and new approaches to academic cooperation in the Internet era* (pp. 53–59). Collection of scientific papers and materials of the international scientific and practical conference. (In Russ.).
14. Kharitonova, L. A. (2005). *Forming the readiness of future foreign language teachers to use information technologies in their professional activities* [Dissertation for the PhD (Pedagogy): 13.00.08. Cheboksary]. (In Russ.).
15. Gagne, R. M. (1963). *Psychological principles in system development*. Holt, Rinehart and Winston.
16. Gagne, R. M. (1970). *The conditions of learning*. Holt, Rinehart and Winston.
17. Glaser, R., & Klaus, D. J. (1963). Proficiency measurement: Assessing human performance. *Psychological principles in system development*, 419–474.
18. Yazykova, N. V. (2009). A competency-based approach to goal setting in the system of professional training of future foreign language teachers. *Training of teaching staff in the capital's education system* (pp. 134–136). Materials of the city scientific and practical conference. MCU. (In Russ.).

19. Mikhailova, S. V., & Kuleshova, A. V. (2018). The challenge of the digital era: a new format for training French teachers. *Theoretical and practical prerequisites for training multilingual specialists at a university* (pp. 24–29). Materials of the IV International scientific and practical online seminar (webinar). Mogilev State A. Kleshov University. (In Russ.).

20. Mikhailova, S. V., & Yungina, A. N. (2023). Linguistic educational online marathon on a social network as a gaming technology. *Foreign Languages at School*, 6, 55–61. (In Russ.).

Информация об авторах / Information about the authors

Анастасия Николаевна Юнгина — ассистент кафедры англистики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков МГПУ.

Anastasia N. Yungina — Assistant Lecturer at the Department of English and Intercultural Communication of the Institute of Foreign Languages of Moscow City University.

Мэри Георгиевна Евдокимова — доктор педагогических наук, доцент, директор Института лингвистического и педагогического образования Национального исследовательского университета «Московский институт электронной техники».

Mary G. Evdokimova — D. Sc. (Pedagogy), Docent, Director of the Institute of Linguistic and Pedagogical Education of National Research University of Electronic Technology.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Научная статья

УДК 378.016:811.111

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.14

ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ У СТУДЕНТОВ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ЧТЕНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЫ

Никитенко Зинаида Николаевна¹,

Лукашенко Анна Дмитриевна^{2*}

^{1,2} Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия,

¹ zinaida-nikitenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7923-9062>

² lukaschenko.ann@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3953-3758>

Аннотация. В статье рассматривается технология формирования нравственных ценностей у бакалавров-международников в процессе обучения профессионально ориентированному иноязычному чтению. Обосновываются две группы принципов, составляющих основу данной технологии, среди которых доминантным выступает диалог культур. Аргументируется необходимость учитывать особенности структуры англоязычных медиатекстов и используемых в прессе механизмов манипуляции наряду с основными функциями профессионально ориентированного чтения. Раскрывается специфика этапов работы над англоязычными медиатекстами, которая находит отражение как в методических задачах каждого этапа, так и в реализующих их приемах обучения и воспитания. Подчеркивается роль общения как ведущего средства формирования у студентов нравственных ценностей в процессе иноязычного чтения.

Ключевые слова: воспитание, нравственные ценности, иноязычное образование, бакалавр-международник, международные отношения, профессионально ориентированное чтение.

Для цитирования: Никитенко, З. Н., Лукашенко, А. Д. (2024). Технология формирования нравственных ценностей у студентов-международников в процессе чтения англоязычной прессы. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(54), 189–201. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.54.2.14>

Original article

UDC 378.016:811.111

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.14

ENHANCING MORAL VALUES IN INTERNATIONAL RELATIONS STUDENTS WHILE READING THE ENGLISH-LANGUAGE PRESS

Zinaida N. Nikitenko¹,
Anna D. Lukashenko^{2*}

^{1,2} Moscow Pedagogical State University,
Moscow, Russia,

¹ zinaida-nikitenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7923-9062>

² lukaschenko.ann@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3953-3758>

Abstract. The article discusses the technology of forming moral values among bachelors of international affairs in the process of teaching professionally oriented foreign language reading. The article justifies two groups of principles that form the basis of this technology, among which the dialogue of cultures is the dominant one. Also, the article reasons the necessity of relying on the peculiarities of the structure of English-language media texts and the manipulation mechanisms used in press, along with considering the main functions of professionally oriented reading. The specifics of the stages of work on English-language media texts are revealed, which is reflected both in the methodological tasks of each stage and in the methods of teaching and upbringing implementing them. The role of communication as a leading means of forming students' moral values in the process of foreign language reading is emphasized.

Keywords: upbringing, moral values, foreign language education, Bachelor of International Relations, international relations, professionally oriented reading.

For citation: Nikitenko, Z. N., Lukashenko, A. D. (2024). Enhancing moral values in international relations students while reading the English-language press. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(54), 189–201. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.54.2.14>

В статье рассматривается вопрос нравственного развития студентов-международников и предлагается его возможное технологическое решение в современных политических и социокультурных условиях. Актуальность разработки технологии формирования ценностей у студентов-международников средствами иноязычного образования обусловлена тем, что профессиональная деятельность международного специалиста включает в себя значительную нравственную ответственность, так как он представляет свою страну на мировой арене и его задача — защита интересов России, содействие укреплению единства многонационального и многоконфессионального русского мира, а также противодействие стремлениям некоторых государств подорвать геополитическую позицию нашей страны.

В концепции внешней политики Российской Федерации, принятой в 2023 году, отражена необходимость создания благоприятных условий для развития государства и укрепления суверенитета. Однако достижение этой цели является сложным из-за разрушения системы договоров, фрагментации мировой экономики и угрозы трансграничного терроризма — всего того, что подрывает долгосрочную стабильность международных отношений. Специалистам-международникам предстоит ответственная задача поддержания процессов региональной интеграции и создания разноформатных партнерств с государствами, заинтересованными в построении полицентричного мира, в рамках преодоления кризиса современного мироустройства.

В связи с этим очевидной становится необходимость изменения фокуса цели профессиональной подготовки с прагматической на образовательную, в качестве которой выступает личность будущего специалиста, его личностные качества и мировоззрение, поскольку именно личностные качества и ценности человека оказывают влияние на добросовестность и результативность любой деятельности, включая профессиональную и научно-исследовательскую (Никитенко, 2023, с. 166). Это означает, что особое внимание должно быть уделено формированию у студентов-международников нравственных ценностей, определяющих их способность к ориентации в быстро меняющемся поликультурном мире к эффективному представлению и отстаиванию интересов России на международной арене. Есть все основания утверждать, что реализация данных задач может быть обеспечена средствами иноязычного образования, аксиологический потенциал которого получил обоснование в методической науке (Никитенко, 2016, с. 115; Пассов, 2000, с. 44; Сысоев, 2009, с. 97; Тарева, 2017, с. 305).

Проблеме формирования ценностей при обучении иностранному языку посвящен ряд педагогических работ, проведенный анализ которых свидетельствует о том, что предметом в них выступают педагогические условия, способствующие обретению ценностей студентами неязыкового вуза. Например, показана возможность формирования гуманистических ценностей у студентов медицинских специальностей (Белоконева, 2012), патриотических ценностей у студентов средних специальных учебных заведений (Антонова, 2007) и эколого-гуманистических ценностей у студентов вуза (Масленникова, 2011).

Вместе с тем следует признать, что в методической науке вопрос формирования ценностей с использованием аксиологического потенциала иноязычного образования освещен недостаточно. Исключение составляет разработанная З. Н. Никитенко технология нравственного развития младших школьников средствами иноязычного образования (Никитенко, 2018), однако ее положения не могут быть в полной мере применимы к студентам-международникам, поскольку ориентированы на начальную ступень школьного образования. Это обстоятельство подчеркивает актуальность разработки такой технологии, в которой будут учтены и возрастные особенности студентов, и специфика их будущей профессиональной деятельности как экспертов в международных отношениях. Тем не менее необходимо отметить, что положения, изложенные

в вышеупомянутых работах, также нашли свое отражение в предлагаемой нами технологии, обеспечивая тем самым научную преемственность.

Понятие *технология* введено в методическую науку в 70-х годах прошлого века профессором Г. В. Роговой, которая является одним из основателей коммуникативного подхода в отечественном иноязычном образовании. Г. В. Рогова трактует данный термин как технику обучения и как систему приемов, реализация которых приводит к гарантированному результату. При этом выбор приемов всегда обусловлен принципами, составляющими основу технологии и регулирующими процесс обучения иностранному языку (Рогова, 2000). Мы разделяем точку зрения Г. В. Роговой и понимаем под технологией такое конструирование и выстраивание деятельности субъекта учения (студента) и субъекта обучения (преподавателя), которое позволяет со значительной степенью вероятности гарантировать желаемые результаты и обеспечивает их измеримость и воспроизводимость. Технология отвечает на вопрос: «Как наилучшим образом достичь поставленных целей?», — и направлена на практическое воплощение теоретически спроектированного процесса воспитания, сопряженного с обучением.

Основываясь на вышеизложенных положениях, мы рассматриваем технологию формирования у студентов нравственных ценностей в процессе иноязычного чтения как систему приемов обучения и воспитания, которые базируются на совокупности принципов, следуют определенной логической последовательности и реализация которых гарантирует достижение поставленных целей и задач. Особенность анализируемой в данной статье технологии заключается в сопряженном формировании у студентов-международников нравственных ценностей и умений профессионально ориентированного чтения текстов англоязычной прессы.

Искомая технология базируется на принципах, определяющих успешность формирования у будущих специалистов нравственных ценностей в процессе чтения англоязычной прессы. К ним относятся:

- а) принципы воспитания средствами иноязычного образования, регулирующие формирование ценностей у студентов-международников;
- б) принципы обучения профессионально ориентированному чтению, сформулированные с учетом специфики данного вида речевой деятельности.

Данная совокупность принципов будет трактоваться нами в соответствии с определением понятия «принцип», сформулированным В. И. Загвязинским в дидактической науке. Согласно этому определению принцип представляет собой «инструментальное, данное в категориях деятельности выражение педагогической концепции, это методическое выражение познанных законов и закономерностей, это знание о целях, сущности, содержании, структуре обучения, выраженное в форме, позволяющей использовать их в качестве регулятивных норм практики» (В. И. Загвязинский, 2008, с. 35). Из данного определения можно сделать вывод, что принцип включает в себя два уровня: теоретический,

описывающий сущность принципа как результата познанной закономерности, и практический, выраженный в конкретных рекомендациях к учебному процессу.

Обратимся к принципам воспитания средствами иноязычного образования, которые мы выбрали на основе анализа педагогических и методических работ: диалог культур (В. В. Сафонова, Е. Г. Тарева), культуросообразность (А. Булкин, А. Дистервег, Е. И. Пассов), осознаваемость и переживаемость (Г. В. Елизарова). Ведущим является принцип диалога культур, предполагающий организацию образовательного процесса на основе открытого межкультурного взаимодействия представителей разных народов, протекающего на равных началах и ведущего к духовному обогащению каждой из участвующих сторон (Сафонова, 2016, с. 491). Реализация данного принципа предусматривает такую организацию межкультурного обучения, при которой студенты эмоционально вовлечены в процесс общения в поликультурной среде. Сопоставление фактов своей и иной культуры дает возможность более глубоко их понимать, воспитывать любовь к своему и уважительное отношение к иному, что особенно важно для специалиста в области международных отношений.

Принцип культуросообразности, впервые сформулированный А. Дистервегом, подразумевает организацию процесса воспитания в соответствии с родной культурой, с учетом национальных традиций и ценностей (Дистервег, 1956, с. 229), что способствует приобщению молодого поколения к культурному наследию своей страны (Булкин, 2003, с. 105). Реализация данного принципа в процессе воспитания будущих профессионалов необходима, поскольку будущим международникам как субъектам своей культуры предстоит отстаивать на мировой арене интересы и ценности своего отечества. Опора на родную культуру поможет им предотвратить искаженное понимание нравственных ценностей, вызванное влиянием чуждых идей и ложных смыслов в условиях современного информационного противостояния.

Значимость для искомой технологии принципа осознаваемости и переживаемости, сформулированного Г. В. Елизаровой (Елизарова, 2001, с. 117), объясняется следующим. Большинство культурных особенностей иноязычных текстов, включая тексты англоязычной прессы, и психологических реакций студентов на эти особенности находятся в сфере их бессознательного. Чтобы понимать то, как отраженные в тексте культурные особенности влияют на его смысл, и управлять своими эмоциональными реакциями на прочитанное, необходимо перенести их из неосознаваемой сферы в сферу осознаваемого с помощью переживания, личного опыта и взаимодействия с другой культурой. Есть все основания полагать, что опыт переживания также помогает студентам обрести нравственные ценности, поскольку, по мнению Г. В. Елизаровой, он позволяет им более глубоко осознавать свои эмоциональные реакции в процессе межкультурного общения и улучшает их способность управлять этими реакциями в будущем.

Перейдем к рассмотрению принципов обучения профессионально ориентированному чтению, к которым отнесены: коммуникативная направленность

обучения; учет особенностей структуры англоязычных медиатекстов и используемых в них механизмов манипуляции; учет функций профессионально ориентированного чтения. Важность принципа коммуникативной направленности очевидна для предлагаемой технологии, поскольку в методической науке считается доказанным, что профессионально ориентированное чтение является формой опосредованного межкультурного общения (Коряковцева, 2023, с. 23). Данный принцип предполагает создание мотивации студентов к чтению англоязычных медиатекстов посредством формулирования коммуникативной задачи таким образом, чтобы она отражала реалии их будущей профессии, стимулировала к решению практической задачи и духовному поиску.

Не менее важным представляется принцип учета особенностей структуры англоязычных медиатекстов и используемых в них механизмов манипуляции, поскольку реализация данного принципа помогает студентам свободно ориентироваться в информационном потоке и, опираясь на механизм структурной антиципации, грамотно анализировать иноязычные материалы (Добросклонская, 2005, с. 156). Знания об уловках, к которым прибегают журналисты для управления общественным мнением, способствуют более критическому восприятию текстов и адекватной оценке заложенных в них сообщений.

Принцип учета функций профессионально ориентированного чтения — познавательной, ценностно-ориентационной и информационно-поисковой — также представляется существенным (Бурова, 1998, с. 71). При этом познавательная функция проявляется в потребности студентов получать новые знания в своей профессиональной области и в дальнейшем применять их на практике; информационно-поисковая функция выражается в анализе содержания прочитанных текстов, определении значения неизвестных слов и целенаправленном использовании извлеченной информации в когнитивной деятельности; ценностно-ориентационная функция подразумевает учет естественного стремления личности давать нравственную оценку прочитанному.

Представленная ранее совокупность принципов определяет выбор приемов формирования нравственных ценностей у студентов-международников в процессе профессионально ориентированного чтения текстов англоязычной прессы. Прием выступает основной единицей технологии, а его структуру составляют вербальные, изобразительные и знаковые средства обучения; рецептивные, репродуктивные, продуктивные действия учащихся; качественные и количественные способы работы, а также внутренние и внешние условия выполнения задания (Пассов, 2021, с. 50). Прием рассматривается нами и как конкретный методический поступок, объединяющий действия, средства, способы и условия обучения для достижения поставленной цели. Прием призван оказывать определенное образовательное воздействие, направленное на выполнение конкретной задачи в процессе обучения чтению.

Поскольку обучение иноязычному чтению, как и овладение студентами данным видом речевой деятельности, предполагает текстовую деятельность

и определенную этапность работы над текстом, представляется рациональным соотнести выделенные нами приемы обучения и формирования ценностей, реализующие технологию, с предтекстовым, текстовым и послетекстовым этапами, получившими подробное обоснование в отечественной методике (Фоломкина, 2005, с. 48). Вместе с тем мы обогащаем предложенную С. К. Фоломкиной методику работы над текстом для чтения еще одним — подготовительным этапом, который не предполагает работу с конкретными материалами англоязычной прессы, но призван подготовить студентов к чтению и интерпретации англоязычных медиатекстов в целом. На данном этапе решаются две значимые задачи:

- побудить студентов-международников к осознанию своих нравственных приоритетов и ориентировать их на восприятие текстов сквозь призму национальных ценностей;

- подготовить будущих специалистов к восприятию материалов англоязычной прессы, сформировав у них систему знаний о типичной структуре их построения и средствах манипуляции, наиболее часто используемых журналистами для воздействия на общественное мнение.

Для решения первой задачи эффективным представляется такой прием формирования ценностей, как проблемная дискуссия. Психологи и методисты придерживаются точки зрения о том, что именно общение является основой и способом воспитания учащихся (А. А. Леонтьев, З. Н. Никитенко, Е. И. Пасов). Это объясняется тем, что ценности невозможно обрести просто в ходе их изучения, они должны быть приняты личностью вследствие духовного переживания, к которому побуждает процесс общения, протекающего на равных началах (Каган, 1996, с. 294), поэтому иноязычное общение выступает средством духовно-нравственного развития студентов и организуется в форме проблемной дискуссии для того, чтобы актуальные, профессиональные вопросы мотивировали будущих специалистов вступить в обсуждение.

Для решения второй задачи, которая состоит в ознакомлении студентов со структурными особенностями текстов англоязычной прессы и содержащимися в них инструментами манипуляции, целесообразно применять прием восстановления логического порядка текста и прием установления соответствий между техникой манипуляции и ее описанием. Подчеркнем необходимость и значимость подготовительного этапа, поскольку анализ англоязычных медиатекстов с профессиональной точки зрения представляет собой сложную комплексную деятельность, для успешного осуществления которой требуется определенная подготовка.

На подготовительном этапе решаются такие задачи, как создание у студентов мотивации к ознакомлению с представленными материалами, прогнозирование содержания текста и снятие лексических трудностей. Мотивационная готовность обеспечивается приемом активизации профессиональных знаний по теме предлагаемой к прочтению статьи, что позволит понять студентам

границы своего познания данной темы и осознать необходимость ознакомления с профессионально значимыми текстами англоязычной прессы. При решении задачи, связанной с прогнозированием содержания текста, важно ориентировать студентов не только на такие конвенциональные опоры, как заголовок и сопровождающие текст визуальные материалы, но и на структуру англоязычных медиатекстов, знания о которой были приобретены студентами на предыдущем этапе. Например, в первом абзаце статей часто раскрывается их краткое содержание; если материал опубликован онлайн, его обычно сопровождают ключевые слова, располагающиеся в начале или в конце текста. При снятии лексических трудностей задействуется прием языковой догадки и обращается внимание студентов на такие лексические единицы, анализ которых способствует более глубокому пониманию текста: идеологемы, мифологемы, эвфемизмы, профессиональные термины. Авторы текстов англоязычной прессы употребляют идеологемы, мифологемы, эвфемизмы для того, чтобы отразить в текстовом материале подтекст, не считываемый открыто, но эффективно влияющий на общественное настроение (Каменева, 2006, с. 65). Что касается иноязычных профессиональных терминов, то их незнание может серьезно затруднить понимание студентами текста не только на уровне смысла, но и на уровне значения.

Обратимся далее к текстовому этапу работы с материалами англоязычной прессы, в рамках которого будущим международникам предстоит извлечь информацию из предложенных статей. Для организации первого, ознакомительного прочтения рекомендуется прибегнуть к приему восстановления логической последовательности структурных элементов медиатекста с опорой на знания, приобретенные на дотекстовом этапе. Необходимость правильно распределить элементы текста в логическом порядке побудит студентов к беглому ознакомлению с предложенным материалом, поможет быстро понять основное содержание и тематику статьи. Отметим, что глубокие и сложные смыслы текста могут быть извлечены только при изучающем чтении, которое требует значительных умственных и духовных усилий (Ищенко, 2021, с. 16). Поэтому повторное ознакомление с текстом должно быть ориентировано на развитие у студентов-международников умений изучающего профессионально ориентированного чтения, поскольку, овладев именно этим видом чтения, будущие специалисты смогут непредвзято и исчерпывающе интерпретировать медиаматериалы, необходимые для выполнения профессиональных обязанностей. Реализации этой задачи содействуют различного рода вопросно-ответные упражнения. Важным требованием к формулированию заданий как для первого, так и для повторного ознакомления с текстом служит создание у студентов коммуникативной мотивации (Мильруд, 2003, с. 13), связанной с реальной профессиональной ситуацией, в которой чтение текстов англоязычной прессы выступает частью акта межкультурного общения.

Раскроем далее значимость послетекстового этапа для формирования у студентов нравственных ценностей, сопряженных с совершенствованием

умений профессионально ориентированного чтения. Исследователи с сожалением отмечают, что в профессиональном образовании становится все более распространенным поверхностное чтение, в процессе которого не уделяется должного внимания тщательной интерпретации текста, необходимой для последующего применения материалов. Такой подход может привести к потере важной информации (Коряковцева, 2022, с. 44). Чтобы избежать этой негативной тенденции, в качестве основной задачи послетекстового этапа дается установка на глубокое проникновение в суть предложенного материала, извлечение неявных имплицитных смыслов, заложенных автором в целях воздействия на аудиторию, а также ценностей, лежащих в основе анализируемой публикации. Здесь подходит прием распознавания манипулятивных стратегий на основании знаний об их особенностях. Это связано с критическим анализом текста, который помогает учитывать более широкий контекст, принять во внимание такие детали, как наличие социального заказа на статью, редакционная политика выпускавшего ее издательства, выявить возможные предвзятости, ошибки или скрытые мотивы в представленной информации. Критический анализ также предполагает формирование у студента личностного отношения к прочитанному через соотнесение извлеченного посыла с его нравственной позицией, жизненным и профессиональным опытом (Гальскова и др., 2018, с. 117).

Кроме того, на послетекстовом этапе важно создавать условия для осознания студентами связи между обретением нравственных ценностей и профессиональной самореализацией. Как было показано ранее, нравственные ценности могут быть усвоены только в том случае, если они пережиты личностью, что обеспечивается в процессе общения (Каган, 1996, с. 294). Эта задача решается с помощью обращения к такому приему, как постановка проблемы посредством проблемно ориентированных заданий. Студентам предлагается ситуация, актуальная для их будущей профессиональной деятельности, в рамках которой ставится задача, стимулирующая развитие духовных и когнитивных способностей и, таким образом, имеющая для студента личное значение (Сафонова, 2001, с. 35). Проблемно ориентированные задания требуют от будущего специалиста погружения в профессиональную ситуацию, ее анализа с моральной точки зрения и последующего принятия обоснованного решения, которое затем выносится на коллективное обсуждение и защищается. Это помогает выявить, насколько будущий международник в своих действиях и решениях действительно руководствуется теми ценностями, которые декларирует. Отметим также, что обратная связь, которую обеспечивает преподаватель по итогам выполнения заданий, обязательно должна содержать нравственную оценку предоставленного решения. Личный показ переживания чувства и передачу своего отношения со стороны наставника мы выделяем как важнейшие приемы формирования у студентов нравственных ценностей в процессе иноязычного чтения.

Таким образом, можно заключить, что технология формирования у студентов-международников нравственных ценностей получает реализацию посредством

совокупности приемов, среди которых: проблемная дискуссия, извлечение истинного посыла англоязычного медиатекста с опорой на его лексические особенности, прием постановки проблемно ориентированных задач, личный показ переживания преподавателем нравственного чувства.

Процесс обучения иноязычному профессионально ориентированному чтению обладает существенным аксиологическим потенциалом, а тексты англоязычной прессы могут выступать содержательной основой для воспитания будущих специалистов, поскольку готовят их к реалиям профессии, в которой им придется самостоятельно отделять в подобных текстах истинные ценности от ложных и выявлять реальный коммуникативный посыл автора. В заключение подчеркнем значимость общения как средства формирования у студентов нравственных ценностей, поскольку именно общение обеспечивает функционирование приемов, стимулирующих обсуждение студентами профессионально ориентированных текстов, наряду с их рефлексией деятельности чтения текстов англоязычной прессы, вкпе способствующих эмоциональному вовлечению студентов в образовательный процесс и обретению ими нравственных ценностей.

Список источников

1. Никитенко, З. Н. (2023). Личность учителя-профессионала как ценность: возвращение к методической традиции, заложенной профессором Н. В. Языковой. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(51), 162–167.
2. Никитенко, З. Н. (2016). Подготовка учителя иностранного языка к духовно-нравственному воспитанию младших школьников. *Преподаватель XXI век*, 1(1), 112–120.
3. Пассов, Е. И. (2000). *Программа-концепция коммуникативного иноязычного образования. «Развитие индивидуальности в диалоге культур»*. Просвещение.
4. Сыроев, П. В. (2009). Языковое поликультурное образование в XXI веке. *Язык и культура*, 2(6), 96–109.
5. Тарева, Е. Г. (2017). Система культуросообразных подходов к обучению иностранному языку. *Язык и культура*, 40, 302–320.
6. Белоконева, Е. В. (2012). *Формирование гуманистических ценностей у студентов медицинских вузов в процессе изучения иностранного языка* [Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. Елец].
7. Масленникова, С. Ф. (2011). *Воспитание эколого-гуманистических ценностей у студентов вуза* [Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Екатеринбург].
8. Антонова, М. В. (2007). *Формирование патриотических ценностей у студентов ССУЗ в процессе обучения иностранному языку: на материале французского языка* [Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Пенза].
9. Никитенко, З. Н. (2018). *Иностранный язык в начальной школе. Теория и практика*. Флинта.
10. Рогова, Г. В. (2000). *Методика обучения английскому языку на начальном этапе в общеобразовательных учреждениях*. Пособие для учителей и студентов педагогических вузов. Просвещение.

11. Загвязинский, В. И. (2008). *Теория обучения: современная интерпретация*. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений по специальностям «Педагогика и психология» и «Педагогика». Академия.
12. Сафонова, В. В. (2016). Диалог культур и цивилизаций как основополагающий методологический принцип в современной языковой педагогике. В Е. Г. Тарева, Л. Г. Викулова (Ред.). *Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социокультурных практик* (с. 490–499). *Материалы международной конференции. Языки Народов Мира*.
13. Diesterweg, A. (2018). *Rheinische Blätter for education and teaching*. Forgotten books.
14. Булкин, А. П. (2003). *Культуросообразность образования. Педагогический опыт России XVIII–XX вв.* [Дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01. Москва].
15. Елизарова, Г. В. (2001). *Формирование межкультурной компетенции студентов в процессе обучения иноязычному общению* [Диссертация ... д-ра пед. наук: 13.00.02. Санкт-Петербург].
16. Коряковцева, Н. Ф. (2023). Чтение на иностранном языке как образовательная цель в контексте межкультурного общения. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки*, 1(846), 20–25.
17. Добросклонская, Т. Г. (2005). *Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи)*. Эдиториал УРСС.
18. Бурова, Л. И. (1998). *Дидактические основы формирования профессиональных навыков информационно-поискового чтения при подготовке специалистов в высших учебных заведениях (на материале английского языка)* [Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. Воронеж].
19. Пассов, Е. И. (2021). *Методика как наука будущего*. Просвещение.
20. Фоломкина, С. К. (2005). *Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе*. Учебно-методическое пособие. Высшая школа.
21. Каган, М. С. (1996). *Философия культуры*. Петрополис.
22. Каменева, В. А. (2006). *Лингвокогнитивные средства выражения идеологической природы публицистического дискурса (на материале американской прессы)*. Монография. Редакционно-издательский отдел КузГПА.
23. Мильруд, Р. П. (2003). Теоретические и практические проблемы понимания коммуникативного смысла иноязычного текста. *Иностранные языки в школе*, 1, 12–18.
24. Ищенко, Е. Н. (2021). Чтение как социокультурный феномен: методологические подходы к изучению. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия*, 3, 11–17.
25. Коряковцева, Н. Ф. (2022). Понятие «медиация иноязычного текста» в контексте профессиональной коммуникации и информационной деятельности специалиста. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*, 1, 43–48.
26. Гальскова, Н. Д., Василевич, А. П., Коряковцева, & Н. Ф. Акимова, Н. В. (2018). *Основы методики обучения иностранным языкам*. Учебное пособие. Кнорус.
27. Сафонова, В. В. (2001). *Проблемные задания на уроках английского языка в школе*. Учебное пособие. Еврошкола.
28. Сафонова, В. В. (2001). Культуроведение в системе современного языкового образования. *Иностранные языки в школе*, 3, 17–24.

References

1. Nikitenko, Z. N. (2023). The personality of a professional teacher as a value: a return to the methodological tradition laid down by Professor N. V. Yazykova. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(51), 162–167. (In Russ.).
2. Nikitenko, Z. N. (2016). Preparation of a foreign language teacher for the spiritual and moral education of younger schoolchildren. *Prepodavatel XXI vek*, 1(1), 112–120. (In Russ.).
3. Passov, E. I. (2000). *The program is a concept of communicative foreign language education. «The development of individuality in the dialogue of cultures»*. Prosveshchenie. (In Russ.).
4. Sysoev, P. V. (2009). Linguistic multicultural education in the XXI century. *Yazyk i kul'tura*, 2(6), 96–109. (In Russ.).
5. Tareva, E. G. (2017). A system of culturally based approaches to teaching a foreign language. *Yazyk i kul'tura*, 40, 302–320. (In Russ.).
6. Belokoneva, E. V. (2012). *Formation of humanistic values among medical students in the process of learning a foreign language* [Dissertation for the PhD (Pedagogy): 13.00.08. Elec]. (In Russ.).
7. Maslennikova, S. F. (2011). *Education of ecological and humanistic values among university students* [Dissertation for the PhD (Pedagogy): 13.00.01. Ekaterinburg]. (In Russ.).
8. Antonova, M. V. (2007). *Formation of patriotic values among students at Secondary school in the process of learning a foreign language: based on the material of the French language* [Dissertation for the PhD (Pedagogy): 13.00.01. Penza]. (In Russ.).
9. Nikitenko, Z. N. (2018). *A foreign language in elementary school. Theory and practice*. Flinta. (In Russ.).
10. Rogova, G. V. (2000). *Methods of teaching English at the initial stage in general education institutions*. A manual for teachers and students of pedagogical universities. Prosveshchenie. (In Russ.).
11. Zagvyazinsky, V. I. (2008). *Theory of education: modern interpretation*. A textbook for students of higher educational institutions in the fields of «Pedagogy and Psychology» and «Pedagogy». Academy. (In Russ.).
12. Safonova, V. V. (2016). Dialogue of Cultures and Civilizations as a fundamental methodological principle in modern language pedagogy. In E. G. Tareva, L. G. Vikulova (Eds.). *The dialogue of cultures. Culture of dialogue: in search of advanced socio-humanitarian practices* (pp. 490–499). Materials of the international conference. Yazyki Narodov Mira. (In Russ.).
13. Diesterweg, A. (2018). *Rheinische Blätter for education and teaching*. Forgotten Books.
14. Bulkin, A. P. (2003). *Cultural conformity of education. The pedagogical experience of Russia in the XVIII–XX centuries* [Dissertation for the PhD (Pedagogy): 13.00.01. Moscow]. (In Russ.).
15. Elizarova, G. V. (2001). *Formation of students' intercultural competence in the process of learning foreign language communication* [Dissertation for the PhD (Pedagogy): 13.00.02. Saint Petersburg]. (In Russ.).
16. Koryakovtseva, N. F. (2023). Reading in a foreign language as an educational goal in the context of intercultural communication. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and teaching*, 1(846), 20–25. (In Russ.).
17. Dobrosklonskaya, T. G. (2005). *Questions of studying media texts (the experience of studying modern English media language)*. Editorial URSS. (In Russ.).

18. Burova, L. I. (1998). *Didactic foundations for the formation of professional information retrieval reading skills in the training of specialists in higher educational institutions (based on the material of the English language* [Dissertation for the PhD (Pedagogy): 13.00.08. Voronezh]. (In Russ.).
19. Passov, E. I. (2021). *Methodology as the science of the future*. Prosveshchenie. (In Russ.).
20. Folomkina, S. K. (2005). *Teaching reading in a foreign language in a non-linguistic university: an educational and methodological guide*. Vysshaya shkola. (In Russ.).
21. Kagan, M. S. (1996). *The philosophy of culture*. Petropolis. (In Russ.).
22. Kameneva, V. A. (2006). *Linguistic and cognitive means of expressing the ideological nature of journalistic discourse (based on the material of the American press)*. Monograph. Redakcionno-izdatel'skij otdel KuzGPA. (In Russ.).
23. Milrud, R. P. (2003). Theoretical and practical problems of understanding the communicative meaning of a foreign language text. *Inostrannye yazyki v shkole, 1*, 12–18. (In Russ.).
24. Ishchenko, E. N. (2021). Reading as a sociocultural phenomenon: methodological approaches to the study. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philosophy, 3*, 11–17. (In Russ.).
25. Koryakovtseva, N. F. (2022). The concept of «mediation of a foreign language text» in the context of professional communication and information activities of a specialist. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and teaching, 1*, 43–48. (In Russ.).
26. Galskova, N. D., Vasilevich, A. P., Koryakovtseva, N. F., & Akimova, N. V. (2018). *Fundamentals of the methodology of teaching foreign languages*. A textbook. Knorus. (In Russ.).
27. Safonova, V. V. (2001). *Problematic tasks in English lessons at school*. Textbook. Evroshkola. (In Russ.).
28. Safonova, V. V. (2001). Cultural studies in the system of modern language education. *Inostrannye yazyki v shkole, 3*, 17–24. (In Russ.).

Информация об авторах / Information about the authors

Зинаида Николаевна Никитенко — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры лингводидактики и современных технологий иноязычного образования Института иностранных языков МПГУ.

Zinaida N. Nikitenko — D. Sc. (Pedagogy), Professor, Professor of the Department of Linguodidactics and Modern Technologies of Foreign Language Education at the Institute of Foreign Languages of Moscow Pedagogical State University.

Анна Дмитриевна Лукашенко — аспирант кафедры лингводидактики и современных технологий иноязычного образования Института иностранных языков МПГУ.

Anna D. Lukashenko — Postgraduate Student at the Department of Linguodidactics and Modern Technologies of Foreign Language Education at the Institute of Foreign Languages of Moscow Pedagogical State University.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Научно-практическая статья

УДК: 378.8.091.313.11-029:004

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.15

РЕГЛАМЕНТИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СРЕДСТВ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЕ

Тивьяева Ирина Владимировна¹,
Михайлова Светлана Владиславовна²,
Казанцева Анжела Анатольевна³

^{1, 2, 3} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

¹ tivyaevaiv@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6316-784X>

² mihailovasv@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5761-583X>

³ kazancevaa@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7207-5237>

Аннотация. В статье даны предложения по регламентированию применения средств генеративного искусственного интеллекта в выпускных квалификационных работах бакалавров и магистров, обучающихся по направлениям «Лингвистика» и «Педагогическое образование». В основе предлагаемого подхода лежит методический опыт авторов, накопленный в ходе работы со студентами Института иностранных языков МГПУ. Предлагаемые методологические решения — первый шаг в осмыслении и структуризации деятельности студентов по практическому использованию средств генеративного искусственного интеллекта в подготовке выпускных квалификационных работ в области лингвистики и лингводидактики.

Ключевые слова: искусственный интеллект, средства генеративного искусственного интеллекта, выпускная квалификационная работа, лингвистика, педагогическое образование.

Для цитирования: Тивьяева, И. В., Михайлова, С. В., Казанцева, А. А. (2024). Регламентирование использования средств генеративного искусственного интеллекта в выпускной квалификационной работе. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(54), 202–218. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.54.2.15>

Original article

UDC: 378.8.091.313.11-029:004

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.15

REGULATING THE USE OF GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE TOOLS IN GRADUATE QUALIFICATION PAPERS

Irina V. Tivyaeva¹,
Svetlana V. Mikhailova²,
Anzhela A. Kazantseva³

^{1,2,3} Moscow City University,
Moscow, Russia,

¹ tivyaevaiv@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6316-784X>

² mihailovasv@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5761-583X>

³ kazancevaa@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7207-5237>

Abstract. The article presents proposals for regulating the use of generative artificial intelligence tools in qualification papers of undergraduate and graduate students majoring in «Linguistics» and «Pedagogical Education». The employed approach relies on the authors' methodological experience accumulated in the course of work with students at the Institute of Foreign Languages, Moscow City University. The proposed methodological solutions make the first step in comprehending and structuring students' activities on practical employment of generative artificial intelligence tools in the preparation of qualification papers in the field of linguistics and linguodidactics.

Keywords: artificial intelligence, generative artificial intelligence tools, graduate qualification paper, linguistics, pedagogical education.

For citation: Tivyaeva, I. V., Mikhailova, S. V., Kazantseva, A. A. (2024). Regulating the use of generative artificial intelligence tools in graduate qualification papers. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(54), 202–218. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.54.2.15>

Введение

В современном мире использование средств генеративного искусственного интеллекта (СГИИ) становится все более актуальным и востребованным. За последние несколько лет в массовом сознании любопытство к фасцинирующим технологическим «игрушкам» сменилось алармистским восприятием внедрения генеративных нейросетей в повседневную социальную практику как глобальной техногенной угрозы человечеству и потенциальной опасности «восстания машин», а затем научно-методологическим интересом¹ и пониманием необходимости регламентировать,

¹ Результативность поискового запроса «искусственный интеллект» в каталоге eLIBRARY.RU — свыше 66 тыс. наименований (апрель 2024 года).

в том числе на основе морально-этических норм, применение сильного искусственного интеллекта, т. е. нейросетей, способных самостоятельно работать с большим набором неструктурированных данных (согласно классификации ГОСТ — нейросетевые модели управления знаниями и обработки информации (ГОСТ Р 59277-2020, 2021)).

Образовательная сфера в целом и практика преподавания иностранных языков в частности претерпевают значительные изменения, сталкиваясь с растущей цифровизацией, виртуализацией и сетевизацией общества (Тарева, Михайлова, 2018; Сулейманова, 2020; Тарева, 2022; Terra autonómia, 2022). В соответствии со Стратегией цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования (Распоряжение... № 3759р) перед вузами поставлена цель содействовать укреплению позитивного образа цифровой (в том числе на основе технологий искусственного интеллекта) составляющей процесса обучения и профессиональной подготовки, способствовать трансформации сознания субъектов высшего образования в контексте воспитания у них цифровой гражданственности и цифровой ответственности. В этой связи должно рассматривать университет как уникальный центр превосходства и инвестиционный проект, генерирующий «научно-творческие идеи и предлагающий их практико-технологическое решение на основе опережающего развития» (Щепилова, Гончарова, Михайлова и др., 2017, с. 93).

Интеграция СГИИ в сферу языкового образования обуславливает необходимость переосмысления сущности иноязычного образовательного процесса, механизмов оценки его качества. Необходимы научно обоснованные решения в отношении отбора средств и технологий искусственного интеллекта, определения их надежности и валидности в целях получения положительных результатов освоения программ профессиональной иноязычной подготовки.

К категории актуальных задач цифровой эры, решаемых вузом, отнесем переосмысление роли академического письма в его предельном квалифицирующем жанре — написании выпускной квалификационной работы, который является, согласно существующему стандарту высшего образования, неотъемлемым компонентом государственной итоговой аттестации. Компетентностно ориентированное оценивание студенческого исследования и академического письма и ранее находилось в фокусе научного интереса (см. например, (Сулейманова, 2017; Тивьяева, 2024)). Сейчас же, в эпоху автоматической генерации текста любой сложности и любого характера средствами больших языковых моделей, дискуссии вокруг компетентностного портрета выпускника языкового вуза, в части демонстрации сформированности его научно-исследовательских умений в пределах выпускной квалификационной работы (ВКР), приобретают острый характер. Обсуждаются риски утраты традиционных научных ценностей, забвения собственной научной идентичности, что влечет за собой

требования к переформатированию учебных курсов, модулей, программ промежуточной и итоговой аттестаций (Тарева, 2020).

Актуальность темы подтверждается частотностью поиска на обобщенную тему «Написать диплом / ВКР при помощи нейросети / GPT» по данным сервиса статистики запросов в поисковой сети Яндекс *Вордстат* (<https://wordstat.yandex.ru>) (рис. 1–2).

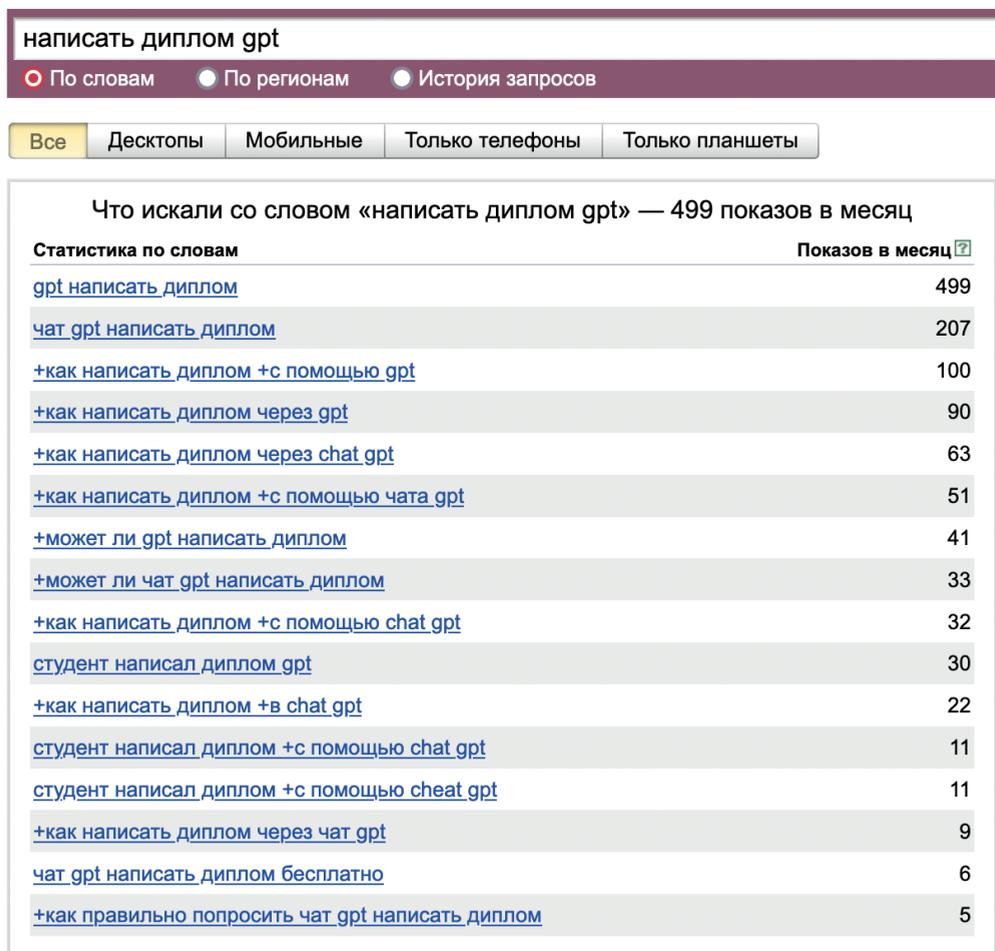

Рис. 1. Частотность запроса «написать диплом + GPT», по данным Вордстат (апрель 2024 г.)

Fig 1. Frequency of the query «write graduate paper + GPT» according to Wordstat (April 2024)

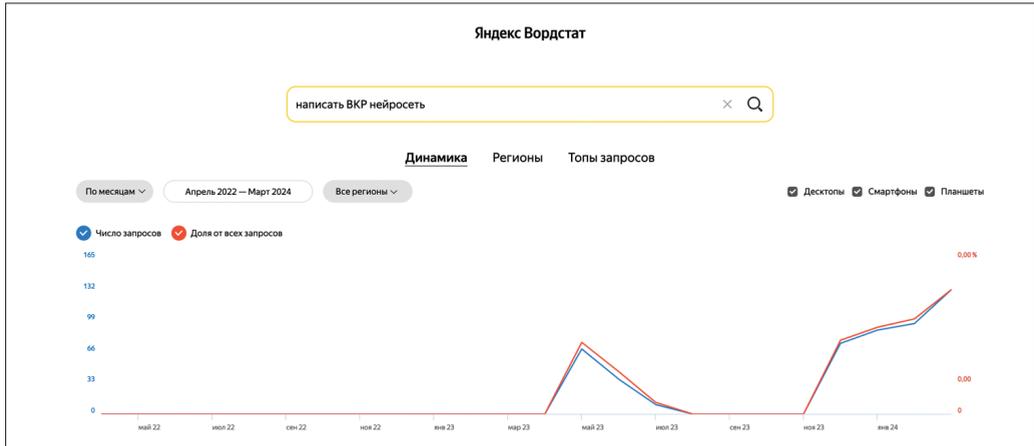

Рис. 2. Динамика² запроса «написать ВКР + нейросеть», по данным Вордстат (апрель 2024 г.)

Fig. 2. Dynamics of the query «write graduate paper + neural network» according to Wordstat (April 2024)

Выразим солидарность с мнением стейкхолдеров российского образования о том, что интеграция искусственного интеллекта в учебную и исследовательскую вузовскую практику должна стать аргументом для развития критического мышления российского студенчества и индустриальным стандартом образовательных решений (Современная {цифровая} дидактика, 2023).

Осознавая необходимость в создании условий для содействия прогрессу языкового образования с помощью доказательных научных и научно-практических разработок, обращающихся к цифровым технологиям как к предмету и/или инструменту исследования, а также для продвижения культуры использования цифровых технологий в лингвистике, лингводидактике, филологии, авторы статьи разработали регламент использования средств генеративного искусственного интеллекта при подготовке и написании текста ВКР бакалавра, специалиста и магистра (далее — регламент) в целях методического обеспечения порядка применения СГИИ студентами выпускных курсов бакалавриата, специалитета и магистратуры, готовящихся к защите ВКР по итогам освоения соответствующих образовательных программ Института иностранных языков МГПУ.

Регламент определяет перечень рекомендуемых СГИИ, содержание и порядок работы с ними, а также порядок оформления ссылок на СГИИ, используемые при подготовке ВКР. Положения, содержащиеся в регламенте, носят обязательный характер для студентов, если не указано иное.

² Показателен всплеск интереса к теме «написание ВКР при помощи нейросети» весной 2023 года, когда впервые был медийно представлен случай успешной защиты бакалаврской ВКР, написанной при помощи искусственного интеллекта (https://ai.sber.ru/post/student_iz_rossii_zashchitil_diplom_kotoryj_napisal_ii-bot).

Методология исследования

Разработка регламента опирается:

- на концептуальные основы двух ключевых стратегических направлений развития Московского городского педагогического университета в рамках реализации программы академического лидерства «Приоритет 2030» — цифровая дидактика и комплексная система оценивания образовательных результатов;
- Положение о проведении государственной итоговой аттестации в ГАОУ ВО МГПУ (Приказ № 882 общ. от 28.12.2022, Приказ о внесении изменений № 633 общ. от 04.09.2023) об использовании СГИИ при написании ВКР.

Перед созданием регламента авторами был проведен предварительный анализ существующих образцов соответствующей предписывающей документации в русско-, англо- и франкоязычном дискурсивных пространствах. Анализ показал, что, несмотря на обширное медийное и научное поле источников, посвященных общим вопросам возможности, этичности и дискуссионности имплементации генеративного искусственного интеллекта в академическую письменную продукцию студентов, а также избыточной, но недостаточно структурированной (в контексте правомерности использования того или иного инструмента) информации о различных нейросетевых технологиях и средствах, аналогов разрабатываемого документа не существует.

Из наиболее актуальных и значимых трудов упомянем работы преподавателей факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (см., например, (Авраменко, 2023)), посвященные теоретическим и практическим аспектам использования нейрогенеративных технологий в лингвистике и лингводидактике, исследования Тамбовской школы методики обучения иностранному языку, рассматривающие методологические основы и этические аспекты взаимодействия субъектов иноязычного образования с искусственным интеллектом (в частности, см. (Сысоев, 2024)), а также методические рекомендации по внедрению СГИИ в вузовское образование, разработанные в Томском государственном университете (Методические рекомендации..., 2024). Однако в упомянутых источниках, как и в других трудах подобного рода, экспоненциальный рост которых констатируется сегодня, за рамками рассмотрения остаются вопросы регламентации студенческого научно-академического продукта квалифицирующего характера — ВКР.

Таким образом, представляемый локальный акт является первым и **уникальным** в своем роде **нормативным документом, детально определяющим регламентацию** использования СГИИ студентами **при подготовке и написании ВКР.**

Результаты исследования

Структура регламента имеет классический характер нормативного документа и организована согласно следующим позициям:

1. Раздел «*Общие положения*», где сформулирована цель создания документа и его характер локального нормативного акта.

2. Раздел «*Основные принципы применения СГИИ при подготовке текста ВКР*», где представлены сведения о нормативных документах, на которые опирается регламент, и где приведен краткий перечень СГИИ, рекомендованных для использования студентами при подготовке ВКР (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

**Перечень СГИИ, рекомендованных для использования
при подготовке и написании ВКР**

List of AI-tools recommended for use while working on the graduate paper

СГИИ	Описание функциональности	Ссылка на ресурс
GigaChat	Языковая модель, понимающая русский язык, умеющая поддерживать диалог, отвечать на вопросы, создавать тексты и изображения	https://developers.sber.ru/portal/products/gigachat
YandexGPT	Языковая модель, работающая с русским языком, предназначенная для решения задач по анализу текстов и массивов текстовых данных с последующим формулированием выводов на их основе	https://yandex.cloud/ru/services/yandexgpt
Rytr	Языковая модель, позволяющая создать на основе промпта текст на русском языке в заданном формате	https://rytr.me
DeepL	Онлайн-сервис на основе искусственного интеллекта, предназначенный для перевода и редактирования текстов	https://www.deepl.com
Apihost	Нейросеть, предназначенная для озвучивания текста онлайн, перевода голоса в текст, генерации текста и других задач	https://apihost.ru
Wordify	Нейросеть, в функции которой входит создание и редактирование текстового контента, генерация изображений	https://wordify.ru
Midjourney	Языковая модель, предназначенная для генерации текста и изображений на основе текстовых описаний	https://www.midjourney.com/
НейроТекстер	Нейросеть, способная создавать тексты на русском языке в различных форматах в соответствии с запросом пользователя	https://neuro-texter.ru
MistralAI	Языковая модель, работающая с текстовыми данными на английском, французском, итальянском, немецком и испанском языках	https://mistral.ai/technology/#models
Kagi Universal Summarizer	ИИ-сервис, позволяющий выполнить краткий пересказ (саммаризацию) и собрать ключевые моменты интернет-контента любого типа и объема	https://kagi.com/

Перечень носит рекомендательный характер и представляет собой открытую систему. Основанием для включения ресурса в данный перечень являлось его соответствие следующим критериям: доступность на территории Российской Федерации, открытый доступ или наличие бесплатной функциональности, возможность применения для решения универсальных исследовательских и прикладных задач или специальных задач в области лингвистики и лингводидактики. Предложенный перечень может быть дополнен иными СГИИ, выбираемыми обучающимся самостоятельно в зависимости от исследовательских и иных задач, при условии соблюдения законодательства и этических норм, принятых на территории РФ в отношении использования генеративных нейросетей.

Обращаем внимание на то, что при подборе СГИИ важно учитывать основные показатели качества, которые, на основании ГОСТ–28806, валидны для любого поколения электронных средств, цифровых инструментов и программного обеспечения: функциональность, надежность; удобство пользования; эффективность; сопровождаемость, мобильность (Полтавский и др., 2021, с. 111).

3. Раздел «Использование СГИИ для исследовательских задач», в котором зафиксировано, что при подготовке и написании текста ВКР СГИИ могут применяться студентами на таких этапах работы, как:

- составление плана ВКР;
- поиск современной научной литературы по теме ВКР;
- обзор научной литературы по теме ВКР;
- поиск источников для формирования эмпирической базы исследования;
- анализ эмпирических данных;
- составление опросов;
- редактирование текста ВКР;
- визуализация данных и подготовка иллюстративных материалов к ВКР;
- составление русскоязычной и англоязычной аннотации к ВКР;
- оформление списка научной литературы.

Упомянется, что корректность ответов СГИИ зависит от корректной формулировки запроса (промпта) со стороны пользователя. Для получения релевантных и точных сведений по теме ВКР важно максимально детально сформулировать запросы к СГИИ, при этом обозначив, что сгенерированный текст должен соответствовать научному стилю.

Приводятся примеры эффективных промптов:

Проверь орфографию, пунктуацию и стиль текста. Исправь ошибки. Текст должен соответствовать нормам научного стиля.

Сделай краткую аннотацию к следующему тексту [ссылка] и переведи ее на английский язык.

Напиши пошаговый план исследования на тему «ТЕМА».

Важно подчеркнуть, что при использовании СГИИ на любом этапе исследования для выполнения любого рода задач обучающийся обязан подробно

описать в тексте ВКР или в приложении к ВКР **цель** использования СГИИ и **пошаговую процедуру взаимодействия** с выбранной моделью, в том числе общую стратегию использования СГИИ в ВКР, ожидаемый **результат**, используемые **запросы** (промпты) и **ответы** модели, **полученные результаты, выводы**.

В целях оптимизации использования СГИИ и получения максимально достоверных результатов рекомендуется предварительно ознакомиться с технической документацией СГИИ и определить потенциальные слабые точки, т. е. те аспекты работы, с выполнением которых СГИИ может не справиться.

4. Раздел «*Рекомендации по включению указания на использование СГИИ в разделы ВКР*» содержит руководство по применению СГИИ на разных этапах написания работы.

Так, студенты должны указывать в тексте ВКР, в списке литературы или в сносках, что при написании ВКР ими использовались СГИИ.

Обращение к СГИИ в процессе подготовки текста ВКР должно найти отражение в следующих разделах ВКР:

А. В разделе «Введение» — при описании методов, используемых в исследовании. Рекомендуется ввести отдельный пункт «Средства генеративного искусственного интеллекта», следующий за пунктом «Методы исследования», в котором будут перечислены все СГИИ, использованные при подготовке текста ВКР, и для каждого СГИИ будет представлена цель и формат использования (например, генерация текста, редактирование текста, оформление библиографического списка, поиск примеров, составление англоязычной аннотации и пр.).

В. В основном тексте работы — при описании методики и пошаговой процедуры исследования в аспекте специфики лингвистической и лингводидактической направленности (для анализа языковых данных и решения или разработки методических кейсов);

С. В разделе «Заключение» — при описании результатов и подведении итогов исследования рекомендуется описать функциональные ограничения СГИИ и возможность их влияния на результаты исследования, а также выразить авторскую позицию по этическим вопросам использования СГИИ (соблюдение правил работы с персональными данными и ограничения в доступности СГИИ, верификационная процедура ответов языковых моделей и т. д.).

Д. В разделе «Список литературы» — при указании научной литературы и источников иллюстративного материала.

Приводятся иллюстративные примеры использования нейросетевых моделей.

Пример 1. Алгоритм действий студента по применению СГИИ при составлении плана ВКР:

1. Сформулировать ключевые слова, связанные с темой работы.
2. Найти подходящую нейронную сеть (например, ruGPT-3).
3. Загрузить в нейросеть текст с ключевыми словами и попросить сгенерировать план работы.

4. Просмотреть предложенные варианты плана и выбрать наиболее подходящий.
5. Откорректировать план, если это необходимо.
6. Использовать полученный план для написания работы.
7. Описать в тексте работы взаимодействие с нейросетью и указать в списке источников метаданные СГИИ.

Пример 2. *Пример взаимодействия³ с диалоговой системой Perplexity (<https://www.perplexity.ai>) для решения конкретной задачи исследования (подготовка студенческой научной статьи по результатам исследования):*

Начало диалога (первый запрос): Напиши, пожалуйста, аннотацию к статье на тему «Использование средств генеративного искусственного интеллекта для исследовательских задач в области лингвистики».

Ответ: В статье рассматривается использование средств генеративного искусственного интеллекта для решения исследовательских задач в области лингвистики. Анализируются различные методы и инструменты, которые могут быть использованы для создания языковых моделей, способных генерировать естественно звучащий язык и решать задачи, связанные с обработкой естественного языка. Рассматриваются преимущества и недостатки использования этих методов, а также их потенциальное влияние на будущее лингвистики и связанных с ней дисциплин. Кроме того, обсуждаются этические вопросы, связанные с использованием искусственного интеллекта в лингвистике, такие как ответственность авторов и возможность использования этих технологий для создания дезинформации.

Второй запрос: Подбери ключевые слова.

Ответ: Генеративный искусственный интеллект, лингвистика, языковые модели, естественно звучащий язык, обработка естественного языка, преимущества и недостатки, будущее лингвистики, этические вопросы, ответственность авторов, дезинформация.

Уточнение запроса: Количество ключевых слов не должно превышать 5.

Ответ: Генеративный искусственный интеллект, лингвистика, языковые модели, обработка языка, этические вопросы.

Третий запрос: Переведи аннотацию и ключевые слова на английский язык.

Ответ:

Аннотация

The article explores the use of generative artificial intelligence tools for research tasks in the field of linguistics. Various methods and tools are analyzed that can be used to create language models capable of generating natural-sounding language and solving tasks related to natural language processing. The advantages and disadvantages of using these methods are discussed, as well as their potential impact on the future of linguistics and related disciplines. Ethical issues related to the use of artificial intelligence in linguistics, such as author responsibility and the potential for using these technologies to create misinformation, are also considered.

Ключевые слова

Generative artificial intelligence, linguistics, language models, natural language processing, ethical issues.

³ NB! Здесь запросы и ответы диалоговой системы приводятся без редакторской правки.

Четвертый запрос: Переведи аннотацию и ключевые слова на французский язык.

Ответ:

Аннотация

L'article traite de l'utilisation d'outils d'intelligence artificielle générative pour les tâches de recherche dans le domaine de la linguistique. Différentes méthodes et outils sont analysés qui peuvent être utilisés pour créer des modèles de langage capables de générer un langage naturel et de résoudre des tâches liées à la transformation du langage naturel. Les avantages et les inconvénients de l'utilisation de ces méthodes sont discutés, ainsi que leur impact potentiel sur l'avenir de la linguistique et des disciplines connexes. Des questions éthiques liées à l'utilisation de l'intelligence artificielle en linguistique, telles que la responsabilité des auteurs et la possibilité d'utiliser ces technologies pour créer de la désinformation, sont également prises en compte.

Ключевые слова

Intelligence artificielle générative, linguistique, modèles de langage, traitement du langage naturel, questions éthiques.

Пятый запрос: Переведи аннотацию и ключевые слова на немецкий язык.

Ответ:

Аннотация

Der Artikel behandelt die Verwendung von Werkzeugen der generativen künstlichen Intelligenz für Forschungsaufgaben in der Linguistik. Verschiedene Methoden und Werkzeuge werden analysiert, die verwendet werden können, um Sprachmodelle zu erstellen, die in der Lage sind, natürlich klingende Sprache zu generieren und Aufgaben im Zusammenhang mit der Verarbeitung natürlicher Sprache zu lösen. Die Vorteile und Nachteile der Verwendung dieser Methoden werden diskutiert, ebenso wie ihr potenzieller Einfluss auf die Zukunft der Linguistik und verwandter Disziplinen. Auch ethische Fragen, die mit der Verwendung künstlicher Intelligenz in der Linguistik verbunden sind, wie die Verantwortung der Autoren und die Möglichkeit, diese Technologien zur Erstellung von Desinformation zu verwenden, werden berücksichtigt.

Schlüsselwörter

Generative künstliche Intelligenz, Linguistik, Sprachmodelle, Verarbeitung natürlicher Sprache, ethische Fragen.

Аннотацию и ключевые слова требуется проверить с точки зрения корректности речевых конструкций и соответствия нормам научного стиля определенного языка. В готовой статье (в виде примечания или непосредственно в тексте) необходимо указать, что при написании аннотации использовался ИИ-инструмент, указать метаданные СГИИ.

Пример 3. Иллюстративный пример по взаимодействию с нейросетью (<https://chatinfo.ru/>) по составлению списка литературы по изучаемой проблематике (рис. 3).

ChatINFO
нейросеть онлайн

Перейти в чат

Нейросеть Цены Вход **Регистрация**

Список литературы нейросетью

Выберите режим:

Список литературы

Нейросеть

Привет! На какую тему составить список литературы?

Вы

маркетинговая лингвистика

повторить

Список литературы

1. Белякин, А. С. Маркетинговая лингвистика: учебное пособие. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 296 с.
2. Васильева, Н. В. Лингвистические аспекты маркетинговых коммуникаций: учебное пособие. – М.: Издательство Флинта, 2017. – 224 с.
3. Воробьев, И. В. Языковые средства рекламы: маркетинговый аспект. – СПб.: Издательство Иван Лимберг, 2016. – 176 с.
4. Григорьева, Е. Г. Рекламный дискурс и маркетинговая коммуникация: учебник. – М.: Издательство Логос, 2019. – 312 с.
5. Давыдов, А. И. Лингвистические аспекты маркетинга: учебное пособие. – СПб.: Издательство Питер, 2015. – 240 с.
6. Журавлева, О. В. Маркетинговая лингвистика: учебное пособие для студентов вузов. – М.: Издательство Экзамен, 2018. – 192 с.
7. Зайцев, А. П. Лингвистические основы маркетинга: учебное пособие. – М.: Издательство Дело, 2017. – 264 с.
8. Колесникова, И. М. Языковые средства в маркетинге: учебное пособие. – М.: Издательство ИНФРА-М, 2014. – 188 с.
9. Лебедева, Т. А. Маркетинговая лингвистика: теория и практика. – СПб.: Издательство БХВ-Петербург, 2019. – 320 с.
10. Михайлова, Е. И. Лингвистика рекламного текста: исследование маркетинговых аспектов. – М.: Издательство Аспект Пресс, 2016. – 216 с.
11. Никитин, В. П. Маркетинговая лингвистика: учебное пособие. – М.: Издательство КноРус, 2018. – 248 с.
12. Орлова, А. С. Языковые средства маркетинга: учебное пособие. – М.: Издательство Росмэн, 2017. – 184 с.
13. Петрова, Е. Д. Лингвистические аспекты рекламы: учебное пособие. – М.: Издательство Академия, 2015. – 202 с.
14. Смирнова, М. Н. Маркетинг и лингвистика: учебное пособие. – М.: Издательство Академия, 2016. – 236 с.
15. Топстопятова, А. Н. Лингвистические технологии в маркетинге: учебное пособие. – СПб.: Издательство Питер, 2018. – 272 с.

копировать

Какой список литературы составить **Отправить**

Рис. 3. Образец диалога с чат-ботом, генерирующим список литературы по теме «Маркетинговая лингвистика»

Fig. 3. Sample dialogue with a chatbot generating a list of references on the topic «Marketing Linguistics»

Обучающийся обязан указать факт использования СГИИ вне зависимости от того, какую форму СГИИ он применял: чат-боты (например, *YandexGPT*), расширения для браузера (например, *Merlin* или *WritingMate.ai*), сторонние сайты, обладающие функциями чат-ботов (например, *chatgptbot.ru*), и пр.

5. Раздел «*Оформление ссылок на СГИИ в тексте ВКР*» предлагает примеры оформления внутритекстовых и затекстовых ссылок на используемые в работе нейросетевые сервисы и инструменты.

Авторы подчеркивают, что студент несет ответственность за корректное оформление ссылок на СГИИ, использованных при подготовке текста работы. Наименование и выходные данные (версия) всех используемых СГИИ вносятся в список литературы. В тексте работы на каждую позицию из списка литературы должна быть оформлена ссылка согласно следующему формату:

Автор СГИИ (при наличии), название модели, номер версии, тип модели, URL-адрес страницы.

Образец оформления библиографической записи в списке литературы:

OpenAI, ChatGPT (версия 3.5). Большая языковая модель. <https://chat.openai.com/chat>

Образец внутритекстовой ссылки:

[OpenAI, 2023].

6. Раздел «*Проверка данных, полученных при помощи СГИИ*» посвящен этическому аспекту интеграции искусственного интеллекта в академическую продукцию студентов.

Субъектно-воспитательный акцент сделан авторами регламента и настоящей статьи: **ответственность за содержание и оформление ВКР возлагается на обучающегося**. СГИИ выступает **исключительно инструментом** для подготовки и написания текста ВКР. Обучающиеся **обязаны проверять достоверность** данных, полученных при помощи СГИИ, в том числе предлагаемых СГИИ источников научной литературы и цитат, примеров эмпирических результатов и языковых данных. Не допускается включение в текст ВКР сгенерированного текста или фактических данных, достоверность которых не была проверена обучающимся.

Заключение

Подводя итог, подчеркнем, что представленный в статье прескриптивный документ отражает понимание авторами необходимости разработки регламентации использования СГИИ при написании ВКР бакалавров и магистров, обучающихся по направлениям «Лингвистика» и «Педагогическое образование». Значимость данного регламента, корректность разработанного протокола действий подтверждена представителями профессорско-преподавательского состава и административно-управленческого персонала Института иностранных языков МГПУ. В апреле 2024 года регламент прошел рассмотрение руководителями образовательных программ, специалистами департамента

обеспечения образовательного процесса, был принят на заседании ученого совета института, получил поддержку и одобрение для апробации на практике у выпускных курсов бакалавриата и магистратуры обозначенных направлений.

Несмотря на заявленный прикладной аспект регламентации использования СГИИ (применительно к лингвистическому и лингводидактическому профилям), авторы выражают уверенность в масштабируемости проекта, универсальном характере методических рекомендаций и возможности переноса основного процедурального алгоритма (с необходимыми дополнениями, определяемыми спецификой программы подготовки и образовательной ступенью) для написания научных работ разного жанра в любую другую сферу профессиональной подготовки.

Прозрачность в понимании потенциала СГИИ и легализация правильного использования передовых нейросетевых инструментов для создания научных и учебно-методических студенческих разработок даст ощутимый эффект в обеспечении качества университетского образования, создания условий для осознанности и самостоятельности студентов.

Список источников

1. Авраменко, А. П. (2023). *Большие языковые модели в лингвистике и лингводидактике*. КДУ, Добросвет. <https://doi.org/10.31453/kdu.ru.978-5-7913-1343-0-2023-129>
2. ГОСТ Р 59277-2020. *Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта*. Утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 23 декабря 2020 г. № 1372-ст.
3. Иванова, А. С., Матюшенко, У. А., Прокопенко, Н. И., Фещенко, А. В., Худышкина, М. А., Чечихина, А. Н., & Яковлева, К. И. (2024). *Методические рекомендации по использованию генеративного искусственного интеллекта в преподавании в высшем учебном заведении*. ТГУ.
4. Полтавский, А. В., Федянина, В. А., Скотченко, А. С., & Шевцова, М. В. (2021). *Основы цифровизации: первые поколения отечественных электронных вычислительных систем, компьютерные сети и машинные переводчики*. Сам полиграфист.
5. Распоряжение Правительства РФ от 21 декабря 2021 г. № 3759-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации науки и высшего образования». (2021). *ГАРАНТ.РУ* <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403203308/>
6. Абдюханов, Р. Х., Абрамов, В. И., Ашманов, С. И., ..., & Яценко, Д. В. (2023). *Современная {цифровая} дидактика*. А-Приор.
7. Щепилова, А. В., Гончарова, В. А., Михайлова, С. В., Бажанов, А. Е., & Алпатов, В. В. (2017). Современный университет: от модели к российской действительности. *Высшее образование в России*, 12, 92–101.
8. Сулейманова, О. А. (2017). К вопросу о нормативности письменного академического дискурса. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(26), 52–61.
9. Сысоев, П. В. (2024). Этика и ИИ-плагиат в академической среде: понимание студентами вопросов соблюдения авторской этики и проблемы плагиата в процессе

взаимодействия с генеративным искусственным интеллектом. *Высшее образование в России*, Т. 33, 2, 31–53. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-2-31-53>

10. Тарева, Е. Г., & Михайлова, С. В. (2018). Русский язык в эпоху глобальных образовательных трансформаций. *Обучение французскому и русскому языкам как иностранным: лингвистические и дидактические аспекты* (с. 93–104). Языки Народов Мира, Тезаурус.

11. Тарева, Е. Г. (2020). Курс методики обучения иностранным языкам в новом измерении. В В. Б. Царькова, А. А. Люлюшин (Ред.). *Научное наследие Е. И. Пассова в контексте развития иноязычного образования* (с. 277–283). Материалы Международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Е. И. Пассова, Липецк, 01–02 декабря 2020 года. Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского.

12. Тарева, Е. Г. (2022). Языковое образование: векторы трансформации. *Иностранные языки в школе*, 10, 5–10.

13. Тивьяева, И. В. (2024). Академическая культура и перспективы использования нейросетей в практике русско-английской научной коммуникации. *Три «Л» в парадигме современного гуманитарного знания: лингвистика, литературоведение, лингводидактика* (с. 154–159). Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 23 ноября 2023 года. Языки Народов Мира.

14. Suleimanova, O. A. (2020). Towards synergetic combination of traditional and innovative digital teaching and research practices. *Training, Language and Culture*, Vol. 4, 4, 39–50. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2020-4-4-39-50>

15. Орехова, Е. Я., Тарева, Е. Г., Михайлова, С. В., ..., & Фомина, М. А. (2022). *Terra autonotia: предопределяя будущее иноязычного образования в автономном вузе*. Коллективная монография. Е. Я. Орехова, Е. Г. Тарева, С. В. Михайлова (Ред.). Языки Народов Мира.

References

1. Avramenko, A. P. (2023). *LLM in linguistics and linguodidactics*. KDU, Dobrosvet. (In Russ.).

2. GOST P 59277-2020. *Artificial intelligence systems. Classification of artificial intelligence systems*. Approved and put into effect by Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated 23 December 2020. № 1372-st. (In Russ.).

3. Ivanova, A. S., Matyushenko, U. A., Prokopenko, N. I., Feshchenko, A. V., Khudyshkina, M. A., Chechikhina, A. N., & Yakovleva, K. I. (2024). *Methodological recommendations on the use of generative artificial intelligence in teaching at a higher education institution*. TGU. (In Russ.).

4. Poltavskij, A. V., Fedyanina, V. A., Skotchenko, A. S., & Shevtsova, M. V. (2021). *Foundations of digitalization: the first generations of domestic electronic computing systems, computer networks and machine translators*. Sam poligrafist. (In Russ.).

5. Order of the Government of the Russian Federation № 3759-r dated 21 December 2021 «On approval of the strategic direction in the field of digital transformation of science and higher education». (2021). *GARANT.RU* <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403203308/> (In Russ.).

6. Abdyuhanov, R. H., Abramov, V. I., Ashmanov, S. I., & Yatsenko, D. V. (2023). *Contemporary {digital} didactics*. A-Prior. (In Russ.).

7. Shechpilova, A. V., Goncharova, V. A., Mikhaylova, S. V., Bazhanov, A. E., & Alpatov, V. V. (2017). Contemporary University: From Model to Russian Reality. *Higher Education in Russia, Vol. 12*, 92–101. (In Russ.).
8. Sulejmanova, O. A. (2017). Guidelines towards academic writing. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(26), 52–61. (In Russ.).
9. Sysoev, P. V. (2024). Ethics and AI plagiarism in academia: students' understanding of author ethics and the problem of plagiarism as they interact with generative artificial intelligence. *Vyshee obrazovanie v Rossii, Vol. 33, 2*, 31–53. (In Russ.). <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-2-31-53>
10. Tareva, E. G., & Mikhaylova, S. V. (2018). Russian language in the era of global educational transformations. *Teaching French and Russian as foreign languages: linguistic and didactic aspects* (pp. 93–104). (In Russ.).
11. Tareva, E. G. (2020). Foreign language teaching methodology course in a new dimension. In V. B. Tsarkova, A. A. Lyulyushin (Ed.). *Dr. E. I. Passov's scientific heritage in the context of foreign language education development* (pp. 277–283). (In Russ.).
12. Tareva, E. G. (2022). Language education: vectors of transformation. *Foreign Languages at School*, 10, 5–10. (In Russ.).
13. Tivyaeva, I. V. (2024). Academic culture and perspectives of using neural networks in Russian-English academic communication. *Tri «L» v paradigme sovremenogo gumanitarnogo znaniya: lingvistika, literaturovedenie, lingvodidaktika* (pp. 154–159). Collection of scientific articles of the All-Russian. (In Russ.).
14. Suleimanova, O. A. (2020). Towards synergetic combination of traditional and innovative digital teaching and research practices. *Training, Language and Culture*, 4, 39–50. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2020-4-4-39-50>
15. Orekhova, E. Ja., Tareva, E. G., Mikhaylova, S. V., ..., & Fomina, M. A. (2022). *Terra autonoma: predetermining the future of foreign-language university education at an autonomous university*. Collective monograph. E. Ya. Orekhova, E. G. Tareva, S. V. Mikhailova (Eds.). Yazyki Narodov Mira. (In Russ.).

Информация об авторах / Information about the authors

Тивьяева Ирина Владимировна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкознания и переводоведения, заместитель директора Института иностранных языков МГПУ.

Irina V. Tivyaeva — D. Sc. (Philology), Docent, Professor of the Department of Linguistics and Translation Studies, Deputy Director of the Institute of Foreign Languages of Moscow City University.

Михайлова Светлана Владиславовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков и лингводидактики Института иностранных языков МГПУ.

Svetlana V. Mikhailova — PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Romance Languages and Linguodidactics at the Institute of Foreign Languages of Moscow City University.

Казанцева Анжела Анатольевна — кандидат педагогических наук, начальник департамента обеспечения образовательного процесса, доцент кафедры романских языков и лингводидактики Института иностранных языков МГПУ.

Anzhela A. Kazantseva — PhD in Pedagogy, Head of Department of Education Support, Associate Professor of the Department of Romance Languages and Linguodidactics at the Institute of Foreign Languages of Moscow City University.

Вклад авторов

Тивьяева Ирина Владимировна — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста.

Михайлова Светлана Владиславовна — концепция исследования; развитие методологии; доработка текста; итоговые выводы.

Казанцева Анжела Анатольевна — концепция исследования; доработка текста.

Contribution of the authors

Irina V. Tivyayeva — research supervision; research concept; methodology development; writing the draft.

Svetlana V. Mikhailova — research concept; methodology development; text revision, final conclusions.

Anzhela A. Kazantseva — research concept; text revision.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по филологии (литературоведению, русскому языку, германским языкам, романским языкам, восточным языкам), теории языка, языковому образованию, межкультурной коммуникации.

Журнал адресован преподавателям высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям ученой степени и студентам.

Редакция просит авторов при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия «Филология. Теория Языка. Языковое образование» (далее — «Вестник»), руководствоваться данными требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом университета и разработанными в соответствии с ГОСТ Р 7.07–2021 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Авторами статей «Вестника» могут быть ученые, исследователи (докторанты, аспиранты).

Научные статьи принимаются в течение года и в случае положительного решения редколлегии включаются в рукопись одного из очередных номеров журнала **в порядке поступления**.

Не принимаются ранее опубликованные статьи и материалы, не отвечающие предъявляемым далее требованиям.

Журнал публикует только **оригинальные высококачественные научные работы** (не менее 85 % по результатам проверки в системе обнаружения текстовых заимствований «Антиплагиат»: <https://mgpu.antiplagiat.ru/>).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 82-1: 82-193.3

DOI

Строфика и жанровое разнообразие поэзии О. Уайльда**Николаева Марина Николаевна**

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,
NikolaevaM@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0152-1647>

Аннотация. Статья посвящена Актуальность исследования обусловлена ... Статья направлена на раскрытие / обоснование / разработку ... Ведущим методом в исследовании выступил ... Выборка исследования включала ... В статье выявлено / обосновано / раскрыто ... Представленные в статье результаты / материалы позволяют ... (200–250 слов).

Ключевые слова: жанр, строфика, классическая стихотворная форма, катрен, терцет, рифма (3–15 слов / словосочетаний).

Для цитирования: Николаева, М. Н. (2022). Строфика и жанровое разнообразие поэзии О. Уайльда. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(45), __. <https://doi.org/xxx>

Original article

UDC

DOI

Strophic and genre diversity of O. Wilde's poetry**Marina N. Nikolaeva**

Moscow City University,
Moscow, Russia,
NikolaevaM@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0152-1647>

Abstract. The article regards / features/ studies ... The study proves relevant due to ... The article aims at ... The principal research method is... The empirical data include ... The paper reveals / claims ... The findings contribute to ... 200–250 words.

Keywords: genre, stanza, classical poetic form, quatrain, tercet, rhyme (3–15 words).

For citation: Nikolaeva, M. N. (2022). Strophic and genre diversity of O. Wilde's poetry. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(45), __. <https://doi.org/xxx>

Введение / Introduction

Творческая индивидуальность Оскара Уайльда, представителя англо-ирландской литературы, ключевой фигуры эстетизма и западноевропейского модернизма, формировалась под воздействием философско-эстетических доктрин Уолтера Пейтера, оксфордского наставника Уайльда и идей Джона Рёскина. Так, У. Пейтер утверждал, что «only organizing power of art could arrest the rush of time <...> and would allow the individual's awareness 'to burn always with this hard, gem-like flame'» (Varty, 2000, p. X).

Современные исследователи отмечают, что изучение творчества О. Уайльда «through a contextualized historical perspective has become an important approach» (Yang, 2020, p. 36). Мы согласны, что важно рассматривать творчество писателя с опорой на жизненные факты. Однако сформировавшийся за столетие «феномен Уайльда», который «проявился в особом внимании к личности О. Уайльда, в какой-то степени заслонила для многих его творчество не только в массовом сознании, но и в трудах исследователей, как его современников, так и уайльдоведов последующих поколений» (Луков, 2007).

Текст

Во введении четко формулируются цели и задачи. Концепция исследования базируется на доказанных научных положениях.

Методология исследования / Methodology

В разделе **Методология исследования** приводится обоснование выбора методологического подхода, дается описание эксперимента, материала и процедуры исследования. Текст

Текст текст текст текст

Результаты и дискуссия / Результаты исследования / Ход исследования / Results and discussion

В разделе **Результаты** приводится описание того, что было получено, а не сделано. Важно придерживаться последовательного логического изложения. Результаты иллюстрируются минимально необходимыми примерами. В разделе **Дискуссия** полученные результаты анализируются в контексте уже имеющихся данных. Рассматриваются возможные причины и следствия. Текст

Текст текст текст текст

Заключение / Conclusion

В **Заключении** подводятся теоретически, методологически и практически значимые итоги и перспективы исследования. Новая информация не вводится. Текст

Текст текст текст текст

Список источников

1. Varty, A. (2000). Introduction. *The Collected Poems of Oscar Wilde*. Wordsworth Edition Limited. III–XXVI.

2. Yang, Yu. (2020). The Aesthetics of Exhibitionism: Oscar Wilde as a Public Aesthete. *English Language, Literature & Culture*, 5(1), 36–44. <https://doi.org/10.11648/j.ellc.20200501.14>
3. Луков, Вл. А., & Соломатина, Н. В. (2007). *Феномен Уайльда: тезаурусный анализ*. Издательство Московского гуманитарного университета. https://mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Lukov%26Solomatina_Wilde/
4. Чупрына, О. Г., Баранова, К. М., & Меркулова, М. Г. (2018). Судьба как концепт в языке и культуре. *Вопросы когнитивной лингвистики*, 3, 120–125.
5. Тетельман, А. И. (2007). *Взаимодействие жанров в творчестве Оскара Уайльда* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Казань].
6. Рауд, Н. П. (2007). *Образный строй поэзии Оскара Уайльда* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Санкт-Петербург].
7. Бахнова, Ю. А. (2010). *Поэзия Оскара Уайльда в переводах поэтов Серебряного века* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Томск].
8. Уайльд, О. (2017). *Критик как художник. Искусство и действительность*. Рипол Классик.
9. *Литературная энциклопедия терминов и понятий* (под ред. А. Н. Николюкина). (2001). ИНИОН РАН: Интелвак.
10. *Твердые стихотворные формы*. (2021, 18 мая). <https://myfilology.ru//137/tverdye-stikhotvornye-formy>
11. Бехер, Р. И. (1965). Философия сонета, или Маленькое наставление по сонету. *Вопросы литературы*, 10, 190–208.
12. Николаева, М. Н. (2015). Языковые особенности стихотворных «пейзажных картин» О. Уайльда. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(17), 50–57.

References

1. Varty, A. (2000). Introduction. *The Collected Poems of Oscar Wilde*. Wordsworth Edition Limited. III–XXVI.
2. Yang, Yu. (2020). The Aesthetics of Exhibitionism: Oscar Wilde as a Public Aesthete. *English Language, Literature & Culture*, 5(1), 36–44. <https://doi.org/10.11648/j.ellc.20200501.14>
3. Lukov, Vl. A., & Solomatina, N. V. (2007). *Phenomenon of O. Wilde's: thesaurus analysis*. Moscow Humanities University Publishing house. https://mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Lukov%26Solomatina_Wilde/ (In Russ.).
4. Chupryna, O. G., Baranova, K. M., & Merkulova, M. G. (2018). Fate as a concept in language and culture. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 3, 120–125. (In Russ.).
5. Tetelman, A. I. (2007). *Genre interrelation in O. Wilde's works* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.03. Kazan]. (In Russ.).
6. Raud, N. P. (2007). *Image system in O. Wilde's poetry* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.03. Saint-Petersburg]. (In Russ.).
7. Bakhnova, Yu. A. (2010). *O. Wilde's poetry in Silver Age poets' translation* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.03. Tomsk]. (In Russ.).
8. Wilde, O. (2017). *Critic as artist. Art and reality*. Ripol Klassik. (In Russ.).
9. *Literary encyclopaedia of terms and concepts*. (2001). INION RAN: Intelvak. (In Russ.).
10. *Fixed verse*. (2021, May 18). <https://myfilology.ru//137/tverdye-stikhotvornye-formy/> (In Russ.).
11. Beher, R. I. (1965). Sonnet philosophy or a small guidebook on sonnets. *Voprosy literatury*, 10, 190–208. (In Russ.).
12. Nikolaeva, M. N. (2015). Language features of O. Wilde's Impressionism poems. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1 (17), 50–57. (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the author

Марина Николаевна Николаева — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии Института иностранных языков МГПУ.

Marina N. Nikolaeva — PhD (Philology), Docent, Associate Professor of English Philology Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Рукопись статьи отправляется по электронной почте секретарям «Вестника» (Л. А. Борботько, И. И. Матвеева) **в зависимости от принадлежности статьи той или иной тематике:**

– литературоведение (иностраные языки), германистика, романистика, теория языка, теория межкультурной коммуникации языковое образование, лингводидактика (иностраный язык): ludmilaborbotko@gmail.com;

– литературоведение (русский язык, славянские языки), русистика, языковое образование: vestnikmgpu@mail.ru

Научный журнал / Scientific Journal

Вестник МГПУ.

Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование».

MCU Journal

of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education

2024, № 2 (54)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-82093 от 17 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор педагогических наук, профессор *Е. Г. Тарева*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т. П. Веденеева*

Редактор:

Е. С. Терновскова

Корректор:

К. М. Музамилова

Перевод на английский язык:

Л. А. Борботько

Техническое редактирование и верстка:

Г. П. Васильева, А. В. Бармин, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36.

https://www.mgpu.ru/centers/izdat_centre/

Подписано в печать: 17.07.2024 г.

Формат: 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага: офсетная.

Объем: 14 печ. л. Тираж: 1000 экз.